

МИХАИЛ ПОПОВ

КАПИТАНСКАЯ ДОЧЬ

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

15

Единственным мужчиной, с которым у Ларисы отношения не складывались ну ни в какой степени, был её сын. Конечно, виновата она была сама, и даже готова была признать, что виновата. Мать не рядом с ребёнком — на что она может претендовать? Вечная червоточина в сердце — я скверная мать!

Неприятные приступы трезвости — а как можно устроить по-другому? Ребёнок в коммуналке под опекой Каблуковых!

Потом Ларисе неожиданно дали однокомнатную квартиру, и неплохую, в новом доме, строившемся для сотрудников ЦБПЗ последние лет двенадцать и вдруг победоносно достроенном прямо среди развалин СССР.

Но улучшение жилищных условий только усложнило жизненную ситуацию. Ларисе теперь намного труднее было представить сына в одном с собою жилище.

Кто и как будет за ним смотреть при её графике и режиме жизни?

Этим вопросом она обычно заканчивала свои сетования о том, что разлучена с ребёнком.

С ней никто не спорил, даже из числа тех, кто искренне не видел ничего особенного в её жизненной ситуации. Если кто-то пытался заикнуться в том смысле, а что тут такого? — Лариса смотрела на этого человека как на идиота, и так безапелляционно, что он сам себе начинал таким казаться...

Ларисе сочувствовали, входили в её положение, у неё было даже что-то вроде негласного звания матери-героини, в том смысле, что вынужденной жить без своего дитяти!

Сына Лариса не любила, и до такой степени, что даже иногда признавалась себе в этом. Он был виноват перед нею и не делал ничего, чтобы исправиться. Ну зачем он до такой степени подробно и полностью повторяет черты и повадки своего папаши? Кстати, пропавшего напрочь со всех горизонтов. Он вспоминался Ларисе уже каким-то сгинувшим, как бы из-под земли, и это её устраивало.

Мальчик между тем, не видя матери, рос в полноценной семье, при молодых, крепеньких бабушке и дедушке. Они возились с ним именно по-родительски, а не по-стариковски. Заботились, но не тряслись.

Тихий, укротный ребёнок, хорошист, на периферии учительского внимания. Не отличник, чтобы нахваливать и выдвигать, но и не двоечник-хулиган, чтобы о нём беспокоиться.

Капитан запаса Конев охотно ходил на родительские собрания, хотя и совершенно зря. Имя ученика Конева почти никогда на них не звучало. Поэтому, когда дочь справлялась в своём дежурном московском звонке — “как он?”, капитан честно отвечал: “в штатном режиме”.

Деда радовал. В комнате, доставшейся ему по наследству от матери, устроил свой мальчиковый мир. Центром его сделался лобзик. Мальчик был фанатом выпиливания. Его одно время пытались приторочить к баяну в Доме офицеров, но после того как он сыграл “Дунай, Дунай, а ну узнай” Лиону Ивановичу во время одного своего приезда в Москву, по совету опытного деятеля сцены от баяна отстали. “Пусть пилит”, — сказал Лион Ларисе, и она кивнула, решив, видимо, что Егор с баяна перейдёт на скрипку.

Мальчик выпиливал и клеил и всё сплошь модели советской военной техники. То есть действительно радовал деда. Капитан видел во внуке счастливое совмещение двух основных семейных традиций: художественной и военной. Пусть даже в такой фанерной форме.

Друзья у него были.

Хорошие ребята, кто-то из класса, кто-то из кружка в Доме офицеров. Он дружил с ними, но как-то не полностью, на три четверти. У него был огромный недостаток — его нельзя было ни в каком виде использовать в футбольной команде. Даже в качестве вратаря. Он “стоял” так, что лучше было играть при пустых воротах.

Использовался только в качестве болельщика.

Кстати, много болел.

Порода — выносил про себя вердикт капитан, сидя в очередной раз с температурающим в мокрой кровати внуком.

Однажды капитан Конев, зайдя в комнату мальчика, обнаружил, что у него из-под кровати торчит угол какой-то коробки. Вытащил. Оказалось, что это не просто коробка.

Кремлёвская стена! Из фанеры.

И уже выпиленные заготовки для башен. И даже покрашенная золотой краской луковка для соборной колокольни.

Не дожидаясь, пока внук явится из школы, капитан позвонил дочери, почти с надрывом объяснил, в чём дело. Мальчик грезит столицей, тем местом, где обретается мать. Вслух не жалуется, а тихо терзает фанеру и прячет тоску под кровать.

Да, я отвратительная мать, признала Лариса. Но неужели непонятно, почему всё так происходит?! Может, это жизнь нынешняя настолько отвратительна, что матери вынуждены так относиться к своим детям.

Капитан в общем и целом разделял взгляд столичной дочери на ситуацию в стране (на дворе был конец сентября девяносто третьего года, уже назревала незаконная расправа над парламентом), и он очень ценил, что его Ларочка где-то там, близко к горнилу, знает, чем смазываются рычаги, вороочающие историческим курсом родины. Он извинился, положил трубку и закурил.

Мы все должны ей помогать!

16

Михаил Михайлович опять усидел. И это удалось ему даже проще, чем во времена ГКЧП. С одной стороны, сказался специфический опыт: умение не брякнуть ничего лишнего, не выскочить в первые ряды с ненужным знаменем; с другой — бесповоротно изменилась структура реальности. На поверхности кипела битва прогрессистов и консерваторов, патриотов и западников, но реальные дела делались под поверхностью — ползучий, непрерывный, повсеместный передел государственных имуществ.

Ельцинские танки душили по дымящемуся парламенту, операторы CNN снимали это прямой наводкой с соседних крыш, а в кабинете на десятом этаже ЦБПЗ бродили идеи акционирования научно-общественного гиганта.

Лариса сидела в предбаннике шефа, держа в папке на коленях проект устава общественно-политической организации “Братья и сестры”. Всё то время, пока шла осада Белого Дома, она разрабатывала устав, сплывала актив. Шансы на успех не взвешивала. Всё или ничего. И она не боялась этого “ничего”. Она побывала в осаждённом здании парламента. Навестила знакомых, прочно засевавших там, готовых на всё. Она гордилась этими людьми, вдруг из мягкотелых интеллигентных русских пьяниц и болтунов превратившихся в людей, готовых рискнуть жизнью во имя идеи. Она глотнула тамошной неповторимой атмосферы. Какой-то из порывов ветра истории несомненно залетел туда, это тревожило её и возбуждало. По-хорошему, надо было бы примкнуть, остаться с единомышленниками, но она сразу поняла, что не в состоянии вынести гигиенический режим этой политической крепости. Страшно не то, что страшно, а то, что холодно и плохи туалеты.

Но она была готова сразиться на своём привычном участке фронта. Да, она выбрала не лучший момент для своего визита к товарищу шефу. Или, наоборот, лучший! Пиковый! Пусть старый морпех покажет себя, кто он таков на самом деле.

В предбаннике работал телевизор, обычно выключенный, как раз шла трансляция исторического расстрела.

Напротив Ларисы располагались три молодых человека, каждый также с папкой на коленях. Интересно, думала она неприязненно и подозрительно, в какие политические секты хотят втянуть шефа эти молодчики. Явно не в общество “Память”. Впрочем, сползания в эту сторону от товарища Александрова ждать не следовало. Помимо того, что трус, он ещё и старомодно интеллигентный человек, слишком дорожит тем, что считает своей репутацией. А что такое репутация, как не палка, которую, если нужно, вставляешь в колесо вражеской идеологической телеги?

Кто же такие эти трое?

Кажется, они не знакомы между собой. Или слишком хорошо знакомы, и между ними заранее всё обговорено, и им не нужно перемигиваться. Делают вид, что дымящееся здание российского парламентаризма не имеет к ним никакого отношения.

Волхвы какого-то нового порядка?

Откуда? Из администрации президента? Из префектуры?

Не глядят ни на красивую сердитую женщину, ни на экран. Глаза или полуприкрыты, или направлены в сторону окна.

Уверены, что уже победили?

Лариса решила, что если это откровенная демшиза, она встанет грудью.

Что будет делать конкретно?

А чёрт его знает, закатит истерику, драку, будет кусаться, вопить!

И вообще, почему она здесь сидит, когда там, в самом центре столицы унижается достоинство её родины! Белотелый парламент избивается артиллерийскими розгами. В этот момент в её сознании всплыло самое страшное для неё место в русской литературе: голую капитаншу Миронову тащат по грязи...

Никогда не дававшее себя знать, абсолютно здоровое сердце вдруг стало ворочаться и замирать. Лариса встала, секретарша, испуганная мышка Сашенька, робко подняла на неё глаза.

— Кто там у него? — спросила Лариса, показывая папкой на дверь кабинета шефа. Сашенька тоже встала, хотя не смогла бы объяснить, почему это делает. Наверно, от ужаса. Ей было строжайше велено, чтобы никого! Но она понимала, что если эта страшная женщина рванёт в кабинет, её нельзя будет остановить.

— Что вы говорите? — прошптала секретарша.

Ситуация разрешилась сама собой. Дверь отворилась, и в коридор выглянул Михаил Михайлович. Лицо его, изготовившееся для деловой улыбки, исказилось при виде Ларисы. Он не знал, что сказать.

Три молчаливых гостя в одинаковых костюмах последовательно встали и, поправляя галстуки, проследовали в кабинет. Даже не глянув на конкурентку.

Лариса развернулась и, тупо вбивая каблук в пол, двинулась вон из приёмной. Такой разворот событий не устраивал Михаила Михайловича. Он хотя и ощущал нечто вроде — баба с возу, — но не мог, не мог до конца и сразу разорвать с этой... Эта буря чувств выразилась в полувопросе.

— Лариса, куда...

— Отнесу Руцкому пирожков.

Первой мыслью было — уйду!

Пусть радуются, мрази!

Одна, совсем одна!

В этом ощущении обнаружилась какая-то неожиданная и сильная сладость. Пусть эти пигмеи Галки, эти космополитические эстонские курильщики шныряют по этажам, от них всё равно никто ничего не ждал. Аплодирующая падаль!

Но свои-то!

Бабич, как всегда, смертельно занят, оперируют четырёхлетнюю племянницу, а он ей донорствует, отдаёт квадратный дециметр кожи. Прокопенко в отпуске! Как, скажите пожалуйста, отпуск мог так точнёхонько совпасть с разгромом парламента?!

Белорус? Ну, это совсем уж анекдот. Осторожно забежал, выбрав, видимо, момент, когда никто не смотрит в сторону Великой Отечественной, сидел на краешке стула.

— Что ты делаешь, Лариса?

— Не видишь, что ли!

Из журнала “Огонёк” была выдрана большая фотография Лии Ахеджаковой, и ей чёрным фломастером пририсовывались жуткие, отвратительные рога. Усы безобразили нижнюю часть лица. Лариса злорадно сверкала глазом.

— Красотка!

Волчок двигал губами так, будто усы были намалёваны на его верхней губе.

— Найди мне фотографию, как его, бесноватого, который про картошку, про комбайн...

— А, Черниченко, сейчас. — Волчок с огромным облегчением упорхнул, радуясь ничтожности полученного задания.

17

— Да брось ты! — обрушился на неё подвыпивший, отвратительно оптимистический Питирим, застав Ларису за написанием заявления об уходе. — Ой, прямо “уйду от вас, звери!” Кстати, мне всегда казалось, что это не Лев должен был говорить, а как раз наоборот, дрессировщик.

— Перестань паясничать.

— Да я-то перестану, но и ты перестань делать явную глупость.

— Противно!

— Скажи ещё, что за державу обидно!

— Обидно!

И Лариса рассказала ему про своё видение в приёмной у шефа. Жуткая, голая, вопящая от стыда и боли капитанша Миронова — это наша родина в данный момент!

Сын космонавта всплеснул руками.

— Ой, прямо: рвите тело белое!

— Пошёл вон!

— Ла-арочка. Не ко всему на свете нужно относиться так вот уж серьёзно.

Лариса закурила, выпустила дым в физиономию Ахеджаковой.

— Не ко всему... а ты мне скажи, милый друг, а где был твой патриарх, когда из пушек расстреливали Россию?

Бородатая физиономия из беззаботно-глумливой сделалась какой-то другой. Надо сказать, что уже несколько месяцев Питирим с Энгельсом уверенно вели Ларису по дорожке к храму. В своё время политически зрелые родители не крестили дочку. До последнего времени она не придавала этому никакого значения, все церкви, а также костёлы и дацаны стояли за границами сферы её жизненных интересов. Но с некоторых пор оставаться в прежнем качестве было уже неудобно. Патриотическая мысль в тех местах, где она к ней припадала, была слишком плотно переплетена с православием. Теперь за любым столом — будь то банкет или конференция — обязательно солидно присутствовал священник. Ларисе было подарено пять или шесть крестиков разными добрыми русскими людьми, один даже кипарисовый, полежавший на Гробе Господнем, и этот факт был ей приятен, тем самым она как бы даже выделена в церковном смысле. Странно при таком наборе обстоятельств оставаться некрещёной. И неделю назад она известила Питирима и Энгельса — готова!

И вот — бунт! Ещё не войдя в монастырь, объявляет о каком-то своём уставе.

Сын космонавта даже протрезвел, что в последнее время у него редко получалось. Лариса бросила ему в сильно удивлённые глаза:

— Да, да, я именно это хочу сказать. Он мог просто на своём членовозе приехать на мост, постучать крестом по броне, и всё бы стихло, они бы не посмели дальше стрелять.

Бережной спрыгнул с подоконника на котором сидел.

— И что? Победили бы эти тупые упыри?! Ты же их видела! Ты с ними проработала всю жизнь! Это что, надежда русского народа? Это под ними ты хотела бы ходить, есть, пить, существовать? Вторая серия всё того же коммунякского дурдома.

— Но ты...

— Я-то я, а святейшего не надо впутывать! Сцепились две бешеные большевистские собаки, почему это его дело — лезть их разнимать? Слишком много чести!

— Так получается, что твои церкви только для попов? Наели себе ряхи! Все же знают, что они спиртом и сигаретами торгуют. Но ведь трясины стонут! А Бог...

Питирима аж скорчило.

— Вот только не надо о Боге, Ларис, не надо!

Она встала, свирепо дёргая щекой.

— Это почему? Это что ещё за Бог такой, о котором мне, нормальному русскому человеку, и говорить нельзя!

— Да ты в Него веришь только тогда, когда тебе нужен для дела. Если тебе будет надо, то ты дверь иконой подопрёшь, тебе же польза всего лишь нужна от Него!

Он схватил свою сумку и с оскорблённым видом вышел вон.

Лариса села. Закурила. Сделав несколько затяжек, вдруг неожиданно показала язык лысому чёрту Черниченке, хотя зла сейчас была не на него.

Эти благополучные советские барчуки с полупудовыми крестами и ветхозаветными космами забыли, с чьей мозолистой руки вскормлены. Им легко сейчас брезгливо оттопыривать губу на всё советское, как будто без их молитвенного бормотания жизнь в стране не шла, хлеб не родился, великая песня не пелась, и Гагарин вышел на орбиту прямо со двора Троице-Сергиевой лавры под поощрительный звон колоколов.

Она была уверена, что с сыном космонавта они поссорились навсегда. Но всего через две недели их тихо помирил вдумчивый и ласковый Энгельс.

Открылась дверь в кабинет, и на пороге появился Михаил Михайлович. Он был невероятно велик в своём просторном двубортном костюме, с зачёсанной назад гривой седых волос. Лариса сделала вид, что страшно занята заявлением.

Михаил Михайлович подошёл сбоку к столу, не садясь, окинул саркастический иконостас, устроенный Ларисой на стене.

— А Ахеджакова ведь хорошая актриса.

— Вот пусть бы и играла своих вечных дурочек, а не давила гадину!

Шеф вздохнул. В течение сегодняшнего дня он дважды просил Сашеньку, чтобы она передала Ларисе просьбу подняться в дирекцию для разговора. Когда узнал, что она пишет заявление об уходе, направился к лифту. Понимал, что поступает неправильно, хвост не должен вертеть собакой, но понимал, что по-другому поступить нельзя. Лариса бросит бумажку секретарше и исчезнет. А он будет терзаться. Для сбережения сердечной мышцы это делается, объяснил он себе, а не по слабости характера.

— Вот! — Лариса протянула шефу заявление. Он медленно порвал его длинными бледными пальцами.

— Тогда это были арендаторы, — сказал он, как будто читал Ларисины мысли во время её сидения в предбаннике. — Мы будем сдавать часть площадей. Нам урезали бюджет.

Положив обрывки бумаги в карман, он удалился.

18

Кризис разрешился тем, что Лариса осталась на работе и крестилась. После того разговора в кабинете с Бережным ушла прежняя задумчивость и непосредственность из их отношений, хотя внешне они и продолжали её демонстрировать, скрепляя вином и добродушным участием Энгельса.

Обращение Ларисы превратилось в большое общественное событие. И по пути к нему было много всякого: не одна неделя, не одна пара застолий. И когда был назначен конкретный день — все вздохнули с облегчением и нешуточно обрадовались. Для всех этих людей — для Поляновского, и Милована, например, было реально важно, что Лариса крестится. Они были искренне рады за неё, и им было приятно, что их товарищ как бы выздоравливает, “оценоценивается”.

Верила ли она в Бога?

Глупый, неприличный вопрос.

Как это можно знать досконально даже о самом себе, не то что о посторонней женщине.

Важен тут был один момент, который она умело скрывала от окружающих и в котором даже себе не любила признаваться — она не могла быть одна. Нет, она гордилась тем, что в ситуации с расстрелом Белого Дома оказалась в гордом одиночестве в “Истории”, и этой честью не спешила и не хотела делиться с кем-либо. Всех, кто с течением времени стал подползать к ней со словами возмущения в адрес “ельцинской банды”, она воспринимала как примазавшихся и быстро ставила на место. Рядом с собою, но одной моральной ступенькой ниже. Да, ей важно и желательно было быть первой, но существовать в полностью отдельном единственном числе было невыносимо. Ей надо было быть членом чего-то, партии, паствы, команды, но ни в коем случае не рядовым, а как минимум членом штаба.

Она сумела сделать так, что православные друзья процесс её воцерковления обставили со всей возможной пышностью. В крёстные отцы уговорили одного престарелого народного художника СССР. Дело устроил, разумеется, Питирим. Впрямую Лариса, конечно, не формулировала, что ей бы хотелось иметь в этом качестве человека незаурядного, но он проник своей лёгкой алкогольной интуицией в суть ситуации. Нет, он не чувствовал вины перед нею за тот разговор, ибо чувством вины в данном случае признал бы и вину церкви, но по-христиански и товарищески хотел угодить Ларисиному капризу. Хочет генерала, да будет ей генерал!

Художник был другом отца Энгельса. Дружбу унаследовал и сын, а значит, и друг сына, обожавший колоритных монастров и умевший с ними дружить. Аристарх Платонович был “кремлёвским” живописцем. Его перу принадлежали портреты почти всех кремлей, сохранившихся на территории России: Нижегородского, Казанского, Тульского, Астраханского, даже Тобольского. Чуть ли не пешком обошёл молодой тогда автор свою родину с мольбертом через плечо. Теперь пожинал плоды. В последнее время почти

не покидал своей мастерской на улице Герцена, она постепенно сделалась центром притяжения для многих интересных людей. А в последние годы и многих важных.

Питирим и Энгельс залетели как-то в гости к весёлому умному старику с посылкой от хворавшего генерала, Энгельса-старшего. Сели за стол. Аристарх Платонович был не только хорошим художником, но и хорошим хозяином: соленья, копченья, квашенья, грибы, водка особого, своего изготовления. Завязался интересный разговор про “отцы и дети” и как понимать эту проблему сейчас. И тут Питирим, подчиняясь чистейшему наитию, брякнул — а не хотите ли удочерить интересную девушку?

Трудно сказать, как понял это предложение шестидесятидевятилетний творец, но вдруг загорелся.

В нужный день прибыл в нужное место.

Храм выбрали не простой, хоть и скромный, с дружественным настоятелем, старинным приятелем тех же Энгельса и Бережного. Само событие отмечали там же при храме, в трапезной. Обстоятельно и с размахом.

Очень хорошо говорили, отец Александр был человек умный, образованный, остаточно светский, как и многие московские батюшки. В церковь он пришёл из архитекторов, и старое образование нет-нет да сказывалось. Он был хороший священник, но вместе с тем в его сердце оставалось место для лестного ощущения, что есть среди его прихожан такие, как сын космонавта, сын большого генерала, а теперь вот такая незаурядная женщина, как Лариса.

Та была очень вдохновлена и всем видом демонстрировала, что понимает значение момента. Одним лишь была недовольна — вода в купели была слишком комфортной температуры, как в каком-нибудь светском бассейне, а Ларисе хотелось пройти всё же через что-то похожее на испытание.

Она спросила у отца Александра, как он относится к легенде, будто бы в 1941 году, в декабре на самолёте возили вокруг Москвы икону Владимирской (кажется) Божьей матери, и это помогло отразить фашиста. Отец Александр сказал, что это не легенда, так оно и было. Высшая сила поступила патриотично и даровала родине не что-то, а именно военную победоносность. Ответ отца Александра обрадовал Ларису. Исчезли последние переживания по поводу того, что она, вступая под сень креста, в каком-то смысле предаёт пятиконечную отцовскую правду. Теперь окончательно устанавливалось — защитник отечества может быть и атеистом.

После совершения таинства у неё стало спокойнее и как-то стройнее на душе. Она очень ощущала, что поступила хорошо, и ей это было приятно, что она такой молодец. Как будто она свободу своей совести разместила как ценный вклад в самой надёжной из возможных инстанций.

Кроме этого душевного равновесия, Лариса получила с обращением и нечто ещё, некую уверенность в своих особых моральных правах. Неофитский апломб свойствен почти всем новообратившимся. Но тут был особый случай. Лариса очень естественно ощущала за собой авторитет силы, с которой только что слилась. Всякий неверующий, всякий неправославный русский воспринимался ею как обязанный слушаться и подчиняться ей ввиду явного своего неразумия.

Она стала бывать в мастерской художника. Крёстному отцу очень понравилось быть крёстным отцом. Он весьма вдохновился своей новой ролью, и начались зазывания Ларисы “на огонёк”.

Мастерская представляла собой расселённую коммунальную квартиру из пяти с чем-то комнат. Там было интересно и разнообразно. Конечно, подрамники, подсвечники, офортный станок с огромным колесом, старинная, но очень разнокалиберная мебель, горы книг и рукописей — они вываливались из переполненных шкафов замедленными водопадами. Чем именно занимается хозяин, определить было нельзя, да и как-то неловко было лезть с уточнениями.

На кухне висел абажур, совсем как у Виктора Петровича, распивались чай, только состав чаёвничающих солиднее. Это был некий политический клубешник, но только не для подрастающего поколения, не запасная дорожка,

как в прежних компаниях дружков Бережного. Тут были действующие фигуры, хотя, конечно, совсем не первого ряда. Несколько депутатов расстрелянного Верховного Совета, священники, генералы, космонавт, дважды, между прочим, Герой Союза. Несомненный шаг вперёд по сравнению с сыном космонавта, подумала как-то Лариса.

Она охотно принимала приглашения Аристарха Платоновича.

Она не стремилась рассуждать о живописи, чем очень нравилась хозяину, и ещё тем, что не спрашивала у него, не тот ли он Аристарх Платонович, что выведен в “Театральном романе”. Хозяина куда больше изобразительного искусства занимала политика.

Её роль при Аристархе Платоновиче определялась постепенно и была комбинированной. Формально она подрядилась обработать мемуары народного художника. Четыре папки довольно бессвязных, хотя местами и весьма любопытных воспоминаний. Встречи с Кориным, Аленом Гинсбергом, Георгием Свиридовым, Кастро, Львом Яшиным, не говоря уж о фигурах менее известных.

Считалось также, что она берёт на себя какие-то секретарские обязанности. Естественно, никаких воспоминаний она обрабатывать не стала, сбросила рукопись Проконке с туманным обещанием, что ему в конце концов что-то будет заплачено. Тем более смешно было ожидать от неё выполнения обязанностей секретаря. Она иногда заставляла Волчка или Бабича смотаться по бытовым делам старика и всякий раз выдавала это за свой огромный подвиг. “Я поставила на службу вам целую организацию”.

Аристарх Платонович соглашался, что обихожен просто в невероятной степени.

Супруга его лежала в Соловьёвке, а сын учился за границей. Супругу требовалось навещать, и это тоже делала “организация” Ларисы. Она даже не спрашивала у своих молодых “историков”, удобно ли им это, просто называла время и говорила, что купить нервной бабушке.

Бабич тёрся в мастерской почти постоянно. Только в этом качестве у него был шанс видиться с Ларисой регулярно. Кажется, он даже ревновал свою начальницу к старику, тихо ненавидя его бодрость, человеческую и гражданскую успешность. Он догадывался, что она мало ценит простую телесную молодость и мечтает о слиянии с какой-то крупной личностью.

Бабич знал, что его будут терпеть, только если он будет незаменим. Через него поддерживались политические контакты маэстро. И он стал проявлять себя в работе. Он не ленился позвонить, напомнить кому надо о дне и часе встречи, отредактировать письмо и отправить его, сбегать за сушками в ближайшую булочную и включить электрический самовар.

Он был очень полезен, но и, в свою очередь, отвратителен Аристарху Платоновичу, потому что ввиду своей почти мгновенной исполнительности не позволял ему остаться наедине с крёстной дочкой. Только не надо думать ничего такого.

“Я способен только на платонические чувства”, — любил говаривать маэстро. Но про себя проговаривал, что и в платонической любви третий — лишний. Ему было неприятно, что при всех актах этого чисто словесного романа присутствует этот вечно унылый хмырь. Почти наверняка физический любовник Ларисы. “Зятёк”, — хмыкал Аристарх Платонович.

Лариса сумела поставить себя так, что скоро заняла положение какой-то обобщённой музы для постоянной компании этого политического клуба. Образованный Питирим как-то пошутил, что её надо называть Лара не потому что полное имя её — Лариса, а потому что были такие римские боги домашнего очага — Лары и Пенаты. Трудно понять, почему, но римская ассоциация её задела.

Да, она разливала чай, но делала это так, что все, даже дважды герои, воспринимали это как одолжение, а не как обязанность.

Кроме всего прочего, она была связующим звеном между двумя колоннами одного движения. Стариковской и молодежной. Но одновременно и фильтром. Постепенно пришло к тому, что она стала решать, кого допустить, а кого не допускать в тот или иной день в мастерскую. Делалось это тонко,

так что и бунтовать против такого порядка вещей было бы как-то странно, даже тому же Бережному. Он был в прекрасных и давних отношениях со стариком, но с какого-то момента ощутил, что прежней простоты и ясности уже нет. Стоило задать прямой вопрос — а почему то-то и то? Следовал уклончивый, ноющий стариковский ответ — спроси у Ларисы.

В конце концов, всё устраивалось, сын космонавта являлся к другу Кастро и пил портвейн за его столом, сыпал сведениями из скрытой светской хроники, но не мог избавиться от ощущения, что ему всего лишь “позволено” здесь находиться.

На Ларису он обижался, но тихо, потому что сразу понял — любая высказанная в её адрес претензия — это плевок против сильного ветра.

19

А времена были непростые.

Ельцин разгромил оппозицию, но тут же стал судорожно варганить что-то на неё похожее, ибо, как выяснилось, так принято в приличных странах. А ему как раз хотелось числиться среди приличных.

Присмирившие на время в своих убежищах белодомовцы начали осторожно высовывать головы наружу, принохиваться, перезваниваться, сбиваться в укромные пока компании. Некоторое время трудно было сообразить, в чём сейчас фишка момента. Потом самые чуткие сообразили, в чём, они учуяли мощный призыв зияющих политических пустот — придите, вселитесь в нас!

Где-то в скрытом пока месте судорожно клепалась усатеньким Шахраем новая конституция, и судорожно расхватывались другими соратниками места в сияющих огнях успеха кабинетах правящей пирамиды. И туда рвануло большинство демократов, с визгом и надрывом напоминая о своих заслугах. Места в главном корпусе власти на всех не хватало, возникло много обид и возражений.

В это же время начало выясняться, что немалые возможности были и на неосвящённых этажах здания власти, и даже в отдельно стоящих флигелях.

Лариса разливала чай в одном из таких флигелей.

А под абажуром менялись и менялись персонажи.

Бывали люди известные, такие, как депутат Алкснис, депутат Бабурин, чаще фигуры помельче.

Говорили много и многозначительно, всегда оставалось впечатление, что все знают больше, чем произносят вслух, и рассчитывают на большее, чем сейчас имеют. Главное полагалось додумывать самостоятельно. И оно, главное, ожидалось вот-вот, уже очень скоро оно проступит, разольётся во всю ширь. Главным правящим общим настроением было: надо готовиться к большим делам. Будет дан бой, и шансы растут. Вон на том важном месте и вон на том уселись свои люди. Почти все командующие округами и директора больших заводов против режима, только никто пока не считает нужным публично об этом кричать. Большие дела будут. Обязательно и, может быть, даже скоро.

Лариса в полной мере ощутила сладость оппозиционного существования. Прелесть теневого состояния власти. Похоже чем-то на купание в ночном море.

С каждым днём она всё лучше ориентировалась в обстановке, в сочетании сил, в отношениях между действующими фигурами. И ей уже не мнилось ничего сакрального и таинственного в функционировании политического механизма. Она узнала так много и такого уничтожительного, мелкобытового обо всех этих Полтораниных, Старовойтовых, Немцовых, Шумейках, Боровых, Гайдарях, Чубайсах, что они стали для неё чем-то вроде институтских однокашников, своих по сути ребят, просто из чуть-чуть иной компании.

Однажды к Аристарху явились коммунисты. Московский, кажется, обком.

Впрочем, коммунистами в прошлом были практически все, потому что без членства в партии в СССР... и т. д. Но это были не открестившиеся, а реальные коммунисты, сберёгшие партбилеты, зюгановцы. Они давили на то, что всё патриотическое движение должно без всяких глупостей подлечь под КПРФ, чтобы избежать дробления сил.

Они очень сильно напирала, и тут Лариса впервые перешла из разряда слушателей в разряд говорителей. Она села за стол, закурила и, пустив под абажур лёгкий дымок, спросила у особо настырного гостя:

— А где была ваша партия, когда стреляли прямой наводкой по Белому дому? Почему Россия защищалась от этой деммразии в одиночку? И где была партия в девяносто первом году? Да если бы одни только тётки из ваших районных бухгалтерий вышли со счетами в руках, они бы треском косяшек рассеяли этот демократический вирус. Почему не последовало такой команды от вашего политбюро? А теперь вы, отсидевшись, учите тут всех, как жить!

Она сидела как раз под огромным резным распятием, мастерская Аристарха Платоновича была оформлена в очень православном стиле. Лариса знала, что если этот лысый зюгановец спросит — а где была ваша церковь в девяносто третьем? Почему молчал в тряпочку ваш патриарх? — она не будет знать, что ответить. Объяснение Питирима не стало её убеждением.

Но зюгановец промолчал, явно сбитый с толку энергией её напора. И суровым блеском красивых зелёных глаз.

Лариса навсегда перестала разливать чай.

Бабич охотно сменил её в этой роли.

Постоянные посетители мастерской приняли Ларису в свой круг. Сначала некоторых смущал её слишком резкий, безапелляционный стиль. Потом они даже разглядели в этом особую привлекательность, иной раз, при появлении нового и не вполне внятного или не очень приятного человека, выдвигали её вперёд и откровенно развлекались, глядя, как она рвёт его в клочья изящными ногтями.

Если с кем-то надо было испортить политические отношения, не портя при этом свои личные, выдвигали Ларису. Постепенно она стала чем-то вроде полевого командира в собрании кабинетных стратегов.

Бабич пытался её бережно окорачивать, льстиво вразумлять, когда они оставались один на один. Не зарывайся. Она внимательно слушала его советы, понимала, что советы-то правильные, но слишком уж не всегда им следовала.

От неё господам оппозиционерам была и практическая польза. По стране формировались местные отделения всяческих политических сил, и Лариса открыла свою записную книжку, набитую самыми различными телефонами ещё с тех времён, когда она была богиней командировок в “Истории”. Интересно, что почти никто из старинных знакомых не отказал в подмоге, несмотря на густой демократический озноб, охвативший страну. Столичные эмиссары оппозиционного флигеля получили поддержку от Ларисиных “историков” в полутора десятках городов. Их поселили, накормили, связали с нужными людьми в администрациях, пробили им рекламные полосы в местной прессе и даже кое-где пятиминутку на телевидении. Оказалось, что организация “Братья и сестры” не плод всего лишь её политически восплащённого воображения. Потом, когда в это русло хлынули по-настоящему большие деньги от патриотического бизнеса, нужда в этих мелких помощниках отпала, но первоначальное плечо поддержки многие отметили. Тем более что Лариса и не думала скромничать, по несколько раз озвучивала факт своего полезного участия в общем процессе.

Аристарх Платонович удовлетворённо улыбался, теребя то правый, то левый ус, то эспаньолку, немного странно смотрящуюся на его сугубо русском лице. Ему нравилось, что его крёстная дочка так серьёзно углубилась в эту политическую чащу. Он представлял её себе как личную щуку, брошенную им в эту реку. Кроме того, это заставляло её всё чаще бывать у него в гостях.

Как-то само собой стало считаться с какого-то момента, что Лариса “включена в список”. Краем уха услышавший такой разговор Бабич бросил

ся к ней с радостным известием, она лишь едва заметно усмехнулась. Не переспросила, что за “список”, и выразилась в том смысле, что попробовали бы они поступить как-нибудь иначе.

Депутатское кресло забрезжило в несложном, почти разгаданном лабиринте ближайшего будущего. Бабич тоже быстро освоился с мыслью — если не Лариса проходит в Думу, то кто же тогда?

Но оставались волнения — как это будет?

Она не бросилась просовывать туфлю в наметившуюся щёлку приоткрытой политической двери, решила, что будет сохранять достоинство. Она, разумеется, знала, какая телефонная истерия царит в предвыборных коридорах. Какое ползание на брюхе перед теми, кто решает, какие обещания ноги мыть и воду пить, но себя она ставила заведомо выше. Никого, ни о чём она не будет просить. Принесут мандат на блюдечке.

Конечно, предстоят мелкие и многочисленные технические вопросы. Какие-то ведь нужны бумажки? Куда бежать? Что заполнять?

Один из друзей Аристарха, дважды Герой Советского Союза и член совета директоров солидного банка, пригласил к себе Ларису в офис на Остоженке. Он регулярно бывал у художника, и ему ничего не стоило переговорить с нею прямо во флигеле, в одном из его творчески захлащённых уголков, но он счёл необходимым пригласить её в официальный интерьер, дабы исключить всякую двусмысленность ситуации, снять с обсуждаемого вопроса всякий домашний, приватный оттенок. Сразу заговорил о деле. Он посоветовал самым срочным образом оформить деятельность её организации “Братья и сестры” официально. И объяснил, как это делается.

Учредительный съезд, пакет документов и т. д. Обещал юриста в помощь.

— А к кому обратиться со всеми этими бумажками в минюсте, я вам потом скажу.

— Спасибо Сергей Иванович.

— Ну, что вы, Ларочка, одно дело делаем. Вы примкнёте к сельхозникам, пойдёте по их списку.

— Какой я сельхозник, Сергей Иванович, у меня даже дачи нет.

— Намёк ваш понял, и вы поймите мой.

— Сельхозники — это ведь практически коммунисты.

Дважды герой спокойно кивнул.

— Я же говорил, одно дело делаем.

— Я столько раз нападала на Зюганова, а теперь...

— А теперь не будете нападать.

— А что я скажу своим... ну, резкая же перемена курса. Мои убеждения...

Дважды герой посмотрел на неё с таким удивлением во взоре, что стало оглушающе понятно, насколько глупый вопрос она задала.

20

Предвыборный процесс вошёл в свою официальную фазу.

Лариса подготовила все нужные бумаги.

В одном загородном пансионате за большим круглым столом в присутствии телекамер Ларисе предстояло в самое ближайшее время поставить свою подпись от имени организации “Братья и сестры” за вступление в блок “Городские аграрии”, который в свою очередь должен был влиться в партию, которой гарантировалось прохождение в парламент. Когда её иной раз иронически спрашивали (например, ехидный Милован, или тот же Бережной), как же так, где же твой столь яростный ещё совсем недавно антибольшевизм? Ведь “сельхозы” — это просто запасной отряд КПРФ! Она отвечала, что она баллотируется не от Зюганова и компании, а от народа и земли. И в её тоне звучало что-то такое, что остроумцы предпочитали больше на эту тему не заговаривать.

Чтобы раз и навсегда закрыть тему в своём окружении, она сама во время одной из теперь уже редких совместных пьянок наехала на Прокопенко и Волчка: что, считаете меня такой-то и такой-то? Те в ужасе стали оправдываться, за этим занятием и провели весь вечер. И Лариса не мешала их изобретательности по этой части. Отношение и прочих сотрудников к ней также стало более уважительным. Все очень старались никак её не задеть. Тойво церемонно раскланивался, Галка несколько раз забежала поболтать и удалялась, делая вид, что не заметила, что её фактически выпроводили.

Служебное положение Ларисы было редкостным. Она продолжала сохранять ореол гонимости, что сообщало особый тон всем её движениям, но при этом всем было известно, что она набирает значительную официальную силу и совсем скоро взорлит.

Ребров демонстративно не замечал, что она давно уже ввела свой собственный график работы и появляется в кабинете тогда, когда ей это нужно. Не пикнув, принял план работ её отдела, где на первом месте был курс лекций “Поля русской славы” — Куликовское, Бородинское, Прохоровское. Никаких росказней о прелестях лендлиза, о десятках тысяч заокеанских “студбеккеров” и “виллисов”, грузённых тушёнкой, якобы поступивших на подмогу Красной Армии с помощью непотопляемых английских конвоев. Сверху рекомендовалось напирать как раз на такие темы, чтобы угодить новым западным товарищам. А она, вишь ли, поля! Ребров молчал, но бесился.

Ну и чего она выёживается! Попытался пустить шутку по “Истории”, что в следующем плане Лариса заявит курс “Водоемы русской славы” — Чёрное море, Балтийское море, Чудское озеро. Как только шутка дошла до Ларисы, она села за свою “Ятрань” и настроила добавление к плану, как раз включавшее в себя ту самую “водяную” идею. Увидев перед собой этот лист бумаги, Ребров хрипло сообщил, что вынужден будет доложить об изменении планов наверх, самому Михаилу Михайловичу.

Вызванная на десятый этаж, Лариса молча выслушала вялую проповедь-отповедь шефа и в ответ сообщила ему, что на будущей неделе ей понадобится актовъй зал ЦБПЗ для проведения учредительного съезда.

Какого чёрта я должна платить за какой-то пансионат?

Шеф начал медленно открывать свой большой рот, было件ятно, что он ещё не знает, что скажет. Лариса быстро вставила:

— Я бы хотела, чтобы вы тоже присутствовали, Михаил Михайлович.

Шеф захрапел, как испуганная лошадь.

— Зачем?

— Мы собираемся избрать вас председателем организации.

Послышался мелкий кашель, перемешанный с нервными смешками.

— Почётным председателем.

— Для чего вам это нужно, Лариса? Для чего вам эта чепуха и околесица? Эта дурная политика?

Главная цель была достигнута. Даже две: Ребров нейтрализован, зал получен, теперь можно было говорить что угодно.

— Как вы не понимаете, Михаил Михайлович, баба во главе такой организации — это, по меньшей мере, нескромно. Вы фронтовик, авторитетный человек...

— Прекратите!

— Вы чуть ли не единственный подлинный солдат великой Победы среди моих знакомых.

— Хватит.

— И при этом подлинный интеллекуал.

— Я... я против.

— Вы даже не знаете наших лозунгов, а уже...

— Знаю я ваши лозунги!

— И после этого так брезгливо отклоняете эту честь? “Братья и сестры”, родина и свобода! народ и процветание! С каких это пор признаваться в любви к своему отечеству стало постыдно? Вы офицер...

— Да, я офицер, а вы Лариса — демагог.

— Я не демагог, я дочь офицера!

— Я знаю — вы любите военные марши!

— И военные марши тоже, этот звук мне, по крайней мере, приятней, чем дребезг тридцати сребреников.

Михаил Михайлович мощно вскинулся, опираясь широченными, как ласты, ладонями о столешницу.

— Я хочу сказать, что лучшего лидера, чем вы, нам не найти. Мы же знаем вас, знаем, как болит у вас сердце за всё, что творят с нашей страной, только интеллигентность и сдержанность не позволяют вам ударить кулаком по столу.

Он медленно сел.

— Михаил Михайлович...

— У меня действительно болит сердце.

— Я позову Сашу.

Он отрицательно помахал рукой и достал из ящика стола коробочку с лекарством.

— Я знаю, Михаил Михайлович, вы с нами, поэтому и предлагаю вам...

— Идите, Лариса, идите.

Выйдя в предбанник, заведующая отделом Великой Отечественной войны сказала:

— Так, Сашенька, запишите. Четверг. Подготовить актовъый зал.

— В смысле?

— В смысле микрофоны, столы для президиума, минеральную воду и все как полагается. И прошу, милая, без накладок. С шефом я договорилась.

21

В то утро Лариса была в мастерской одна.

Аристарх Платонович уехал накануне в больницу навестить свою вечно недомогающую супругу.

Лариса сидела за его столом и смотрела на аквариум, где вяло резвились разноцветные рыбки. Она чувствовала себя усталой и опустошённой. Цепочка выигранных мелких сражений осталась позади. Съезд, старческое кокетство шефа, который чуть было всё не сорвал, всё спас приступ подскочившего давления. Страх за своё здоровье пересилил ужас политического выбора.

Ребята Сергея Ивановича показали класс конторской квалификации — Бабич с утра умчался в правительственные коридоры с чемоданом вполне исправных бумаг.

Если повезёт, печать шлепнут уже сегодня.

В худшем случае — послезавтра.

Думала ли Лариса в этот момент о чём-то конкретном? Нет, она расслабилась, представляла себе, как, наверное, хорошо иной раз побыть просто вот такой рыбкой. Именно беззаботной аквариумной, среди подобранных, заведомо безобидных соседей, не покушающихся тебя сожрать, как какие-нибудь дикие речные рыбы.

К стенке аквариума был приклеен листок бумаги со стихами. Написанными в строчку.

“Даже рыбке в море тесно, даже ей нужна беда. Нужно, чтобы небо гасло, лодка ластилась к воде, чтобы закипало масло нежно на сковороде”.

Аристарх Платонович собирал не только рыб, но и всевозможные высказывания о рыбах.

“Философ”, — усмехнулась Лариса.

Зазвонил телефон.

— Папа?

Откуда он знает номер этого телефона? Впрочем, сама ведь дала, на предвыборных неделях она поселилась в мастерской.

— Нам надо поговорить? Срочно? О чём?

Сын? Он же выпиливает кремлёвские башни! Ах, уже не только это. Что-то серьёзное? В милицию попал? Клей нохает? Украл чего-нибудь?

— Попал в плохую компанию?

— Не то чтобы плохую...

— Пап, ты знаешь, я сейчас в цейтноте. Многое решается. Всё решается. По горло занята. Да ты не извиняйся. Как только немного тут разгребу — к вам. Сейчас извини — жду важнейшего звонка. Целую, целую, целую.

Не обманула отца — как только положила трубку, раздался звонок от Бабича.

— Ты что там задыхаешься, гонец?

— Непонятно.

— Что непонятно?

— Они отказались.

— Ты всё правильно там сказал?

— Да. Меня узнали.

— И что?

— Ничего.

— Что это такое — ничего?

Оказалось, что вместо зелёной улицы — стопроцентный отлуп. Как будто Бабич не оговорённый заранее человек, а дурак с мороза.

— Ты ещё раз попробуй, может, что-нибудь ляпнул, может, перепутал, может...

— Я трижды заходил.

— Ладно, езжай сюда, я тут наберу кое-кого.

Через двадцать минут выяснилось, что она ни до кого не может дозвониться. Ни до кого из "соратников". Стена из невидимых секретарш и глухих телефонов. Сергей Иванович, Андрей Станиславович, Георгий Игоревич!!!

Позвонила на работу Миловану, при всей своей безалаберности он иногда обладал редкой информацией. Дома уже нет, на работе ещё нет.

Набрала Бережного, перекинулась парой вежливых фраз с дочкой дошкольницей. Мама в ванной.

Энгельс! Занято. Наглухо занято.

Снова крут высоких звонков, с тем же результатом.

Ладно, ещё раз к Энгельсу. Теперь никто не берёт.

Посмотрела на аквариум. Как себя чувствует рыбка, оставшись в аквариуме одна?

Откинулась в кресле, поглаживая трубкой гандбольный след на щеке.

Далеко, далеко в тишине мастерской раздался механический звук, щёлкнул замок входной двери.

Бабич уже вернулся? Слишком быстро. Может быть, он никуда не ездил, просидел в песочнице в соседнем дворе?

Не его шаги!

Женские?

Лариса повернулась в крутящемся кресле навстречу открывающейся двери.

Появилась высокая тонкая женщина лет сорока с узким лицом, в сером костюме с чёрным галстуком. Волосы стянуты на затылке в узел. Очки, за которыми выражения глаз не рассмотреть.

— Вы кто? — спросила она.

Лариса сразу почувствовала, что поставлена этим вопросом в обороняющееся положение. Причём в позиции, которую трудно защитить.

— Что вы здесь делаете?

Лариса всё ещё держала в руках трубку телефона, и это выглядело как улика. Положить её на рычаг сразу было равносильно признанию своей виновности.

— Что вы делаете в моём доме?!

Ах, вот оно что! Уж не водевиль ли здесь? Большой художник говорит, что поехал к жене, а на самом деле... Но уже пора что-то предпринять навстречу этому прокурорскому напору.

— А где Аристарх Платонович? — после этого Лариса, наконец, вернула телефонную трубку на место, та словно бы только этого и ждала.

Женщина резко протянула руку, подняла её двумя пальцами, брезгуя чужим теплом, и быстро сказала:

- Он умер.
 - Как умер?
 - Не ваше дело.
- Хозяйка набрала две цифры на диске.
- Это милиция?

22

Лариса почти спокойно перенесла унижение сборов своего барахла — а его скопилось в мастерской неожиданно немало. Причём эти сборы происходили под неотвратимым наблюдением неприятных очков.

— Вы что, боитесь, я что-то украду? — пыталась иронизировать Лариса.

— Я не дам вам ничего украсть, — отбрила хозяйка.

Чтобы уйти с чувством хотя бы остатков собственного достоинства, нужно было затеять скандал. Но не было сил. Большая часть мыслей была занята разрешением головоломки с казуистическими приключениями Бабича в Минюсте. Это было главнее, чем хорошая мина здесь во флигеле. Лариса ещё в тот момент не поняла, что эти вещи связаны самым прямым образом.

Весь прошлый вечер, едва отправив труп скоропостижно скончавшегося мужа в морг, Галина Агеевна просидела на телефоне, внедряя в общественное сознание нужную ей версию события. Лариса функционировала в этих разговорах как “жуткая баба”, доведшая “великого художника” до инфаркта. Змея, пригретая на груди, уже захваченной грудной жабой. В своём неврологическом убежище Галина Агеевна собрала за последние месяцы целое досье на соперницу, ни одной секунды она не верила в кристально платонические отношения между Ларисой и Аристархом. Кстати, и никто не верил. Ну, хочет старик притворяться, называть это всё “творческой дружбой”, “высшим отцовством”, “душевным родством”, пусть. Но просто вся предыдущая его жизнь говорила за то, что такое с ним вряд ли может случиться. Сама Галина была всего семь лет назад превращена из гостиничного администратора в молодую супругу именно с помощью бурной постели.

Главного Галина Агеевна добилась — открыла приятелям Аристарха глаза на эту бабу-танк. Наличие “не остывшего ещё тела” заставляло к предупреждениям отнестись всерьёз.

Она опасна!

Собственно, и действительно опасна, угробила ведь мужика.

Она пойдёт по трупам!

Пожалуй, что и пойдёт.

Словно пелена упала с глаз, как выразился тот самый Сергей Иванович.

Он мыслил притчами, и к данной истории у него нашлась подходящая.

“Ехали мы как-то в Средней Азии, вдруг перед нами — отара. Медленно стали пересекать. Вдруг один из наших говорит — давай одну овцу тихо втащим в салон, потом шашлык-плов сделаем. Втащили. Первую, что попала. Оказалась — овчарка! Перекусила всех”.

Одним словом, решено было Ларису не втаскивать в салон, раз вовремя разглядели, какие у неё зубищи.

И никакого не имело значения то, что умер Аристарх как раз при жене, а не при “овчарке”.

Галина Агеевна не нацеливалась в Думу. Ей хватало того, что завещание народного художника было написано в её пользу.

23

Всё, что ни делает Бог, он делает к лучшему. Отец Александр двадцатью разными способами доводил до сведения Ларисы эту широко известную мысль, добиваясь того, чтобы она душевно приняла её. Лариса кивала. Переворачивала вишни в вазочке с вареньем, грела пальцы другой руки о чашку с успокоительно ароматным чаем.

Отец Александр брал в крепкую руку сушку и с тихим хрустом разламывал на четыре части, как бы сокрушая таким образом очередную горсть гостыи.

Лариса была тиха и покорна.

Как хорошо, что догадалась придти сюда. От отца Александра исходило именно то, что было ей необходимо сейчас. Умственно трезвый и подлинно добрый, как все настоящие священники, человек. Ларисе было стыдно за своё прежнее к нему отношение, за то невольное кокетство, что фонтанировало из неё при прежних встречах. Она видела в отце Александре прежде всего большого, импозантного мужчину, а потом уж священника. Нет, ни до каких, даже микроскопических пошлостей не дошло, никаких двусмысленных шуточек, но про себя-то она что-то воображала, самоуверенная мерзавка! Перед собой же стыдно. Бабское, слишком бабское свойственно ей было всегда, и втаскивалось вслед за ней следом сюда, в святое место!

Лариса припомнила давнишнее выражение бабушки Виктории, сказанное по какому-то забытому поводу: только сука может покусать суку! Только Галя могла столкнуть Ларису, ни одному мужику это было не под силу.

Отец Александр мягко улыбнулся. Он не собирался спорить по пустякам. Это всего лишь грубоватое народное наблюдение, Божий промысел же осуществляется при любых комментариях свидетелей его действия.

Что есть схватка сук на фоне движения судеб?!

— Я, наверно, вас задерживаю? — несколько раз спрашивала Лариса, потому что отняла, конечно же, уйму времени, но отец Александр успокаивал её, мол, у него всегда хватит времени, чтобы помочь человеку.

Уходила практически умиротворенная, потратила кучу денег на самые толстые свечи, искренне крестилась и старательно поправляла сползающий платок.

Медленно шла вдоль церковной ограды, глядя только себе под ноги. Рассеянный снегопад населял воздух вокруг, оказывая какое-то смягчающее действие на всё ещё чуть воспалённые чувства Лары. И даже на звуки, издаваемые городом.

Рядом затормозила машина, аккуратно, почти застенчиво, что очень контрастировало с её сияющим, самодовольным обликом. Лариса удивлённо остановилась, на секунду мелькнула смешная мысль, что этот “мерседес” ведёт себя так робко, потому что явился на исповедь. Перед Богом все равны.

Из дорогого кожаного нутра выгрузился соответственно одетый человек. Сергей Иванович!

Он не сразу увидел Ларису, а когда увидел, нахмурился. Ему была неприятна эта встреча. Ему было неприятно от того, что ему не удастся пройти в церковь, минуя эту живую статую горького укора.

Сергей Иванович испытывал сложные чувства. Ему было неловко, как всякому мужчине, который соблазнил женщину и бросил, пусть хотя бы только в политическом отношении.

Он к тому же помнил, что был активистом среди внезапно взбрыкнувших, среди тех, кто активно настаивал на прекращении Ларисиной карьеры: “Баба-танк”, “она ещё всем покажет!”, “неуправляемая”, “человек-скандал”, “железная Лара”. Как-то все сразу заволиновались, что могут оказаться под влиянием её характера, если ей удастся просочиться достаточно высоко.

“Вы хотите повторить судьбу Аристарха?”

Да, Галина Агеевна ударила в десятку.

Перепугала всех, разом и сильно.

Она потребовала, чтобы “этой аферистки” ни в коем случае не было на прощании и поминках. “Она превратит всё в позорный балаган”. Никто не хотел позорного балагана на поминках. Галина Агеевна страдала — “если она явится, я за себя не отвечаю!”

Теперь-то было понятно: боялись одной бой-бабы, попали под каблук другой. Нервная Галя устроила из поминок что-то отвратное.

Оскорблённая Лариса даже не попыталась проникнуть на церемонию.

Теперь вот перед нею неловко.

И зачем было сегодня ехать в церковь? Вот так всегда, только тронешься в сторону Бога, как тебя хватя за совесть, и пытаться.

Сергей Иванович, вздыхая, подошел ко всё ещё неподвижной Ларисе. Надо было что-то говорить.

— Понимаешь, она как с цепи сорвалась. И многие струхнули. Я как мог пытался смягчить (Сергей Иванович верил в этот момент в то, что говорил), но это как снежный ком. Раз уж покатился... — Сергей Иванович несколько раз тяжело вздохнул, ему было жарко в дублёнке.

Лариса смотрела на него холодно и спокойно. Она продолжала оставаться просветлённой и примиренной с судьбой. Она сказала:

— Но теперь-то вы понимаете, что всё это ерунда, вспышка психопатки.

Сергей Иванович глубоко кивнул.

— Что же теперь мешает всё вернуть обратно? Документы готовы, вам достаточно сделать несколько звонков.

Душевное равновесие было не поколеблено, работала лишь голова, инстинктивное движение извилин. Политика — грязь, это оставалось ясным. Речь могла идти только о чисто гипотетической возможности восстановления технической справедливости.

Сергей Иванович сделал скорбное лицо.

— Вы хотите сказать, что поезд ушёл?

Он кивнул и вздохнул.

— Но ведь ещё целых полтора дня до... Я бы успела зарегистрироваться и все что надо подписать, — уже немного вспыхивая, начала Лариса.

— Другие люди. Понимаешь, пришёл другой человек, с ним не договорись. По крайней мере, мне с ним не договориться.

— Кто же меняет чиновников в такой момент?

— Почечная колика. На место Самвела Арамовича сел зам.

Лариса дёрнула щекой.

— Поезд ещё не ушёл, а вы уже перепродали мой билет.

— Лариса... Правда, глушняк, я бы со всей душой, но с Шамариным мы даже не здороваемся. Он мне противен.

Она сделала стойку.

— Шамарин? Какой Шамарин?

Сергей Иванович рассказал.

— Ты его знаешь?

Лариса кивнула.

— Знаю. Мне он тоже противен.

— Ну вот, видишь!

Снег вдруг повалил густо-густо.

— Сергей Иванович, вы меня подвезёте, где я тут машину поймаю?

Он сделал неуверенный жест, мол, я же в церковь собирался. Лариса не дала ему даже рта раскрыть.

— Поверьте, к Богу вы всегда успеете, а у меня всего полтора дня осталось. И потом, это ведь из-за вас всё так затянулось.

Человеку, который решил заняться спасением души, всегда трудно возражать человеку, у которого срочное дело. Как-то неловко, в самом деле, Бог-то ведь действительно никуда не денется. К тому же вспомнилось безобразное поведение Галины Агеевны во время тех же поминок, обвинявшей Ларису в том, что она может устроить бесчинство, а она сама...

— Ладно, поехали.

В голове у Ларисы уже созрел рисунок маршрута. Сначала — к Бабичу, все бумажки у него. В те времена пробки ещё не стали подлинным бедствием. К тому же шофер Сергея Ивановича был несомненным артистом своего дела, так что до Палихи долетели пулей.

— Ну, я свободен, Ларисочка? — Сергей Иванович был единственный, кто называл её именно так.

— Вы же знаете, что я не люблю, когда меня так зовут.

Он вздохнул.

— Ну вот, я всё время перед тобой виноват.

Конечно, можно было бы заставить его сидеть тут и ждать, пока она поднимется за своим нукером, но это уже пахивает перебором. Он уже отработал большую часть своего предательства, нагибать дальше вредно, можно перегнуть. Но и отпустить просто так...

— Можете ехать, дальше я сама знаю, что мне делать.

Сергей Иванович выдохнул с облегчением.

— Только от вас — один звонок. Пажитнюку. Какая подходящая фамилия для агрария, правда?

— Да, но...

— Вы ведь не успели дать полный обратный ход с “Братьями и сестрами”?

— Специально, конечно, нет, только у него, я думаю, всё свёрстано, они уже собирались.

— А вы позвоните и подверстайте. Техническая неувязочка, мол. Обо мне он слышал и одобрял, я знаю. Чего вы так дышите?

— Понимаешь, Ларисочка, ой, извини...

— Да чёрт с ним.

— Он ведь старинный друг Аристарха, ему будет трудно... откажется, его и за неделю не уломать. А время же... И Галину Агеевну он знает. Сви-детелем был на свадьбе.

Схема получалась отвратительная. Сергей Иванович осторожно погладил Лару по плечу.

— Да брось ты это. Что за гонка, не последние выборы, будут ещё...

— Я для него как красная тряпка, для Пажитнюка?

— Вроде того.

— Убираем красную тряпку. Без баб!

— Что?

— Первым пойдёт Михаил Михайлович.

— Какой? Ах, этот, твой?

— Да. Он формально у нас почпред, по документам проведён. Пажитнюк его знает?

— Чёрт его знает.

— Так вот вы и позвоните. Меня, мол, отодвинули, наказали, с кашей съели.

Сергей Иванович набылчился, слишком много крутых виражей за последние деньки, ему не нравился такой несолидный стиль.

— Ладно, доеду, обмозгую.

— Нет, нет, вот у вас тут телефончик стоит, снимайте трубочку, снимайте. Ну, что вы, Сергей Иванович, один разговор, последний. Остальное — я сама.

Когда она входила в квартиру Бабича, то даже что-то напевала, частичка чёрта в нас живёт в суровый час. Открыл дверь Никита Семёнович, отец Бабича, директор мясокомбината. Ларису он обожал, и хотя всё знал об отношениях своего сына с “царицей”, как он её называл, при всякой встрече полусутоливо предлагал ей бросить этого “мозгляка” и “махнуть в Дагомыс”.

— О, мой колбасный король! — на автомате пела Лариса, давая возможность мусолить левую руку толстым губам директора, а сама параллельно командовала своему помощнику немедленный сбор-поход.

— Как, уже? И даже буженинки свеженькой с нами не разрежете?

— Никита Семёнович, дело государственной важности! Бабич, иди лови машину.

— Но тогда хотя бы сухим пайком. Вот это подарочный комплект, называется “12 месяцев”.

— Что за название, колбаса столько не хранится! Бабич, я уже спускаюсь, соглашайся, сколько бы ни просили!

Никита Семёнович протянул ей квадратную, роскошно украшенную как бы конфетную коробку.

— Двенадцать палочек сухих колбас, вот в эту целлофановую амбразуру вы можете видеть этих красавиц. Посмотрите, их как будто сам Фабер-же ваял.

- Спасибо, спасибо, сервелатный рыцарь мой.
- Умоляю, умоляю вас об одном, не переходите в вегетарианство, иначе моя жизнь потеряет всякий смысл.
- Обещаю, — крикнула Лариса, ныряя в лифт.

24

- А где он?
- Секретарша пожала плечами.
- Пятница.
- Ещё полтора часа до окончания рабочего дня. И как можно в такой день вообще уходить с рабочего места?

Она рассчитывала увидеть здесь толпы возбуждённого народа, в последний момент прорывающегося к окошку, чтобы всунуть туда свои бумажки. Она готовилась прорываться, протискиваться, подкупать и скандалить, льстить и хамить. А тут — пустыня. Уборщица со старинным пылесосом идёт куда-то вдаль по унылой ковровой дорожке.

— Да всё уже закончилось, девушка. Все, кому надо, оформились. А у Антона Петровича, у Шамарина сегодня юбилей.

— Да какой может быть... Юбилей? Где? Где он живёт? Хотя, где он живёт, я знаю.

Секретарша улыбнулась и просто из чувства превосходства над этой недотепистой тёткой сообщила:

— Зачем дома, он отмечает во дворце “Магистраль”. Только вам туда не пройти. По приглашению.

— У вас остались лишние? Обычно всегда остаются лишние.

Та, вдруг почувствовав, что позволила себе слишком много, резко замкнулась, опустила глаза.

Бабич осторожно потянул Ларису за локоть, шепча, что он знает, куда ехать.

Помчались по Ярославке мимо ВДНХ, уже было почти темно, ноябрьские ранние сумерки. Лариса любила смотреть на знаменитую ракету с изогнутым выхлопом, и сейчас, когда они пролетали мимо освещённой прожекторами скульптуры, она почему-то подумала, что её судьба чем-то напоминает эту ракету, и её порыв и её изогнутую струю.

К главному входу, конечно, не пошли, рванули через служебный. Лариса держала наготове целую стопку различных корочек и удостоверений, пока было неясно, какие именно могут сыграть в данном месте.

Оказалось, никакие.

Никакой стиль не действовал, ни нахрап, ни втирание очков. При попытке повысить голос её вообще взяли под локоть. Бабича, попытавшегося вмешаться, тоже взяли и вывели аккуратно и равнодушно на мороз.

— Надо было цветы купить, — сказал Бабич.

— Так, сейчас ты отвлечёшь внимание.

— Как?

— Думай. Толкайся, кричи, что кошелёк украли, изобрази сердечный приступ.

Бабич снова засопел. Ему не хотелось вступать в конфликт со здешними властями, но не откажешься же. Ларисе было плевать на его настроение. Она вообще не привыкла думать о Бабиче пристально. Полная безотказность, вот в чём его ценность.

Двинулись опять к входу. Но ничего разыгрывать не пришлось.

— Дядя Ли! Вы как здесь?

Маленькая замотанная шарфом фигурка уже прошла в предбанник, Лариса увидела его через частично запотевшее стекло и кинулась следом: “У него мои билеты”.

Лион Иванович был ошарашен встречей и ещё больше тем требованием, что было на него тут же обрушено. Он неловко представил Ларисе молоденькую и малопривлекательную девушку — “Наташа”, давая понять, что пришёл с дамой. “Мы с Антоном соседи”, — пояснил он.

— Я это знаю, — звенящим шёпотом заявила Лариса и потребовала у него пригласительный.

— То есть? — сухое лицо конферансье чуть исказилось. Их со всех сторон толкали втягивающиеся в вестибюль гости.

— Давай, давай, дело жизни и смерти. — Проявляя чудеса лаконизма, она сумела в трёх словах втолковать старику, насколько ей важнее оказаться в зале, чем ему. У неё реальная политика, а у него всего лишь шашни.

Лион Иванович искал причины для отказа.

— Антоша обидится.

— Да он и не заметит, что тебя нет.

— А как же Наташа?

— Она, если хочет, может пойти со мной.

Наташа явно не хотела, она тоже уже поняла, что с пригласительным придётся расстаться.

— А вы попьёте пива с Бабичем. Вон он за стеклом.

Бабич не подвёл, оказался там, куда показал палец Ларисы.

— Мне нельзя пива, печень, — сослался на здоровье ветеран сцены, хотя оскорблён был морально.

— Пойдёмте в кино? — прошептала ему на ухо некрасивая Наташа. Лариса прочла по губам, как спецгент.

— Гениально! Вы умница. Давай мне оба пригласительных. Бабич мне ещё может понадобиться.

Лион Иванович, раздувая бледные нервные ноздри, полез во внутренний карман пиджака. Ему было неприятно, что его так бесцеремонно... но совершенно не представлял, что тут можно сделать.

Лариса протянула руку к букету гвоздик, которые приобрёл не слишком щедрый артист для своей спутницы.

— В кино вам они не понадобятся, — улыбнулась она на всё готовой Наташе.

Места были неудобные, отдалённые, под нависшей тушей балкона. Можно было понять, что господин Шамарин не слишком-то ценил свои соседские связи с усыхающим конферансье.

Сцена была оформлена обычным юбилейным манером: увеличенный и решительно заретушированный портрет, так что Шамарин смотрелся просто Аленом Делоном.

Как только Шамарин появился на сцене под нарастающий гром аплодисментов, Лариса поняла, что фотография на сцене — ложь. Все прежние бородавки юбиляра были на месте. Во всех прочих отношениях шестидесятилетний мужчина смотрелся великолепно: умеренное пузцо, кривоватые ноги — всё это скрадывалось отличным французским костюмом. Он улыбался и кланялся, делая вид, что рад всем, кто явился.

Ты ещё не знаешь, что тебя ждёт, билась у Ларисы в голове хищная мысль.

Впрочем, она и сама ещё не знала, чего опасаться бородавочнику во французском костюме.

Надо было осмотреться.

Сюжет мероприятия был прост. Один за другим на сцену из кулисы, противоположной столику, появлялись известные и не очень люди с огромными букетами и коробками. Предварительно объявленные бежевой красавицей, они бормотали в микрофон, кто громче, кто тише, приличествующие случаю глупости и освобождали место для новых говорунов.

Кое-кто пел. Русскую народную “Степь широкая”, Лариса никогда бы не подумала, что это любимое произведение Шамарина, как было объявлено.

Читали стихи, любительские, слепленные на случай, и профессиональные, которые были почему-то отвратительнее самодеятельных.

Так, так.

Лариса осматривалась. Она уже поняла, что “Магистраль” — это стандартный дворец, типовой, и ей уже приходилось бывать в таком во время командировки, кажется... забыла! Не всё ли равно? Нет, надо вспомнить, почему-то это важно. Вон там справа в стене двустворчатая дверь, она вы-

водит на лестницу, по которой можно пройти на второй этаж, там мимо репетиционных классов в помещение над сценой, откуда легко спуститься в накопитель за правой кулисой. Откуда она знала такие технические детали? Да, Лариса аж подпрыгнула в кресле, испугав соседа.

Братск!

От этого открытия настроение подскочило, и во всех членах зазвенела уверенность в своих силах.

— Как я выгляжу? — спросила она шёпотом у Бабича. Впрочем, его детализированный ответ ей был не нужен: влюблён, дурень, и этим сыт и одновременно полезен. Однако форма одежды не та, ох, не та. Ведь никуда, кроме церкви, в этой чёрной водолазке и коричневой юбке она больше заходить не собиралась, а эти сапожищи! Вон дамочка на сцене издевательски гарцует на концертных шпильках. Но за неимением гербовой пишут на простой.

— Дай мне эту коробку.

Бабич ещё не понял, что задумала его герцогиня, но сердце у него заколотилось. Он заразился от неё боевой энергией, он понял, что ему не удастся остаться в стороне, и был тревожно рад этому.

В тот самый момент какой-то смутно знакомый по телеэкрану политик обнимал юбиляра и всучивал ему огромную, полувывнутую из ножен саблю, Лариса в два шага пересекла полумрак, отделявший её от двери, и открыла её.

Итак, всё началось с удачи.

Дверь вполне могла бы оказаться и закрытой.

Понемногу везло и дальше. На лестнице никого не было, на одной из лестничных площадок дежурила только переполненная окурками пепельница на подставке. Караул устал.

А вот и второй этаж. Слева двери трёх классов, как в Братске, справа высоченные, в тяжких гардинах окна, за которыми снегопад. Как в Братске.

Было темно.

Паркет почти не хрустел. Когда впереди замаячили чьи-то шаги, легко нырнула за штору. Переждала три мужских походки, проследовавшие справа налево.

Комната над сценой. Захламлена, стулья, одежда на них, осветительная техника кучей, штативы, пластиковые бутылки. Лестница вниз за кулисы, вот она.

Лариса осмотрелась и сделала несколько неблагоприятных для себя выводов. Ну, то, что она смотрится по меньшей мере убого со своими тремя гвоздичками на фоне этих корзин с невиданными цветами, громадными подарочными чеканками, портретами в полный рост, коробками с редкой бытовой техникой, это ладно. Хуже было другое — на сцену пускали по списку. У самого выхода на сцену стояла худая мымрочка с двумя вздорными косичками, схваченными на затылке резинками, и в толстенных очках, в руках она держала список, в который тыкала остриём карандаша. К ней подходили, назывались, она сверялась по написанному и строго кивала — вы следующий.

Понятно, что никакой организации “Братья и сестры” в этом списке быть не могло.

Какую следовало избрать тактику?

Можно было дожидаться самого конца церемонии, и тогда, в атмосфере ослабленной внимательности...

Чепуха! Нервы выгорят от ожидания. Надо идти напролом. Да, прямо сейчас. Вон какой-то генерал вывалил в руки Шамарина гору лилий и, улыбаясь, отваливает.

Вперёд.

— Вы кто? — тихо, но требовательно спросила очкастая.

— Гольяновский мясокомбинат.

Расчёт был на то, что пока та будет рыться в списке, удастся прощмыгнуть. Но перед нею была профессионалка.

— Вас нет в списке!

— Вы внимательнее посмотрите.

— Я посмотрела.

Острые когти впились в локоть, Лариса чуть не выронила гвоздики.

Генерал приближался. Сцена вот-вот освободится. Сзади дышал кто-то с цветочной корзиной, явно указанный в списке.

— Отпусти! — прошипела Лариса.

Профессионалка всё глубже впиалась ногтями в локоть нарушительницы. Тогда Лариса неожиданным для себя движением, но очень точно рассчитанным, краем колбасной коробки сбила очки ретивой распорядительницы, и та сразу же разжала пальцы, оказавшись в новом, неизнаваемом мире.

Лариса, растягивая улыбку, шагнула на сияющую сцену.

Какой он маленький, была следующая мысль. Она относилась к господину Шамарину, выжидающе развернувшемуся в её сторону там, вдалеке, посреди сцены.

Лариса приближалась, с трудом удерживая на лице улыбку, и скользкую колбасную коробку во вспотевших от волнения пальцах.

Она приближалась к герою торжества, а он всё не становился больше, господинчик, оказывается, такого небольшого роста, или это внутренняя решимость возносит её над поверхностью сцены?

Из-за плеча Шамарина выглянуло красивое и обескураженное лицо ведущей дамы, она замедленно водила пшашаком микрофона в районе губ, как распухшим тюбиком помады.

Только не останавливаться, не терять инициативы!

Лариса наклонилась к непреднамеренно протянутому ей микрофону и объявила, что Гольяновский мясокомбинат считает своим долгом присоединиться, и так далее. Мол, пицца духовная — это хорошо, но без “кусочка колбаски” (цитата из тогдашнего шлягера) тоже не уйдёшь по жизни слишком далеко. И ещё немного бреда в том же духе.

Шамарин гостью узнал, но никак себя не проявлял. Ведущая тоже не знала, как себя вести, и, не получая никаких сигналов от юбиляра, не могла решить, пора ли ей вмешаться. Наконец, очнувшись, судорожно дёрнула конечностью, лишила авантюристку микрофона. Но было поздно.

Лариса наклонилась к плечу юбиляра, всучила чахлые гвоздики от Лиона Ивановича, приобняла освободившейся рукой и прошептала на ухо: не только Гольяновский мясокомбинат, но и мощное народно-патриотическое движение “Братья и сестры” участвует в этом приветствии и ждёт, что соответствующая официальная помощь будет ему оказана. И не стоит даже начинать песню про то, что уже поздно, выходные...

Прошипев всю эту неотразимую информацию в волосатое ухо, Лариса впиалась сильным товарищеским поцелуем в губу Шамарина, как раз в том месте, где у него находился “сигарный окурочек”. Впиалась страстно, искренне, так надобно целовать чудо-юдо, чтобы оно превратилось в Финиста Ясного Сокола.

И ушла за кулисы.

В конце был, само собой, банкет.

Их усадили с Бабичем довольно далеко от юбиляра, но таким образом, что ей было удобно сверлить его взглядом. Шамарин делал вид, что не смотрит в её сторону, и это было понятно, рядом вились какие-то другие дамы, желающие, видимо, также припасть к его бородавкам. Его придётся перехватить ещё раз, надо назначить час официального свидания.

Юбиляр, видимо понимая, что чего-то подобного не избежать, взял инициативу на себя. В тот момент, когда тот конец стола, где сидели Лариса с Бабичем, подрагнул — ушли на воздух курильщики, — сам подошёл к ним с бокалом красного вина. Сел напротив. Было видно, что он чувствует себя превосходно. Неожиданность Ларисинаго появления полностью переварена.

— Так чего ты там хочешь?

Она повторила. Он кивнул.

— Да, правда, я теперь работаю и по субботам.

— Я не сомневалась.

— Но в принципе это будет должностное преступление.

— Ну, хватит.

Он вдумчиво отхлебнул из своего фужера.

— Нет, не хватит.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что одного страстного поцелуя за такую услугу мало.

Лариса помедлила всего одну секунду. Она-то думала, что хватит. Что можно будет ограничиться маленьким сексуальным подвигом на публике. Но отступать было нельзя. Преодолела судорогу в горле:

— Ну и?..

Шамарин опять отхлебнул и отвратительно усмехнулся. Лариса почувствовала, что Бабич оторвался от жюльена и смотрит искоса в её сторону. Но снявши голову...

— Ну, говори. Юбиляр.

— Вон за той дверью начинается коридор. По правой стороне кабинет. Номер четыре. А твоего мальчика я завтра жду к девяти. — Шамарин внимательно посмотрел на сидящего всё в той же позе, ударенного молнией ужасного понимания Бабича.

Лариса поняла смысл этого взгляда, но ей было не до этого, она вела торопливые вычисления в голове. Девять — хватает времени и отвезти на подпись шефу, и к Пажитнюку, и всё окончательно оформить.

Она решительно встала. И даже попыталась юмором снять напряжение.

— Ты сам этого хотел.

Шамарин улыбнулся.

— Не спеши. Минут через десять.

Это были нелёгкие десять минут. Они с Бабичем друг на друга не смотрели. Чтобы ещё и не молчать в такой ситуации, Лариса медленно повторяла ему план его завтрашних действий. Старалась, чтобы речь звучала спокойно, даже обыденно. Дело есть дело, и нечего сюда подмешивать что-то другое. Хотя жаль, конечно, что Бабич не курит. Он бы только сейчас вернулся с другими гостями из курилки, и ничего ему не надо было бы объяснять. Впрочем, эта бородавчатая тварь специально подползла, когда парнишка был рядом. Не может отказать, так хочет наказать!

Поглубже втоптать.

Бабич глухо сказал:

— Десять минут прошло.

Лариса встала, посмотрела в сторону Шамарина. Он взглядом с ней не встретился, но ей было понятно, что он в курсе — она уже готова. Теперь главное — не глянуть в собачьи глаза Бабича. Вообще, кто бы мог подумать, что он возьмёт такие права на её самоощущение. Радовался бы, что вообще допущен...

Взгляды их всё-таки встретились.

Он смотрел ещё несчастнее, чем она могла представить. Больная, брошенная, голодная собака.

— Мне тебя подождать?

Лариса резко развернулась и резко пошла в сторону от стола. Тихо шептала про себя “скотина”. На Бабича она была сейчас более зла, чем на Шамарина.

Четвёртый кабинет не был специально подготовленным будуаром, как ей представлялось. Канцелярский стол, кресло на винте, два стула у стены, карта СССР, шкаф с картонными папками. Конечно, какой-нибудь разврат можно развернуть на любой территории, но всё же хотелось бы... а, понятно, юбиляр принимал решение в состоянии цейтнота.

Лариса села в кресло. Огляделась. Ключ в двери есть. Ну, хоть что-то.

Прислушалась.

Пока никаких шагов по коридору.

Вдруг по телу пробежала сильная нервная искра и разразилась сильным смехом. Она вспомнила гродненское общежитие. Сиди и жди. Впервые она сойдётся с мужчиной без малейшего и мимолетнейшего влечения. Исключительно по делу! По важнейшему, для очень многих людей важному делу.

Сколько она сможет сделать полезного, когда и если... Если бы сейчас здесь на стене висел портрет Ленина, он бы имел полнейшее право крикнуть ей — политическая проститутка! Эта мысль не уязвила её, а как бы пихнула в бок весёлым локтем. Чего, мол, сидишь, ещё дел пять полных куч.

Телефон.

Лариса набрала номер шефа. Услышала его разрушенный голос.

— Михаил Михайлович, завтра в одиннадцать я у вас с машиной.

— Лариса...

— Всё, можете считать себя депутатом. Главные глыбы отвалены, осталась мелкая, хотя, признаться, и не очень приятная работёнка.

— Лариса...

— Больше я не отнимаю у вас времени, отдыхайте перед завтрашним. Хотя там что, одна подпись, короткая беседа с одним человеком.

Михаил Михайлович вздохнул так, будто у него было не две, а как минимум шестнадцать ноздрей.

Лариса положила трубку, радуясь, что шеф не сможет ей перезвонить и отказать. Положила ладони на полировку стола. Так. И снова прислушалась.

Шагов всё ещё не было.

Невозможно было ни о чём не думать. Более того, невозможно было не думать об отвратительности предстоящего любовника. Переживания всех дев, насильственно выданных по расчёту родителей, зашевелились в ней. Все “Неравные браки”, все “Анны на шее”, “Я в торги не вступаю”. Школьное образование, как эскалатор в метро, выдавало из подсознания новые ассоциации. Зоя, Космодемьянская Зоя. Умри, но не дай без любви!

Нервно, некрасиво гыгыкнула в ответ на непреднамеренный каламбур, зажала рукою рот.

Да, где же он?

Скорее бы отстреляться. Унижение было уже пережито многими способами, оставалась одна лишь физиологическая грязь.

Сколько прошло времени?

Такова всегдашняя женская доля — ждать.

Мужа с работы, сына с фронта, насильника и того приходится ждать от ватгасарова стола.

А может быть, на радостях налакается. Шестьдесят лет шакалу. Какие из них насильники в такие годы, да ещё налитые коньяком!

А вдруг вообще не придёт?

А вот с этой стороны ситуацию мы не рассматривали.

Даже мороз по коже.

Да нет, и в самом деле, сколько можно ждать.

Поглядела на часы.

Однако!

Возмутиться или испугаться не успела.

Шаги.

Кто-то приближался.

Шаги были осторожные, можно даже сказать, неуверенные.

Остановился у самой двери. Наверно, оглядывается, не подсматривает ли кто.

Дверь отворилась, и внутрь заглянул Бабич. Лариса аж подскочила на месте.

— Тебе чего? — страшно прошепела она. Ей сейчас было ну совсем не до страданий юнца.

— Все уехали.

Она резко вскочила. Первая мысль была — в погоню! Конечно, в следующую секунду осеклась.

— Я стоял у входа, видел, как он садился в машину.

В коридоре снова слышались шаги — уборщица звякает ведром.

— Нам тоже пора.

Из дому позвонила юбиляру.

— Вы испугались, монсеньор, или просто обстоятельства оказались сильнее вас?

— А-а, — донёсся пьяноватый и приязненный возглас. Очевидно, державшийся за банкетным столом, он теперь догонялся в безопасных домашних условиях. Такие не любят светиться на публике. Этот факт очень работал на ту Ларисину идею, что бородавочник просто струсил там в клубе. Чиновник поборол в нём мужчину.

— Как бы там ни было, я своего человека завтра присылаю. В девять!

— Само собою!

— И без фокусов.

И она положила трубку.

25

Назавтра, на месте условленной встречи с Бабичем, после его посещения шамаринского кабинета, она застала его отца, директора мясокомбината. Всё же он очень сильно отличался внешне от своего сына, не то, что Перков от Егора. Квадратный, весёлый, напористый, с золотыми зубами в далёкой глубине рта, в распахнутой дублёнке и букетом цветов.

— Где он? — спросила свирепо Лариса у немного развязно подкатившего к ней колбасника. У неё были основания пребывать в бешенстве, утро отвратительно комкалось.

— Он просил меня передать вам эти бумажки... А это от меня.

Огромный, нестерпимо нелепый в данной ситуации и в это время дня букет.

— На словах он просил передать...

— Обойдётся без него. — сказала глухо Лариса. Бабича она ещё накажет, ревнивец хренов! Колбасника эта мысль обрадовала.

— Обойдётся? Так поехали. Подано!

Она сомнамбулически погрузилась на переднее сиденье чёрной “волги”, букет мешал, колбасник помогал с ним справиться.

— Документики наши важные положим вот сюда.

— Можете выкинуть в канаву.

— Не понял.

— Ещё час назад это были документы государственной важности, а теперь это плохая туалетная бумага.

Лариса откинулась на сиденье.

— У вас курят?

— С этого момента да.

После нескольких затяжек:

— Я никогда не видела человека в такой истерике. Сначала он даже не хотел меня видеть. Даже хуже, он сделал вид, что при смерти, видите ли, у него инфаркт.

Колбасник потёр переносицу горлышком бутылки от шампанского, которую собирался откупоривать.

— У кого инфаркт?

— У Александра, моего шефа! Только у него нет инфаркта.

Вопрос колбасника сыграл роль искры, и опять всё воспламенилось.

— Ведь всё было оговорено, и всё время одни кивки в ответ. Только доехать до Старой площади и поставить подпись. И тут его невестка, мымра, нарисовывается — у дяденьки сердечный приступ. Я почти сразу начала хототать.

Бабич-старший уже обирал фольгу с горлышка.

— Но мне-то видно, как он бегает по галерее, руками размахивает, то есть спорит со мной. Глаза в глаза не может, а вот так, заочно, театрально, со всякими словами, это ему только дай. Да ещё, видать, воображает себя чуть ли не в белых одеждах, какой он кристальный. “Он хочет остаться порядочным человеком, — говорит сука-невестка, — он не подаст руки людям, к которым вы его заманиваете”. Заманиваю, представляете?!

Колбасник сдвинул брови, ах, ты, боже мой, какие страсти!

— Ну, объясните, почему, если кто-то хочет остаться порядочным человеком, другой из-за этого должен греметь под фанфары?

В ответ хлопнула шампанская пробка. Причём так удачно, что облила только кавалера.

Лариса несколько секунд сидела в ступоре, а потом вдруг расхохоталась. Как бы перепрыгнув из одной ситуации в другую. И в знак прощания с прежними заботами крикнула перед тем, как приложить горлышко бутылки к губам:

— Да он просто трусливое чмо, а не морская пехота! Так опозорить нашу армию...

— А, не захотел в депутаты? — сообразил наконец-то Бабич-старший.

Лариса отхлебнула, найдя в шампанском новую энергию для возмущения.

— Ну, не могла же я просто так уйти. Рушится целая пирамида, сорок человек подогнаны один к одному по единственной схеме, и всё должно пойти к чёрту из-за старого неврастеника из морской пехоты. Я сказала, что уйду только после того, как поговорю с ним. А она, невестка, мне говорит, что если вы поговорите с ним, то убьёте его. Мол, вы любите гулять по трупам, так я вам этого не позволю. Это я-то по трупам? Аристарх умер в объятиях жены, и ничего, ничегошеньки у нас не было, спросите хоть у сына вашего.

— Чего у него спрашивать, у дурака.

— Нет, всё-таки, думаю, надо что-то предпринимать, но в этот момент из дверей появляется ещё и внучка. Певичка, шестнадцать лет, два аборта. И говорит прямым текстом: а не пошла бы ты вон отсюда, кагэбешная профура!

— Профура — это что-то церковное? — вдумчиво поинтересовался Бабич.

На секунду Лариса пресекалась, а потом прыснула. Чувствовалось, что она уже до шампанского приняла коньячку.

— Нет, это не церковное, это кагэбешное.

— Так надо было дать ему по морде.

— Так я обалдела. Вот они, оказывается, кем меня все эти годы числили. Помалкивали. А устами младенца заговорили. Я её к таким докторам устроивала, а она мне!..

— Поехали! — скомандовал колбасник шоферу. — Куда? — наклонился он тут же к даме.

— В “Славянский бардак”.

— Базар, может быть?

— Да теперь уже всё равно, и давно. — Лариса расслабленно закрыла глаза, но через секунду вскинулась.

— А если напролом. Бумаги все со мной? Пажитнюк меня ненавидит, я его не знаю. Минус на икс может ведь дать плюс. Давай, как тебя там, товарищ шофер, разворачивайся, на Старую площадь.

Бабич-старший мягко взял её за руку.

— Не получится.

— А вдруг получится?

— Шамарин ничего не подписал.

— Что-о?!

Она опять обмякла.

— После всего, что он со мной сделал! — прошептала она, медленно и обречённо отваливаясь на спинку сиденья.

Колбасник возбуждённо раздул ноздри. Посмотрел на бесчувственное лицо Ларисы, вынул сигарету, и так уже полувывалившуюся из её рта, стряхнул пепел в одну из роз и дал команду водителю:

— В бардак!

— Девятое апреля. Английская бит-группа “Муд”, построенная гением продюсера Чиниа и композитора Чепмена, по типу таких групп, как “Смоки”, “Свит”.

Лариса перевернула лист альбома.

— Двадцать третье августа. Рик Спрингфилд. Является австралийцем по происхождению. Всю сознательную и творческую жизнь провёл в Америке, куда приехал в юности сделать операцию на глазах, и где остался...

Ещё один лист.

— Двенадцатое октября. “Статус Кво”. Очень старая английская команда. Заслуженные, умелые мастера прозрачного рок-н-ролла и бодрого, попсового ритм-н-блюза...

Закрыв альбом, Лариса прочла на обложке.

— “Рок-календарь”. Что это, папа?

Капитан Конев хмыкнул.

— Это ещё что. Пойдём покажу. Только набрось пальтишко.

Выйдя из подъезда, капитан бодро и вместе с тем как-то обречённо зашагал вдоль дома, завернул за угол, между двумя облетевшими липами, распугивая воробьёв, прыгавших возле заснеженной мусорки, вывел дочь к чугунной ограде городского парка. В ограде была, естественно, выломана дыра каким-то былым силачом.

— Пошли, пошли.

Лариса поправила пальто на плечиках аккуратно, с достоинством нырнула в проём, оставив клуб сигаретного дыма снаружи.

— Вот!

Тут была ещё одна мусорка, но поменьше. Куча обожжённой фанеры, некогда, видимо представлявшей собой какие-то микроскопические конструкции. Как будто спалили макет некоего города. Да нет, не просто города.

Николай Николаевич присел, поднял мизинцем грязный фанерный фрагмент.

— Узнаёшь?

Лариса, прищурившись, затаилась. Это явно был кусок Кремлёвской стены.

— То есть с Москвой покончено, и сын подался на Запад.

Капитан отшвырнул обломок, вытер руку о бушлат.

— Я ж тебе и писал, и звонил. С парнем творится... Он вдумчивый, себе всё тихо в голову думает. Не хамит. Альбом с музыкальными картинками стал клеить год полтора назад.

— Откуда он все эти сведения наковырял? — усмехнулась Лариса.

Отец пожал плечами.

— Да у нас тут в Гродно и польское телебаченне, и всё что хочешь. Только это уже прошлая напасть.

— Что?

— На альбом ему уже давно плевать, иначе бы я его не добыл. Теперь хуже.

— Да-а? Рассказывай, рассказывай.

Капитан вздохнул.

— Теперь он “тутэйший”.

— Что это?

Капитан развел руками, поясняяще встряхнул ими, потом, наконец, придумал слово.

— Здешний, значит, по-белорусски. “Тутэйшие”. Мода у нас теперь такая. Доказывают, что истинная православная Русь была здесь, а там у вас какая-то Московия дикая. Есть знатоки.

Лариса усмехнулась, тихо, почти про себя.

— Символично как всё. Прощай, Москва, прощай, родина, прощай, мать.

Капитан осуждающе кивнул.

— Вот именно, мать. Где ты — мать?! Я же тебе звонил, писал, прогадали парнишку. Ходит на какие-то сходки, они там изучают, что царь всё подавил, а потом Сталин всё подавил, а белорусы всегда как трава под колёсами истории.

Последние слова явно были не собственного капитанского производства, а по-магнитофонному запомненные из чьей-то более сознательной речи.

Лариса вздохнула.

— У нас в Москве любят повторять: как у вас тут всё запущено!

— Запущено, опущено, что делать, скажи?

— Что делать? Унести ноги.

Капитан не понял.

— Я давно уже об этом подумывала, а теперь вижу — больше ждать нельзя. Будем тебе организовывать перевод в Подмосковье.

— Как это, я же в запасе!

— Есть такие программы для военных пенсионеров. И если они не для моего отца, то для чего они вообще нужны?

Капитан глядел на дочь с сомнением во взгляде: как-то всё слишком решительно и сразу. Лариса кивнула, подтверждая, что говорит абсолютно всерьёз.

27

Лариса смотрела в треснувшее зеркало. Синяки под левым и правым глазом были на удивление симметричны. И в цветовом и в геометрическом отношении. На теле синяков хватило бы на леопардовую шкуру. Они были получены, когда она каталась по полу, а он лупил её ногами.

Одно слово — мясник!

Лариса распахнула полы халата. Какая отвратительная и непонятная равномерность. Это можно было истолковать так, что избиение было не только жестоким, но и расчётливым, циничным. Именно так и отметил привезённый Бережным доктор. Именно это и вписал в протокол следователь, привезённый Энгельсом.

Из этого отвратительного бытового события Лариса создала общественно значимый факт, как, впрочем, и всегда. И собиралась извлечь из него какую-то серьёзную пользу. Пока, правда, не успела оформить всё в конкретные желания. Силён не тот, кто не падает, а тот, кто поднимается. Эта восточная мудрость не совсем вроде бы подходила к данной ситуации, но Лариса считала, что подходит. И часто мысленно повторяла.

Последнее крупное политическое “падение” закончилось для неё хоть и не полновесной, но значительной сатисфакцией. Устыдившийся “предатель” Михаил Михайлович сделал её своей заместительницей. Специально вытребовал и организовал эту должность, хотя, строго говоря, в ней не было никакой необходимости. Долго извинялся за то, что сорвал Ларисе её политический взлёт. Что-то смутное бормотал про невозможность для себя вхождения в “клоаку политики”, а то, что это именно клоака, для него стало ясно хотя бы из того, кто стоял как контролёр у входа — Пажитнюк. Раститель малолетних, содержатель подпольного борделя ещё советских времён, личность грязнейшая. Михаил Михайлович отлично помнил тот скандал и разбор его “на Краснопресненском райкоме”, членом которого бывший морской пехотинец в те годы состоял. И если, чтобы вползти в депутатское кресло, надо поклониться такому человеку, то не надо никакого кресла!

Лариса только пожимала плечами. И не спешила успокаивать шефа, мол, ничего страшного, я всё понимаю. Хотя успокоить могла бы. Ибо довольно скоро выяснилось, что благородно-трусливая выходка старика ничего не значила. Шамарин и не думал идти на должностное преступление и визировать бумаги, который ему должен был привезти Бабич-младший, он даже не появился в здании. Более того, выяснилось, что не появился в здании и уже упомянутый Бабич-младший, с которым произошла запоздалая истерика ревности. Он напился, долго сидел в ванной, перебирая лезвия для безопасной бритвы, пока не остыла вода. Так что, даже если бы Шамарин зажёс над головой нужную печать, шлёпнуть бы её было не на что. А Пажитнюк вообще отсутствовал в то утро в городе, специально предупреждённый добрейшим Сергеем Ивановичем. Лариса об этой последней подлости так и не узнала, так что у неё сохранились со стариком превосходные отношения. И он всячески помогал ей по мелочам, осознавая своё по отноше-

нию к ней предательство как своего рода удочерение. Проникся к ней искренним тёплым отеческим чувством.

Сердце её не разорвалось, она не чувствовала себя на дне вселенной, меж стенами подлости и предательства. Картина тотальной ничтожности мужского населения и так уже была знакома её зрению. Всё известное просто подтвердилось.

В результате вместо депутатского мандата Ларисе досталась высокая, но странноватая должность зама директора ЦБПЗ по связям с общественностью и роман с отцом неудавшегося самоубийцы. Образовался какой-то зыбкий, якобы любовный треугольник. Ларису забавляло её положение. От младшего Бабича она отдалилась в силу хотя бы того, что переехала на десятый этаж. “Отношения” у них прекратились, но вместе с тем в какой-то степени сохранились. Формального выяснения, кто они теперь друг другу, не было, потому что и раньше это не было никак оговорено. Про не применённую бритву Лариса знала, но делала вид, что не знает. Лариса иногда, как бы по забывчивости, награждала его каким-нибудь ничтожным поручением. И он с каменным лицом его выполнял.

Старший Бабич в отличие от сына был бодр, щедр, эпизодичен, это всё плюсы, и единственное, в чём они были с сыном похожи — ревнив. Но ревность у него была совсем не того рода, что у сына. Она не скапливалась как яд, чтобы вспухнуть одним нарывом в конце истории, она бурлила периодически, как гейзер. Старший был толстокож во всех отношениях, кроме этого. Тут он был утончённейший мазохист. Он постоянно выяснял у Ларисы, в какой бы компании они ни оказались, было ли у неё что-то с кем-нибудь из присутствующих мужчин. Лариса считала ниже своего достоинства притворяться, и спокойно, если даже не охотно, излагала своему брутальному ухаждёру детали отношений со своими прежними.

Он бледнел, шёл пятнами, хрустел деревом подлокотников, грыз соперников глазами. До настоящего скандала никогда не доходило — был предупреждён, что это не будет потерплено. Мясник страдал, но крепился. Все те мужчины, про которых Ларисе нечего было рассказать в связи с собой, напроць переставали его интересоваться.

Она чувствовала, что ходит вроде как бы по краю пропасти, Бабич иной раз наливался кровью так, что, казалось, мог бы просто лопнуть или ткнуть вилкой в глаз добродушно подмигивающего Милована, даже не подозревающего, какой силы ненависть он возбуждает в этом человеке и, главное, в связи с чем?

Лариса и сама не знала, зачем именно так ведёт себя с мясником. Щекотала себе нервы? Виделась себе Настасьей Филипповной всего ЦБПЗ?

Лариса не отдавала себе отчёта, по какой причине её мясник, поколбасивши, всегда скисает. А был один компонент в её поведении, игравший роль реактива, нейтрализующего ярость ревности. И впервые она (абсолютно неосознанно) применила его в самый первый день в “Славянском базаре”, когда, как казалось ей, она прощается со своей неудавшейся политической карьерой (чёрт с ней, дрянью!) и начинает свой “чистый понедельник”. В конце концов, у неё есть сын, интересная и нужная (она даже в это начала верить) работа, живые родители — первый признак счастья по Аристотелю, как любил повторять античный Тойво. Как смешно и ничтожно было её светливое копошение в попытках прыгнуть на грязную, скользкую подножку политического трамвайчика. Втереться в толпу тупых, подлых, ничтожных людишек. Именно в этот момент, после трёх рюмок коньяка, и подкатил к ней Бабич-старший с вопросом о Бабиче-младшем. Ой, сколько смешного выяснилось тут же. Оказывается, отец был совершенно не в курсе подлинных отношений Ларисы с её верным оруженосцем.

...И так продолжалось не один месяц. Они не жили вместе, потому что у Бабича-старшего была семья. Но даже если бы у него не было семьи, они всё равно не жили бы вместе.

Младший обо всем догадывался. Лариса иногда думала, что, может быть, он подумывает, как бы ему зарезать отца. Но даже такие мысли её особо не развлекали.

Кроме того, у Ларисы тоже теперь была семья. Она вырвала из трясины белорусского национализма своего аутичного сына и поселила у Лиона Ивановича, согласившегося взять над ним руководство. Причин было две — большая квартира и полное стариковское одиночество. Лариса после этого всем говорила, что она теперь живёт с сыном, не уточняя точных очертаний этой ситуации.

И вот опять зазвонил телефон.

Это была Агапеева.

— Ну что, одну девушку можно сильно поздравить.

Лариса обалдела глянула в зеркало.

— С чем?

— Приказ подписан, и у нас есть все основания для чего?

— Отметим, отметим, да ещё как.

— Я вызов отправлю прямо сегодня. Твой отец сможет приехать уже на этой неделе? Ещё три дня осталось?

Лариса открыла было рот, но вдруг как-то вся осеклась, ударенная изнутри неожиданной мыслью.

— Послушай, а нельзя погодить?

— Ты что, рехнулась?

Благодаря разнообразным связям Агапеевой стало всё-таки возможно великое переселение семейства Коневых из Белоруссии поближе к Москве. Сколько было выпито водки и съедено шашлыков на разных дачах, и вот теперь какой-то выверт!

— Не обижайся, сама всё поймёшь, приезжай!

Каприз Ларисы объяснялся просто — она не могла допустить, чтобы отец увидел её в этом пятнистом обличье. Знала, что такого стыда не перенесёт. Всем своим свитским она демонстрировала синяки и ссадины с некоторой даже гордостью страдальцы, это было как бы материальное воплощение её морального превосходства мученицы над ними всеми, такими небитыми, обыкновенными, обоснование её возвышенного над ними положения.

Отец совсем другое дело. Остатки провинциального воспитания.

Нет, нет, минимум на две недели необходимо отложить его визит. Вызов из ГУКа пойдёт к нему, когда синяки совершенно побледнеют.

Телефон зазвонил опять.

Интересно, что на этот раз предложит перепуганный колбасник? Кстати, шевельнулось в голове: Рыба, сухая колбаса, директор мясокомбината Бабич, тут есть какая-то смутная связь. Она не успела больше ничего подумать, сбил с мысли голос в трубке.

Младший Бабич.

— Ну, говори.

— Нам надо поговорить.

— Я и говорю — говори!

Мучительное, сбивчивое дыхание.

— Не так.

— А, хочешь приехать? На экскурсию, взглянуть на дело рук и ног папаша своего? Картина живописи. Может, ты и сам мечтал о чём-нибудь в том же духе, а?

Бабич несколько раз тяжело и вдруг шумно вздохнул.

— Какая же ты всё-таки дрянь!

И положил трубку. Лариса даже не успела вкрикнуть в неё уже вырвавшееся разъярённое: “что?!”

Ах ты, мозгляк, тля, мразь мелкая... Честно говоря, она была почему-то очень уязвлена этим жалким выкриком. Она считала младшего Бабича, что бы там ни было, состоящим при себе, чувствовала человеком, который должен был бы непрерывно радоваться праву находиться в её жизненном поле. А тут! Более уместной была бы с его стороны истерика другого знака, например — я убью его! Желалось немного надрывной мелодрамы. А тут тупой сбой. Какие они всё-таки... Бабичи!

Но быстро успокоилась мыслью — приползёт! Лариса прищурила окружённый чёрным кругом глаз, отчего получился очень грозный вид, дохнула

дымком. Приползёт, возможность для изощрённой сатисфакции представится не более чем через пару недель.

Опять звонок, и теперь уже в дверь.

Гапа.

Только распахнув уже дверь, Лариса поняла, что та явилась не одна. В следующую секунду она поняла, с кем именно явилась гостя.

Реакция была мгновенной — спустя две секунды Лариса сидела на краю ванны в своей ванной комнате и беззвучно материлась. Агапеева бродила по квартире, присвистывая.

— Да, иногда женщины не кокетничают, предупреждая, что у них не убрано!

Когда она заглянула в ванну, Лариса сдавленно набросилась на неё — ты, мол, что, с ума сошла, как же было можно, с незнакомым генералом, когда у меня под каждым глазом по такой блямбе!

Агапеева искренне разводила руками — ну не знала, подруга, ты бы хоть намекнула.

— Кто это?

— А он сказал, что вы знакомы.

— Белугин?

— Ну да, как узнал, что я к тебе еду, напросился. Шампанского купил, коньяка.

— Как его?

— Как Пушкина.

Лариса бросила сигарету в унитаз и перешла с шёпота на повышенный тон.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, я так рада, что Гапе удалось уговорить вас заглянуть ко мне в гости.

Генерал подошёл к ванной двери, деликатно хрустнув паркетом.

— Что вы, я сам напросился, жаль только, что так не вовремя, прошу, так сказать, принять извинения.

— Бросьте, бросьте, совершенно непредвиденные обстоятельства, залезла в форточку шаровая молния и взорвалась минут за сорок до вашего появления, можете себе представить, что я пострадала ещё сильнее, чем моя квартира.

— Может быть — в госпиталь?

— Врач был, был, осмотр, то, сё, велел пока сидеть в темноте.

— А-а, — сочувственно произнёс Белугин. — То есть своим визитом мы заставили вас...

— Ничего, ничего.

Агапеева наклонилась к уху Ларисы.

— Чего ты все слова по два раза повторяешь?

— Волнуюсь.

— Ну тогда мы, значит, не будем мешать лечению. Пойдём. Я кой-какие сувениры оставлю на столе, в кухне.

— А зачем пойдём? Наоборот. Мне тут скучно одной. Представьте — сидеть в темноте в ванной.

Белугин молчал, не зная, что сказать в этой ситуации, и не понимая, каких действий от него сейчас ждут.

— Может, мы и правда поедем? — шепнула Агапеева.

— Ни за что!

— Тогда что?

— Александр Сергеевич?

— Слушаю.

— Вот сейчас Гапа вам поможет, вы перетащите маленький стол с кухни сюда, к дверям ванной. Накроете его. Колбаска, сырок, всё наискосок. Соберёте целые бокалы, откроете шампанское, и мы выпьем.

— За что?

— Ну, за здоровье, конечно. За моё здоровье и за мою удачу.

— Удачу? — спросил генерал, и по голосу его можно было понять: он понял, что хозяйка считает удачей его к ней внезапный визит. Лариса оскандилась в темноте.

— Конечно, не каждый день к вам залетает в дом шаровая молния, и вы остаётесь живы после встречи с ней.

Белугин снял фуражку, довольно долго оглядывался, выбирая место, которое было бы достойно её. Полочка для телефона. Устроил. В профиль фуражка была похожа на черепаху, попытавшуюся встать на дыбы.

— Стреляйте.

— Давайте, Александр Сергеевич, — сказала Агапеева, нарезавшая хлеб, и Ларисе понравилось, что она отнеслась к генералу официально.

Шампанское грохнуло громко, как салют, Лариса выставила за дверь изящную руку, таким образом, чтобы не было видно ни одного синяка. Вообще, руками своими она была довольна, вот талия почти погибла, но пока не об этом.

Шампанское в хрустальном фужере искрилось и светилось в неполном мраке ванной комнаты, холодновато теплилось как некая надежда. Лариса приложила хрусталь ко лбу, а потом поцеловала.

После шампанского пили коньяк. Лариса и то и другое выливала в раковину, чтобы не испортить и без того великолепное настроение.

Белугин снял китель и ослабил узел галстука, Агапеева подрезала колбаски, открывала банки с домашними огурцами, подарками от Нины Семёновны.

Лариса из-за двери сообщила своё коронное, что она дочь офицера и любит военные марши. И они втроём постарались изобразить “Прощание славянки”, на что Агапеева, вообще-то не блиставшая остроумием, заявила, что у них скорее получилось “Лечение славянки”. Ещё не закончили смеяться, как раздался звонок в дверь.

— Гапа, посмотри.

Гапа вернулась сообщением, что там какой-то молодой “несчастный” человек в полосатом пальто.

— Гони его, Гапа. Не пускай в дом и гони.

— Может быть, я? — предложил свои услуги Александр Сергеевич.

— Это слишком для него, — сказала Лариса. — Гапа, скажи ему, пусть уходит, не о чем нам с ним говорить.

Агапеева вернулась с интересной новостью.

— Он сказал, что, мол, жениться пришёл, хочет на тебе жениться.

— Но я же “дрянь!”, это, в смысле, он так недавно сказал.

— Может, я всё-таки...

— Сидеть, генерал!

— Я понял.

Агапеева продолжала свою челночную дипломатию.

— Он сказал, что убьёт и покалечит отца, даже уйдёт из дому, но просит, чтобы ты его не сажала.

— Это почему? Он мне тут... шаровую молнию, а сидеть не желает?

— Он говорит, что мать не переживёт, очень-очень больная мать.

— Он что, жене всё рассказал, динозавр?

— Я не знаю, Лара, только он говорит, что совсем сильно она больная. Не переживёт суда.

— Меньше надо мяса жрать!

— Что? — недопоняла Агапеева.

— Я не мать собираюсь сажать, я мясника собираюсь сажать.

Лариса вдруг остановилась, приподняла фужер, на дне которого плескалась небольшая лужица коньяку.

— Он сказал, что если надо, она сама придет и в ноги кинется.

— Мать?

— Мать, мать.

— Твою мать, — тихо сказала Лариса и выпила. А потом добавила громко:

— Гапа, скажи ему, что не надо мне в ноги никакой матери. Пусть успокоится этот колбас-барабас. Прощаю и презираю. Вернее, наоборот, презираю и поэтому прощаю.

Агапеева сгоняла опять в прихожую.

— Он спрашивает: что, и заявление заберёшь?

— О, Господи!

— Он сказал, что если заберёшь, то страшно, страшно до смерти благодарен, и он и отец. Отца, такую мразь, конечно, надо бы и убить даже. А он всё равно согласен жениться. Готов, согласен.

Лариса шарахнула фужер о закрытую дверь.

— Давайте споём!

— Так точно, споём, — поспешил откликнуться генерал.

— “Не для меня взойдёт заря, не для меня Дон разольётся, и в небе жавранок зальётся с восторгом чувств не для меня”.

В нестройном хоре голосов, доносившихся из-за двери, нет-нет да и проступало тонкое благодарное вранье Бабичева дисканта, впущенного по доброте душевной в прихожую.

28

Лион Иванович совсем усох, заменил очки на контактные линзы, отчего сделался ещё более похож на иностранного пенсионера. Завёл трость, и было пока непонятно — из соображений стиля или здоровья. Потыкивая концом трости в недавно отциклёванные и отлакированные паркетины пола в комнате Ларисы, он передвигался от окна до дивана. Врач сказал ему недавно, что для него жизнь это движение, и он поверил врачу.

— Я повторяю, Лара, он должен переехать к тебе. Поверь, ты теряешь мальчика.

Лариса сидела в кресле, курила, стряхивала пепел в безвкусную пепельницу, изображавшую разрезанную артиллерийскую гильзу. Подарок Белугина, как, впрочем, и паркет, и новый унитаз.

— Пойми, мне не то что не трудно, чтобы, ну, чтобы он жил по-прежнему у меня, мне лучше, веселей. Он интеллигентный мальчик, и друзья все тихие, но я же вижу, вижу, Лара, ты его теряешь. Того, что ты ему уделяешь — я не про деньги, — мало. Родная кровь должна жить рядом с родной кровью.

Ларисе было трудно говорить с Лионом Ивановичем. Она отлично знала, что он прав, но ещё отчетливее она знала, что хотела бы жить не с сыном, а с генералом Белугиным. Более того, она сильно догадывалась, что, в конце концов, она будет с ним жить, пусть и после преодоления каких-то трудностей. Появление же в этой квартире семнадцатилетнего парня с замкнутым, странным характером не поможет решению этой задачи.

— Я старик, понимаешь! А вдруг наркотики, у них теперь это просто. Хорошо, если только компьютер. Ящик меня не пугает. И то, что нет девиц вокруг, это меня не волнует. Временно.

— Да, с девушками ему будет трудновато.

— Не говори глупостей, Лара. Я вон был вообще сорок килограмм, картавый очкарик, и это ничему не помешало.

— Да уж.

— Егор не красавец. Но он интеллигентный, серьёзный мальчик.

— Да уж.

— И потом, подумай о себе. Надо, чтобы на старости лет была рядом хоть одна родная душа.

Лариса посмотрела на Лиона Ивановича удивленно. Старость? Все наши живы, здоровы, вплоть до бабули. Что-то старикан надумывает и врёт. Родная кровь, душевно недодаёшь. А мало ли сделано для него? Лион Иванович начал загибать пальцы, как будто уловил беззвучный вопрос.

— Да, ты пару раз была с ним в Третьяковке и Пушкинском, а до этого зоопарк, планетарий. Ездил с ним в Спасское-Лутовиново, в Шахматово...

Про ту поездку в Шахматово Лариса вспоминать не любила. Все “историки” переписались сильнее, чем обычно. Мальчик получил не те сведения об образе жизни матери, которые она бы хотела ему сообщить. Нет, о “жить вместе” не может быть и речи. Я плохая мать? Но почему же, если я сде-

лала и делаю всё, чтобы мальчику было максимально хорошо, насколько это возможно в такой ненормальной семье и в таком ненормальном мире. А то, что лопочет дядя Ли, это всего лишь старческие бредни, выдумки. Просто устал, надоело.

— Я очень к нему привязан, но...

— Ты забыл главное — я крестила его.

Всё было обставлено тихо, скромно, но с достоинством и чувством. Отец Александр был великоленен. Великоленен был и генерал. Церемония носила несомненный, благородный, даже аристократический оттенок. Как будто проходила не в Кузьминках.

Признаться, Лариса подумывала о том, чтобы перенести её в какой-то другой приход. Надо сказать, что отец Александр стал вызывать у неё сомнения своими некоторыми высказываниями. Ляпнул как-то однажды во время важнейшего разговора о судьбах Отечества, что “вот, мол, Лариса Николаевна, вы лично можете войти в Царствие Небесное, и какой-нибудь Иван Петрович Сидоров может, а Россия не может войти в Царствие Небесное”. Из этого, что же, выходит, что спасение души может вступить, при каких-то, конечно, чрезвычайных обстоятельствах, в противоречие со спасением России?

Лариса пожаловалась Питириму. Бережливый поморщился, но кивнул, да, остаётся, видать, в отце Александре старая интеллигентская отрыжка. Архитектор, мать его. Не обращай, Лара, внимания, мужик-то в целом свой. В общем, разговора не получилось, Пит был пьяноват, и не первую неделю. Конечно, его мощная духовная оптика оставалась в целом в сохранности, но бытовое общение с ним было затруднено.

— А ещё он иной раз задаётся вопросами совсем странными. Например, что Родина может потребовать у человека? Жизнь? Пожалуйста, бери, Родина. А вот честь? Может ли Родина потребовать у человека честь? И Родина ли она после этого? Жизнь положить “за други своя” почётно. Но до конца ВСЁ претерпеть? Тут вопрос. Хочется знать преискуртант, что входит в это “ВСЁ”, прежде чем объявлять согласие. И это спрашивает русский священник?

— Нда.

— Какая-то гнилая мысль, согласишься? — тормозила товарища Лариса.

Питирим морщился и отмахивался и норовил задремать.

Лион Иванович уныло кивнул, про крещение он вообще не считал возможным говорить.

— В общем, так, дядя Ли, сейчас я взять Егора не могу, хотя всё, что ты сказал, приняла к сведению. Для его же пользы не могу. Он тебе про Шахматово не рассказывал? Я не могу уйти с работы.

Старик вздохнул.

— Я понимаю.

— Вот видишь, сам видишь.

— И Виктория хворает, — сказал он тихо.

— Что с ней?

— Всё то же — старость. А также ноги, давление и далее по списку.

В Ларисе поднялась волна раздражения: старик что, намекает, будто я и бабулю должна взять к себе для ухода? Или — в груди неприятно ёкнуло — дело намного хуже? Он собирается взять её к себе, тогда сын, вытесненный оттуда, просто “силою вещей” вселяется сюда, в квартиру, в которую уже минут через пятнадцать во всем своём великолении ввалится довольно молодой генерал, пока, правда, ещё не совсем свободный.

Ситуация, оказывается, хуже, чем казалась в начале разговора.

— Но подожди, но там же был этот офицер... Стебельков. Правда, она его выгнала.

— Она его много раз выгоняла, и однажды он больше уже не пришел. Так бывает. Но этой истории уже лет семь.

— А я думала, что всё так и крутится, даже интересоваться перестала.

— Да, время летит.

Лариса с жалостью посмотрела на Лиона Ивановича. Ему — конференсье — так не шло говорить такие явные банальности, он сразу становился каким-то обречённым.

- Ну, хотя бы сделай самое простое.
- Что?
- Сделай так, чтобы его не забрали в армию.
- Пусть поступает в институт. Ты сам говорил — интеллигентный мальчик, много читает.

Лион Иванович развёл руками.

- Не хочет.
- Что значит — не хочет?
- Ну, такая теперь молодёжь. Всё им по барабану. Специально влезут в дерьмо, чтобы обратить на себя внимание. Пойду, говорит, торговать в Лужники видеокассетами с порнухой.

— Что?

— Вот то! Почему я к тебе и прибежал.

Лариса посмотрела на часы.

— Ладно, я поняла. Сейчас я не могу. Я поняла, поняла. Не знаю, что делать, но придумую, что делать.

- Ему нельзя в армию, Лара.
- Его и так не возьмут по зрению.
- Да нормальное у него зрение, очки он носит с простыми стёклами без диоптрий. Тоже заноза характера.

— Пороть его надо!

— Поздно.

— Пороть никого не поздно...

— И никого не нужно.

— Вот, вот, дядя Ли, ты приходишь от слова — либерализм. До чего довёл мальчишку!

— Я?!

— А кто, я? У кого он жил все эти годы?

Она не могла сказать Лиону Ивановичу, что он ввергает её в чудовищное положение с помощью своих морально неотразимых проповедей. Да, сын есть сын, но она-то впервые в жизни встретила человека, рядом с которым сделала удивительное открытие, впервые — ничего нельзя поделаться с этим ослепительным ощущением — почувствовала себя женщиной. Настоящей женщиной, женщиной, которую любят, о которой думают, заботятся, ради которой готовы на многое (она хотела верить, что на всё). Она боялась лишний раз мысленно вздохнуть, чтобы не спугнуть облачко счастья, окутавшее тот обожжённый клубок нервов, что остался от её души. А тут ты, справедливый дедушка с мучительными напоминаниями. Но если вдуматься, что, она мало сделала для семьи? Да, мало, но почему? Разве не потому, что всё же пахала как лошадь, добиваясь чего-то важного, растрачивала себя на полезное для всех. Для... она не произнесла даже мысленно слово “родина”, хотя отчётливо ощущала присутствие этого огромного, безмолвного смысла где-то вблизи.

Но за столько лет тяжелейшей, пускай почти бесплодной борьбы во имя общего блага разве не имеет она права на кусочек своего, личного, персонального женского счастья? Кстати, ещё даже и не совсем завоёванного.

— Ты страшный человек, дядя Ли.

— Что ты говоришь, Ларочка, Господи!

— Я знаю, что я говорю.

29

Генерал Белугин был всем хорош. Невысок ростом, сухощавый, с вертикальными цезарскими морщинами на щеках (это Волчок, увидавший его как-то, заметил, будто генерал похож на Цезаря с известного бюста, чтобы бесплатно сделать приятное Ларисе); сдержанный, проявляющий себя почти исключительно поступками. Присланные им бойцы быстро и качественно отремонтировали квартиру Ларисы. По её первому требованию к её подъезду подавался автомобиль с шофёром и букетом. Говорил он редко и веско. Замед-

ленно рокочущий, как дорогой мотоцикл на холостом ходу, голос произносил короткие и, как правило, простые мысли. Как бы брезгуя ввязываться в интеллигентскую словесную путаницу, генерал выгодно смотрелся со своим авторитетным молчанием на берегу какой-нибудь жаркой, почти всегда пьяноватой, завиральной говорильни Ларисиных коллег. Никогда не было ощущения, что он не понимает сути разговора, наоборот, часто выяснялось, что он знает путь наикратчайшей формулировки через болота болтовни, в которых всё тонет. Он был полезен Ларисе и, так сказать, производственно. С его помощью она наладила тотальный контроль не только над “Историей”, но и над “Армией”. Белугин обеспечил тамошним списанным из войск подполковникам возможность расширения круга их просветительских, хорошо оплачиваемых экскурсий, и они знали, кому обязаны этим. Авторитет искусственной заместительницы становился всё более весомым и натуральным.

Самое интересное начиналось, когда любовники, сидя в кровати, покуривали и потягивали шампанское после всего. У генерала была одна слабость, а может, это и не так называется, но, в общем, в тот момент, когда его прекрасная подруга открывала рот и начинала речь, он брал с прикроватной тумбочки фуражку и надевал, так, чтобы козырёк почти касался носа. И это означало, что он пришёл в нужное состояние и готов к вниманию. Кстати, он никогда не оставлял фуражку в прихожей, а всегда брал с собой в комнату. Лариса попыталась как-то ласково высмеять эту его привычку, но уже после первой фразы почувствовала, что высмеивать её не надо.

Так вот, поглядывая искоса на эту фуражку, она начинала самую важную для себя часть встречи. Тихое, осторожное расследование на тему: кто вы, генерал Белугин? С кем вы? Простой ли вы обаятельный солдафон, гуляющий от страшенькой жёнки, или ищущий, болеющий за родину душой русский офицер? Если так, то неизбежно же вы должны понять, какое это чудо, что мы вот так встретились, такие два незаурядных человека. И у нас не просто пошлый роман, а “душ трагических сплетенье во имя русского орла”.

Генерал слушал внимательно, но в ответ всё больше помалкивал, не спешил выплеснуться со встречными откровениями, мол, мне тоже за державу так обидно, так обидно! Но чувствовалось, что слова Ларисы доходят до его каких-то скрытых, может быть, очень глубоко, струн и порой колеблют их. Чувствовалось, что постельные проповеди не пропадают зря.

Разумеется, всё выглядело не так постно и пошло, как в данном описании. Лариса играла роль офицерской дочери изобретательно, не только топором правды врубалась, но и рапирой иронии ранила. Она чувствовала, что эти просветительские спектакли генералу нравились. Одно смущало — слишком медленным было его движение ей навстречу; что там за скрытые тормоза? От общей ли неразвитости, или от пороков характера задержка, короче говоря, глуп он или труслив? Не хотелось ни того, ни другого, и ещё как не хотелось.

Однажды они встретились, как пару раз уж бывало, у входа в ресторан “Кормило”. Ларисе он нравился не только из-за каламбурного названия, но и ввиду хорошей русской кухни. Белугин был не в форме, что ей очень нравилось, а в дорогом гражданском костюме. И без букета. И сидел за рулём сам.

Сердце дамы дёрнулось.

Избавился от водителя, как от свидетеля?

Свидетеля чего?

Сам вышел и распахнул переднюю дверцу.

— Едем.

— Куда? — удивилась Лариса, выразительно оглядываясь на дверь ресторана.

— Ты будешь довольна, — улыбнулся он, слегка дёрнув цезарской щекой.

Оказалось, всё рядом. Попетляв по переулкам в районе Остоженки, пригнулись у неяркого, но шикарно отремонтированного дома с задрапированными изнутри окнами. Стоянка ломилась от дорогих машин.

— Что это?

— Сейчас поймёшь.

Она действительно поняла очень быстро, уже в прихожей наткнувшись на подполковника Терехова, того самого, председателя русского офицерского собрания. Он был в штатском. Там все были в штатском. Но вместе с тем очень ощущалось, что в этих дорогих костюмах спрятано очень много военных: взрывы бодрого, хоть и приглушённого смеха в углах, то и дело непреднамеренно щёлкающие каблукки, характерные прически. Но имелись и почтенные бороды с тростями. Дам — близко к нулю. Лариса специально просканировала залу. Никакой Гапы, несмотря на её новую должность в Минобороны. Это было приятно. Теперь надо было определить тип и тон собрания. Нет, это не чьи-то беззаботные именины. Не спуск со ступеней какого-нибудь грабительского для страны проекта.

Стали проходить в следующую залу. Там был устроен презентационный зал. Мест на шестьдесят. Белугин усадил спутницу, а сам отправился в президиум. Там рядом с ним уселись ещё три человека с неистребимыми признаками солидности в движениях. Такие генералы, что даже в бане будут опознаны. Лариса с чуть волнуящим удивлением обнаружила, что всех троих знает. По телеэкрану. Вот это да!

Очень скоро выяснилось, что цель встречи — презентация книги одного из солидных господ из президиума. Называлась она “Глобальные стратегии и выбор России”. О них и пошла речь. Главный выступающий говорил научно, длинными фразами, но всё равно было легко понять, что главная его мысль проста — наступает критический момент!

Надо что-то делать!

По залу пролетел слухок — ждут Громова. Лариса приосанилась, она тоже была рада ждать Громова. Упоминали и Примакова, но Примакову Лариса не верила.

Несколько раз встречались взглядом с Белугиным. Лариса укоризненно кивала головой, что ж ты, негодник, притворялся дубиной стоеросовой, а сам вон в какие круги вхож! Он едва заметно и весьма покровительственно улыбался ей. И она прощала ему такой оттенок отношения к ней. Мужчина, способный на мужской поступок, имеет право и не на такое. Белугин только что доказал, что он мужчина, то есть человек настоящего, не бытового поступка. Это её дело болтать, зудеть, проталкиваться по-мелкому, а подлинные генералы отламывают от пирога жизни большими ломтями.

Лариса победно огляделась. И справа, и слева тоже хватало знакомых. Вон тебе и известный писатель Порханов, и Сергей Иванович, душка-гад, добрый вредитель, оба приветливо раскланиваются. Видели, с кем она пришла. Там дальше ещё какая-то депутатская мелкота.

В конце выступления виновник презентации с особой благодарностью отнёсся в адрес Белугина, назвав его проникновенно по имени-отчеству. Подразумевалось, что без Белугина такая существенная книга могла и не появиться на свет. Генерал сделал такое движение плечами, которое расширявалось, как: да пустяки, общее дело делаем.

Выступило ещё несколько человек. Речи их были и обтекаемы и многозначительны. Лариса поняла так, что за словами подразумеваются настолько судьбоносные моменты и детали положения в отечественной политике, что суэта конкретных имён, дат, цифр просто неуместна.

Когда было предложено задавать вопросы из публики, то вопросы оказались по своей солидности почти равны выступлениям. Никаких журналистских подлобок-подковырок. Сидящие в зале также понимали, о насколько важных вещах идёт речь.

В мнении, что нечто важнейшее должно произойти в ближайшее время, сходились абсолютно все. И это важнейшее всеми явно подразумевалось, как какая-то новая судьба для страны. Верхи дозрели до понимания своей полной беспомощности и ничтожности, низы примут любое изменение как благо. Верхи трясутся, трясина народных пространств стонут, и разрешить всё может только энергичный, ответственный, бестрепетный патриотический порыв просвещённых профессионалов.

Кажется, расхождение было лишь в оценке сроков, темпов и тому подобному.

Лариса взволнованно томилась в ожидании момента, когда можно будет разведать детали.

Во время следовавшего фуршета это сделать было невозможно. Белугин был все время в центре внимания. Депутаты и передетые военные то-ропились с ним чокнуться и перекинуться парой слов. И в машине по дороге к Ларисиной квартире он отмалчивался, улыбаясь в ответ на восторженно укоризненные наскоки спутницы.

На всё у него был один ответ — пока ещё не о чем говорить, пока ещё рано говорить и т. д.

Само собой разумеется, такая скромность действует подобно бензину на костёр женского воображения.

— Так вы готовы взять власть?

В ответ только вздох и ироническая улыбка.

— А в войсках у вас есть серьёзная опора?

Смущённое покашливание.

— А в ФСБ тоже свои люди?

В общем, допрос прекращался печатным поцелуем в говорящие губы.

— Нет, ты всё-таки скажи...

И так далее.

В конце концов Лариса сообразила — не идиотка, — что ворота на секретную территорию прямолинейным напором любопытства не распахнёшь. Наоборот, можно только раздражить человека, он и так приоткрыл для неё немало.

— Ладно, не злись. У меня ведь не бабское любопытство. Я дочь офицера...

— Ты любишь военные фильмы и в детстве мечтала, чтобы Чапаев доплыл, а не утонул.

— Разве я тебе об этом говорила?

— Да. Ещё когда вы с Порхановым приезжали навещать какого-то мальчонку в дивизию.

— А-а.

— Я ещё тогда запомнил, мне ещё тогда понравилось. Я тоже болел за Чапаева. Когда был маленький. В кино в деревне.

Лариса легла на спину, закрыла глаза.

— Да, это не оригинально. Я читала где-то, что многие дети... И плевать, что не оригинально. И плевать, что ты не оригинальный, не артистичный.

— Да, я не артистичный. — Белугин поправил козырек фуражки на носу.

— Не обижайся.

30

Да, можно сказать, что товарищ Конева была практически счастлива. Были только два подводных камня в чистом потоке, по которому рулила её любовная лодка.

Первый — семейная крепость генерала.

Её она надеялась взять с помощью союзницы.

Агапеева охотно дала всю секретную, и не очень, информацию на этот счёт. Конечно, женат, двое детей. Старший сын только что комиссован и теперь осваивает собственную автомастерскую. Второй сын второклассник, и ничего больше о нём не скажешь.

Жена, стареющая, пообтрёпанная, недоумственная оголтелая наседка. Супругов уже давно ничего не связывает, кроме имущества и детей. Никаких живых отношений уже ряд лет. Лариса охотно верила, почему-то в такие вещи женщинам верится очень легко. Впрочем, генерал давал основания для этого легковерья, на Ларисиных простынях он был голоден как курсант.

И вообще, как можно спать с курицей? Лариса мысленно именно так называла соперницу.

Злая, ехидная, подозрительная, женщина-занога, дополнительно сообщила Агапеева. Да, еще скандалистка, тупая, визгливая, и доносчица, чуть что — с рапортом в политотдел. Этим она его раньше держала.

— Да-а?

— Да, да, знаешь ли, у нас это сильненькое средство — проткнуть карьеру мужу. Начальство ведь раньше как думало — если не можешь управлять своей бабой, как ты будешь управлять своей бригадой?

— А теперь как думает?

— Теперь проще, партийной линии нет, маршалы, и те разводятся.

Эти разговоры Ларису вдохновляли. По всему выходило, что Белугину некуда деваться, кроме как в её отремонтированную заводь.

Вторая печаль — сын.

С ним ничего нельзя было поделаться. Он со всем соглашался. Разговор с ним — трамбование тумана. Лариса, например, столько потратила на истребление в нём неуместного, нелепого здесь, среди московской жизни, белорусского патриотизма, а потом как-то, из случайной его оговорки выяснилось, что он и не собирался за него цепляться. Что давно уж числит себя скорее москалём, чем кем-то ещё.

Сначала она решила, что он над ней издевается. Громадна сила безответности. Непокорима твердыня покорности. Нет, он даже не издевался. Это было бы началом какого-то диалога. Да, мол, мамочка, я до такой степени плевать хотел на твой взрослый, дурацкий, подлый, гадкий мир, что вот так себя веду.

Привычным, понятным конфликтом по типу “отцы и дети” тут и не пахло. Он не только ничего не противопоставлял матери, он ничего и не отвергал из того, что она на него вываливала в качестве идеалов.

Список обязательной литературы:

1. Афанасьев, “Народные русские сказки”.
2. “Тихий Дон” и “Тарас Бульба”.
3. Нечволодов, “Сказания о русской земле”.
4. Ильин.
5. Солоневич.
6. Чивилихин.
7. Селезнев о Достоевском. Сам Достоевский отложен на попозже.

Ждала если не бунта, то отлынивания. Через два месяца тихий от него доклад: прочёл всё. И в таком тоне, что как будто готов сдать экзамен по прочитанному.

Компьютер. Сначала подарила, причём самый навороченный. Потом запретила им пользоваться. Не совсем, конечно, а чтобы в меру, не круглые сутки. Доклад Лиона Ивановича: всё честно, не более трёх часов в день. Даже напоминать не приходится.

Сама понимала, что главный недостаток их отношений — абсолютное отсутствие ну хоть какой-нибудь задушевности. Нет, Лариса готова была к любой открытости со своей стороны. О чём бы Егор ни спросил, ему было бы отвечено и максимально откровенно. И об его отце, и о её политической платформе, но он ни о чём не спрашивал.

Начать откровенничать самой?

Вывалить на него всё, завести разговор о своей жизни. Садись, сынок, поговорим. Во-первых, она не была так уж уверена, что это нужно, и нужно именно сейчас, а во-вторых, сразу возникал вопрос — с чего начать, чтобы не перепугать каким-нибудь непереваренным куском откровенности. Детская психика легче всего травмируется правдой жизни.

Надо было бы понять, что ЕМУ интересно.

ЧТО ему интересно?! Как это выведать: животные? марки? наркотики? женщины?

Вот женщины. С кем дружишь, сын? Познакомь со своей девушкой. По тропинке такого разговора был шанс забрести в тыл любой, самой мрачной замкнутости. Но это для обычных подростков. Она проверяла этот метод на своих молодых сослуживцах. Она отлично владела стилем товарищеского полусплетничанья, и ей открывались не только балагуры типа Питирима и

Милована, но и тяжелодумные дяди вроде Энгельса. Но Егор казался ей настолько несовместимым с этой темой, что на уста сама собой налагалась печать. Она считала себя специалистом в делах любых любовных битв меж мужчинами и женщинами. Но дело в том, что сын казался ей представителем какого-то другого пола. Не совсем мужского. Нет, она не начала ещё бояться за правильность его сексуальной ориентации, тут было что-то иное.

Легко понять, что никаких серьёзных разговоров во время нечастых встреч матери и сына и не происходило. При этом Лариса, будучи человеком наблюдательным, всякий раз отмечала, что Егор каждой такой встрече вроде бы радуется, но при этом расстаётся с матерью вроде как с ощущением огромного облегчения, как будто избавляясь от огромной психологической обузы.

Всякий раз Лариса давала себе слово — во время следующего разговора, наконец, с ним поговорить, и всякий раз у неё, непонятно в силу чего, ничего не получалось.

Была одна отговорка. Лариса понимала, где-то там у себя в глубине, что это именно отговорка, но была благодарна ей, что она у неё всё же имеется. “Я тебе не Германия, не могу вести войну на два фронта”, — сказала она как-то Агапеевой, когда очередной их разговор вильнул в сторону её отношений с Егором. Смысл был в том, что, претерпевая такой напряжённый роман с генералом Белугиным, роман, как казалось ей, чреватый важными жизненными изменениями в самом близком будущем, она не могла расплывать свои психологические, моральные силы и в иных направлениях.

Она уговаривала себя, что здесь ей достаточно поддерживать статус кво. Вот когда всё выяснится с Белугиным, а там всё выглядело как уже созревшее яблоко, вполне готовое к падению, тогда и другие гордые узлы развяжутся сами собой.

При всей своей сложности и тяжести история с сыном обладала одним выгодным качеством — стабильностью. Нет ничего более прочного, чем состояние взаимной недоговоренности. Пусть пока будет так, как есть.

И Лариса кидалась к телефону, чтобы слиться в почти непрерывной беседе с подружкой.

Агапеева стала для неё просто нестерпимо важна. Она соглашалась выслушивать все бесконечные речи Ларисы, обсемаковывание мельчайших деталей её последнего разговора с Белугиным и сопоставление его с предыдущими разговорами ради обнаружения, возможно, какой-то новой тенденции в отношениях.

Гапа была тем ещё ценна, что владела всей информацией о семейной жизни генерала. И обо всех мельчайших изменениях, что в этой жизни произошли или собираются произойти.

— В армии ничего нельзя скрыть. Все, всё, про всех...

У генерала заболел младший сын. Не то чтобы очень опасно, но болезнь, требующая особого родительского внимания.

Лариса с облегчением вздыхала. Так вот что означает белугинский ранний отъезд из её кровати. Значит, и правда помчался за лекарствами. Это была реальная аптека, а не отговорка.

В следующий раз он пропал сразу на неделю. Наглухо, ни звоночка, ни слова. Лариса извелась бы и, вполне вероятно, дошла бы до каких-то сокрушительных поступков, если б не подруга.

— Опять сынок.

— Тоже заболел?

— Задолжал. Белугин отмазал его от армии и хочет сделать из него бизнесмена. Он бросил автомастерскую и теперь поставяет продукты для каких-то частей в каком-то округе, не знаю точно, коммерческая тайна сильней военной.

— Ну и?

— Залетел, в смысле кинули его, поверил кому-то там. Отец умчался спасать.

Вернувшись, Белугин объяснил всё примерно так же. Назвал сына оболтусом, что ей было приятно, мол, не только у меня чадо с недостатками.

Но всё равно, недельное исчезновение Лариса решила использовать как повод для нажима.

Ну, когда? Когда ты окончательно переберёшься ко мне? Ведь сколько раз говорили. Белугин задумчиво манипулировал фуражкой. Действительно, надо было что-то решать.

— Мне нужно ещё один раз съездить в округ.

Как было понимать эти слова?

При этом на все “официальные” мероприятия генерал отправлялся исключительно с Ларисой. К ней привыкли, даже образовалось у неё что-то вроде отдельного авторитета, ей улыбались, даже когда она не держалась за генеральский рукав.

Постепенно у неё появлялось и к этим собраниям такое же отношение, как и к самому Белугину. Когда же?! Господа генералы! Много и с пафосом намекалось, что силы накопленные велики, почему же нет приказа к решительному шагу?

Ельцинская власть прогнила, всем видно. Вокруг вьётся множество людей, ещё какой-нибудь год назад побрезговавших бы и приблизиться к такой вот генеральской компании. А теперь уже и они чувят — пора! Крысы, прибежавшие с тонущего корабля.

Лариса надавливала на Белугина с двух направлений.

Однажды утром зазвонил телефон.

— Хочешь, поедем со мной? — предложил генерал в своей манере.

Конечно, она согласилась. Не спрашивать же — куда?

31

— Ты должна ему помочь.

— Дядя Ли, последние годы я только тем и занимаюсь, что пытаюсь до него достучаться.

Старик ещё больше сдал, и без того маленький и сухощавый, совсем перешёл в насекомое состояние тела. Полюбил рассуждения на тему своего переселения “в богадельню”.

— Я не про то сейчас, Ларочка. Я про то, что его вот-вот забреют. Ты сама должна понимать, что такому мальчику, как Егор, туда нельзя никак, и даже в мирное время, не говоря уж про сегодня.

Лариса почувствовала сильнейший приступ раздражения. Опять эта приглушённая проблема начинала подниматься в полный рост.

— Я дочь офицера и...

— И люби свои военные марши, и не болтай глупостей, личная к тебе моя просьба. Лучше сразу дай Егору съесть какую-нибудь передозировку, и чтобы не мучился в чеченских окопах.

— Какие окопы, дядя Ли!

С годами бывший конферансье утрачивал свой безупречный выговор и безукоризненный грамматической строй речи. Он утверждал также, что почти забыл таблицу умножения.

— Белый билет, Лара, только белый билет.

— Послушай...

— И не говори, что у тебя не хватит связей. Хочешь моей могилы — бери, но мальчик!

— Он что, сам просил тебя об этом?

— Но я же не слепой, Лара, он сразу впадает в такую прострацию, когда я завожу речь обо всей этой службе.

Лариса понимала, что раскатывать перед стариком склейку из идейных аргументов бессмысленно. Да, она всегда считала, что русская армия — лучшее и важнейшее создание отечественной культуры. Это и семейная их, Коневых, мысль, и общественная позиция её, Ларисы Коневой, на настоящий момент. И весь разлагающий яд берётся от тихих, лукавых предательств в верхах, от того, что дети наших министров не идут в те самые чеченские окопы, а садятся на белые билеты, или ещё хуже, едут учиться в Женевы и

Лондоны. А ведь это не что-то, а искренняя родительская любовь питает повсеместное, сверху донизу, предательство. Россия — рыба с испорченной головой. И даже друзья... Вон Милован, под всю свою болтовню о Скобелеве сына Тимошу тихо отмазал, и даже рассказывал об этом в буфете как о подвиге своего извортливого житейского ума. Такие теперь подвиги. Причём Тимоша этот гарный, справный парубок, аквалангист и драчун, не то что родимый тюфячок Егорка.

И какая же она сама будет борец за чистоту в рядах, за славу русского оружия, если своего рыхлого сына отгосит от его естественной мужской судьбы?

— Сын генерала Пуликовского погиб в Чечне...

Лион Иванович сердито замахал на неё цыплячьими лапками.

— Вот именно, сын генерала. Это их военное, генеральское дело. Сын генерала платит за право ускоренно самому стать генералом. Мы не знаем, может, он сам попросился. А тут другое. Интеллигентный мальчик и очень, очень грязная война.

— Хватит, дядя Ли.

— Офицеры торгуют солдатами как крепостными. Всё украдено или продано. Чеченские бандиты после боя приезжают расслабиться в московскую сауну. И ты хочешь, чтобы твой мальчик, единственный мальчик, стал бараном в этих горах?

— Ему же ещё почти год до призыва.

— Намного меньше.

Лион Иванович встал и ушёл.

32

Участок был разделён на две примерно равные части, как и дом, купленный Коневыми в посёлке Пуговичино. В их части сада имелось три старых, раскидистых, очень плодоносных яблони, несколько молодых слив и мёртвая груша. Николай Николаевич сидел на крыльце в тельняшке и трениках, покуривал и прикидывал спокойным взглядом объём работ. Нина Семёновна возилась с неразобраным барахлом в доме.

Лариса с Гапой осторожно блуждали между грядками, стараясь не запачкать дорогие туфли и брюки.

— Признаться, он меня окончательно сразил.

— Ты рассказывай, рассказывай.

Лариса практически цвела, и если бы ей захотелось остановиться где-нибудь под окном, то пчёлки её скоро стали бы принимать за жасминное дерево. Так она благоухала и не только духами, но и порывами светлого настроения.

— ...Ехали часа три, а то и меньше. Даже с небольшим пикником. Приезжаем — непонятно. Военная часть, не военная часть. В глухом лесу колючая проволока, бараки, все солдатики по пояс голые в спортгородке. Обедаем. Потом стрельбище. Солдатики тархтят, доски кулаками ломают, на стену лезут в дыму.

— Понятно.

— Но самое интересное под конец.

— Секе в спальном мешке?

Лариса с интересом поглядела на подругу, что это ты? Та, извиняясь, помахала рукой — не бери в голову. Лариса кивнула — ну, ладно.

— Выходим на берег речки.

— Что за речка?

— погоди. Мы стоим на этом берегу, а на том начинается какая-то возня. Человек выбегает на песок, скидывает сапоги, гимнастёрку и бултых в воду. За ним выскакивают из ельничка пятеро-шестеро с карабинами и начинают палить ему в спину.

Агапеева даже остановилась.

— Ну, ну.

— Вот тебе и ну, ну. Мужик этот плывёт, выстрелы гремят. Я не знаю, что и думать.

— И чем кончилось?

Лариса самодовольно улыбнулась.

— Выплыл. Усатый такой. Смеётся. Смотрю, генерал мой тоже хохочет. Сзади прибежали двое и втыкают в берег железную вывеску на шесте, ну, знаешь, такие перед населёнными пунктами на дороге ставят.

Агапеева кивнула.

— А на вывеске, на табличке этой написано “р. Урал”.

— Ни фига себе!

— Да-да, а переплывший этот подходит ближе, берёт под козырёк, хотя козырька никакого нет, и говорит: “Комдив Чапаев прибыл по вашему приказанию!” А другой рукой за ус, потому что отклеивается.

Подруга длинно и искренне присвистнула и повторила:

— Ни фига себе! — Её явно проняло.

— Ты понимаешь, — самодовольно и восторженно пела Лариса, — это же называется акция, генеральский хешпенинг. И так неожиданно, и так срежиссировано! Стреллер и Питер Брук... Но, не этот мокрый Чапаев с усам приклеенными порадовал меня больше всего, хотя и порадовал, спорить не буду.

— А что?

— А сам лагерь. Оказывается, все эти месяцы мне не лапшу вешали на уши, как я уже стала опасаться. Есть у них дисциплинированная вооружённая сила.

— У кого у них?

— Ну, у Белугина. И я так поняла, что таких лагерей по стране хватает, и все наготове, Ельцин в коме, это значит что?

— Что?

Лариса остановилась. Стоп! Так ведь и выдать можно какие-нибудь планы. Хотя чего уж теперь.

— Я там у них выступила в этом духе перед офицерами. Готовьтесь, говорю. Все эти спектакли на переименованных реках, конечно, красиво, артистично, но очень скоро придётся проявить реальный характер. Придётся войти в реку, из которой обратной дороги нет, и броду в ней нет.

Агапеева смотрела на подругу, приоткрыв рот.

— Готовы, спрашиваю, господа офицерский корпус, для нового порядка? Глаза горят, хотя и помалкивают.

Лариса вдруг помрачнела.

— Вот только на обратном пути была неприятная встреча. Вернее, не было никакой встречи.

— Если ты думаешь, что я что-то поняла...

— Ты Питирима моего знаешь?

— Бородача?

— Ну да. Это он меня, ну, окрестил, можно и так сказать. Мужик был огонь, умница, талантище, но пьянь полнейшая стал, алкоголик с трясучкой уже. Так слух прошел — он подался в монахи.

— Что? В монахи?!

— В самые настоящие. Я не знаю, как это можно от семьи, от всего, но подался. И вот проезжаем мы с генералом мимо того монастыря, куда Питирим наш якобы закрылся.

— И что?

— Конечно, остановились, захотела повидаться. Поговорить. Дело-то серьёзное, на ТАКОЕ решился человек. Главное, хотелось проверить — правда ли. Не болтают ли. Ведь у нас на Москве слетен... Пит был большой выпендрёжник, матершинник, какой уж тут монастырь!

— Проверила?

— Не захотел к нам выйти.

— А вообще был он там?

— Был, говорят. — Лариса вздохнула. — А может, и не был. Странно всё как-то. Ни да, ни нет.

— Они же там имя меняют. Может, он стал какой-нибудь Януарий.
— Вот, вот. Но так и не смогла дознаться, а ты знаешь, если мне нужно...

— Знаю.

— Такая вот у меня червоточина. Но, с другой стороны, в монастырь бегут слабые, те, что не могут людьми оставаться среди обычных людей.

— Да?!

— Да-а. Ладно, пора, видишь, мама зовёт, накрыто.

— Настаивать можно на чём угодно, — рекламировал Николай Николаевич свой самогон, — а основа простейшая: сахар, дрожжи и очистка качественная.

— Хватит, папа, спасибо тебе, а выпьем мы за мою лучшую подругу, это она, это её радениями состоялось то, что мы сейчас здесь наблюдаем.

— Я уж и не верила, — всхлинула Нина Семёновна.

— Вам там было, наверно, плохо? — поинтересовалась Гапа.

— Нет-нет, никогда не скажу плохо про Белоруссию. Добрые люди, душевные. Но всё равно надо ведь прибиваться к своим, правда?

Выпив капитанского самогона, Гапа восторженно выпучила глаза и полезла быстрыми пальцами за огурцом.

— И это своё. Вернее, Нинкино, — продолжал гостеприимно хозяйничать за столом капитан.

— Вода ключевая, смородиновый лист до сих пор пахнет как живой, ты понюхай, понюхай.

Агапеева нюхала и одновременно хрустела очень вкусным огурцом.

— А что Егор, где? — наклонилась Лариса к матери. — Избегает?

— Нет-нет, вообще был, а сегодня, говорит, занят.

— Избегает?

Нина Семёновна снова быстро произнесла — нет, нет, нет, — прилизывая ладонями и так прилизанные волосы, это показывало у неё сильную степень волнения.

— Правда занят, правда. Молодой человек.

— Да-да.

Лариса после выпитой второй рюмки выглянула из-под навеса, что был устроен капитанскими руками под яблоней, и где был накрыт стол.

— А что, Гапа, милые местечки. Может, плюнуть на всё и переехать? Кому принадлежит вторая половина дома? Пустая ведь.

— Да, — кивнула мать, — никого нет. Там ещё соток десять. Три комнаты и крыльцо.

— Вот, действительно, плюну я на все их дела и осяду всем семейством здесь, посреди средней полосы России.

Родители с разным выражением лица слушали дальнейшее изложение планов дочери. У отца лицо было спокойное, он в основном следил, чтобы у всех гостей самогону было вклень. А Нина Семёновна оцепенела и только моргала выцветшими, как бы помелевшими глазами.

— Сколько нас осталось, Коневых. Нас вот трое, Егор, да бабка. Купим вторую половину дома, сделаем дверь. Кто-то разъединил, а мы объединим.

Нина Семёновна незаметно исчезла из-за стола. Лариса ещё некоторое время вещала, что случилось с ней в хорошем настроении. Агапеева хрустела огурцами так старательно, как будто это было задание командования на сегодня. Капитан ещё раз поднял тост за неё и даже попробовал поцеловать руку, тянущуюся как раз к тарелке. Он-то понимал, чего стоило устроить празднуемый ныне перевод.

— А где мама? — спросила Лариса вдруг и, не дожидаясь ответа, пошла в дом.

— Никуда она сюда не переедет, — сказала Агапеева, вздохнув ей вслед, — а хорошо бы было.

— Знаю, — сказал капитан, — у Ларочки дом всегда почему-то не дома.

— Да.

- Но сказала, что женится.
- Подруга внимательно посмотрела на капитана.
- Думаете, женится?
- Если Ларочка чего решила, вы же знаете, как подруга.
- А мне кажется, нет.
- Недавно познакомились?
- Познакомились они давно, но он на ней не женится.
- Почему?
- А он потому что генерал, и женатый.
- Да-а?
- А она вам не говорила?
- Капитан медленно помотал головой.
- Ларочка таких вещей не замечает...

Лариса нашла Нину Семёновну в полутёмной, пропахшей слежавшимися вещами и какой-то особой скукой комнате. Она сидела на кожане швейной машинки и смотрела беззвучный телевизор.

Нина Семёновна вздохнула. Глухо спросила:

— Ты что, и правда хочешь её сюда привезти?

Лариса сразу поняла, о ком речь.

— Бабушка, Лион Иванович говорил, совсем плоха стала. Развалина. Все от нее разбежались.

— Заслужила, раз такой человек.

— Мама, она же тебе мать!

— Не смей мне этого говорить: мать, мать! Она...

Ларисе очень захотелось закурить, но сделать это здесь было как-то неловко, захотелось закончить разговор.

— Но сколько лет прошло, пора бы уж и начинать прощать.

— Если ты её сюда привезёшь, я отсюда уйду.

— Куда?

Нина Семёновна дёрнулась и удержалась на своем сиденье только благодаря поддержке дочери.

— Не знаю куда, никуда! Ты специально нас сюда завезла, чтобы мы не пикнули, а сама...

— Ладно, мам, погоди, это я, пожалуй, пойду. Зря мы этот разговор начали. Никого я привозить не собираюсь. Пойду, воздухом подышу.

Лариса вышла из затхлой комнатки, страшно собой недовольная. Какого чёрта было заводить этот разговор, абсолютно никакого отношения к реальности не имеющий? Это только в бреду могло придти в голову притащиться сюда всем семейством вместе с бабой Викой. Впереди совсем другие планы. Генеральские.

— Погоди, — сказала вдруг подошедшая сзади Нина Семёновна. — Это твоя подруга?

— Я же объясняла, Гапа, это она всё устроила.

— Она тебе не подруга.

— Как раз наоборот, мы одного поля ягоды.

— Она тебя ненавидит.

— С чего ты взяла?

33

До чего же я его изучила, с нежностью думала Лариса, глядя на строгий спящий профиль Белугина. В нахмуренных бровях чувствовалась тяжёлая озабоченность. Генеральское молчание было так выразительно, что словами его можно было только скомпрометировать.

— Что случилось?

Он дёрнул вертикальной морщиной на синеватой щеке. Она знала, что на первый вопрос он никогда не отвечает, как настоящий офицер не закусывает после первого стакана.

И на второй вопрос он отреагировал лишь мимическим быстрым движением.

После третьей атаки сказал лишь одно слово — “газета”.

Не сразу, но Лариса добилась внятности. Речь шла о статье в желтоватой московской газетёнке, называвшейся “Молчание генералов”. Это было время, когда повсеместно в журналистику входило тотальное игрословие, ни один материал не мог быть озаглавлен просто и ясно. Обязательно как-нибудь со словесным вывертом. Статья состояла из серии ядовитых и подловатых вопросов о тех самых лагерях военизированной подготовки, один из которых Ларисе довелось давеча наблюдать в действии. Молодой, неприятный очкарик допытывался, а кто, например, финансирует эти “подразделения”? Для каких целей они предназначены, если что? Не связана ли активизация этой деятельности с нарастающим напряжением в стране? И когда и где можно ждать появления этих (красных? коричневых? или какой-то другой расцветки) бригад в ближайшее время.

— Вас приравнивают к ягням? — с возмущением вскрикнула Лариса, бухаясь обратно в койку.

Ни один мускул не дрогнул на лице Белугина.

— Как мы будем отвечать? — Он уже три дня ночевал у неё, и поэтому для такой коллективной постановки вопроса было предостаточно оснований.

— Прокуратура, — сказал генерал.

— Что прокуратура?

— Занялась...

— Подождли её, что ли?

Генералу было не до шуток.

Так, сказала себе Лариса, глядя в отлично покрашенный людьми Белугина потолок, так, надо что-то делать. У неё не было ощущения навалившейся неприятности. Скорее ощущение закручивающейся интриги. И ни на секунду не мелькало мысли, что всё может кончиться плохо.

Наоборот.

Новая жизнь! И она не может начинаться так вот тихо, сама собой, с простого — он остался у неё, не поехал домой. Нужен удар, акт, шаг, взрыв, знаменующий важность момента. И хорошо, что в самом начале такая серьёзная трудность, драма, “и бездны мрачной на краю”. Ах, как прав Александр Сергеевич, стоит русскому человеку оказаться пред карьерной пропастью, в свинцовой тени прокурорской проверки, как в нём просыпается духовная красота и моральная сила.

— Лучшая защита — это нападение, Саша.

— Слышал.

— Я напишу опровержение.

Его веки поднялись и опустились, как у нильского крокодила вслед пролетевшей птахе.

— Но уж поверь, что здесь, у меня, со мной ты в полной безопасности.

Это было сказано так, что генерал повернул голову, и сухие губы благодарно ткнулись в юношеский шрам на её щеке.

34

На работе Лариса появлялась редко, настолько редко, что это вызывало всеобщее уважение, всем было понятно: так может вести себя только человек, имеющий на это право. На чём это право основано, никто не знал, и это лишь укрепляло окружающих в уверенности, что оно у Ларисы Николаевны есть, и оно незыблемо.

Кстати, шеф был даже рад, что видит своего уважаемого зама так редко, правда, ни за что в жизни в этом не признался бы, даже себе. Он стремился быть честным человеком, и не только по отношению к окружающим (что ему по большей части удавалось), но и по отношению к самому себе, что, как известно, труднее. Насколько труднее, что приводит к необходимости скрывать от самого себя истинное положение дел.

Такое положение психологических дел может быть, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, устойчивым, и длительно устойчивым. И лишь грубая внешняя атака способна поколебать его.

Атаку, конечно же, организовала Лариса. О том, что нечто на подконтрольных ему территориях затевается, Михаил Михайлович мог бы догадаться хотя бы по тому факту, что его заместительница зачастила на рабочее место. И не ограничивается сидением в кабинете, а вояжирует по этажам, то там, то там засиживаясь на редколлегиях, переходящих порой в длительные задушевные застолья.

Хорошо знающие свою выдвиженку в верха работники “Истории” встретили хоть внешне и радостно, но опасно. Она пошутила с Тойво в курилке, он улыбался, добродушно набывчившись; похвалила Милована за какой-то, где-то сделанный им “умопомрачительный” доклад, он рассыпался в ответных любезностях, с возрастом он довёл свою эмоциональную неуловимость до виртуозной степени; зашла даже к нелюбимому Реброву, чтобы продемонстрировать, что между ними в данный момент нет войны, чему он тихо обрадовался и вдруг ни с того, ни с сего стал рассказывать о своей жуткой семейной ситуации.

Волчок, Прокопенко и Бабич были ею мобилизованы на якобы простое товарищеское распивание кофе в её новом кабинете. Кофе был редкий с очень дорогими конфетами, и никакого коньяка, что всех насторожило. И как оказалось, не зря.

Лариса задумала грандиозную политическую акцию.

Она понимала, что провести её будет непросто.

Она понимала, что возможны неприятности и жертвы.

Она считала, что на эти жертвы они, её старинные товарищи, пойти готовы.

Или нет?

А что за акция-то, вяло поинтересовались они, чтобы потянуть время.

Акция пройдёт, естественно, в актовом зале ЦБПЗ, и состоять будет в основном из выступления генерал-лейтенанта Белугина перед молодыми продвинутыми патриотами-государственниками, которых, как она уверена, они — то есть Бабич, Волчок и Прокопенко — помогут ей собрать со всей Москвы.

Сами видите, что на дворе за времена. Есть сильные, решительные, подготовленные люди, есть ресурсы, и подоспело время заявить о себе. Разумеется, она обратилась к ним как к людям, на которых можно положиться, которых она знает как противников этого сатанинского бардака, творящегося в стране, кто хочет этой стране счастья, а не догнивания под пятой компрадорской олигархии.

Молодые люди молчали. Ситуация выглядела неприятно, обременительно, но не катастрофически страшно. На костёр идти вроде бы было не надо. То есть никто не требовал от них самих каких-то выступлений и прыжков на амбразуру. Тихая, закулисная, хотя и противноватая работа. Придётся немного врать, много суетиться, но сделать-то можно, не забредая в политический бочаг по горло.

— Значит, договорились?

Они промолчали, но Ларисе других выражений согласия было и не нужно.

Запрограммировав “Историю”, Лариса двинулась в “Армию”, где её позиции были так же сильны. Пяток волонтёров, более молодых, чем “историки”, более эмоционально свежих, были ею там быстро обретены. Молодые офицеры рвались к реальной работе. Возможность приобщения к высшим сферам организованного сопротивления “долларовому хаму” их приятно пьянила.

С “Биологией” пришлось повозиться, там под её полным контролем были лишь охотничий отдел и секция крупных хищников. Но в целом и этот визит Лариса могла занести себе в плюс.

Труднее всего было с “Искусством”, единственное, чего удалось добиться, это раскола в коллективе, что, как известно, парализует его работу на внешних фронтах.

В “Музыку” даже не совалась. Нет, там было несколько её страстных соратников по Свиридову, но для большинства тамошних “манов” гениальный русский мелодист являлся пугалом. Ничего, увидев сплочённые ряды во-круг себя, запоем покорный “хепшибездей” нашему генералу.

На следующий день Лариса явилась на работу в отличном состоянии. Всё в этот день складывалось замечательно. Во-первых, у них сегодня впервые с Сашей не было утреннего секса, как у нормальных супругов. Жадный любовнический азарт, использование всякой более-менее подходящей возможности — всё это уходило в прошлое. Просто повалились в постели и позавтракали неторопливо и обстоятельно. Мамина кухонная выгучка работала на укрепление союза. Белугин был как всегда молчалив, даже зарылся на время глазами в газету. Лариса решила до осуществления “акции” не пресовать его по главному направлению: развод-женитьба. Не спрашивала даже, как он объясняет семье своё уже шестидневное отсутствие на территории законного брака. Не хочет говорить? Пусть. Слова в его жизни значат не так уж много. Добиваться будем дел. А после “акции” не делать их будет ему, ох, тяжеленько.

Так, между прочим, уже уходя, Лариса объявила Белугину, что “всё придумала”. “Что?”. Объяснила в двух словах и самых общих чертах. Улыбнулась, глядя, как генерал нервно запахивает халат. Пусть поразмышляет на досуге.

Но стоило ей сесть в рабочее кресло, как все тут же рванулись портить её настроение.

Первым оказался дядя Ли.

— Ты опять об этом? Ему же ещё почти полгода.

— Ты обчиталась. Уже бомбардируют повестками.

Как не вовремя!

— Дядя Ли, если бы ты знал, какой у меня сейчас замот по делам. Сотни людей зависят...

— Какие люди, Лара, это твой сын!

— Но армия тоже наша!

Он бросил трубку.

Тут же эта секретарша со своей улыбочкой.

— Лариса Николаевна, вас к Михаилу Михайловичу.

— Сейчас.

Набрала номер Гапы. Приятный офицерский голос поинтересовался, за-чем беспокоят товарища Агапееву. Везёт же людям, офицер в секретарях!

— Кто, кто? Я запишу ваш телефон, она с вами свяжется.

Испуганное личико Саши в дверях.

— Михаил Михайлович...

— Да иду я, иду!

Набрала номер старика.

— Дядя Ли, а может, Егор ХОЧЕТ служить в армии, я с ним прямо так вот не говорила на эту тему.

Бросил трубку. Нет, так это оставлять нельзя! Опять набрала его номер. Секретарша подняла брови и вышла.

— Слушай, что ты как я не знаю! Знаешь, что, пусть он сам меня попросит, он же не немой, просто молчаливый. Пусть соберётся на пару слов. Сам. Усёк? Придет сюда и скажет — мама, помоги! Помогу! Клянусь тебе — обязательно помогу!

— Да как ты не можешь понять, он не может, он...

— Всё! Это моё последнее слово!

Бросилась к двери, но телефон зазвонил вновь. Сейчас отбреем назойли-вого дедушку. Тоже мне отроки с тонкими душами, попросить мать просто по-людски, по-человечески для них это, видите ли, невозможная вещь!

— Послушай, дядя Ли... а-а, Гапочка, извини, перезвоню. Уедешь? Дело в том, что Егор получил повестку. Да, да, я вдруг надумала, что ему там не место. — У Ларисы сделалось каменное выражение лица. Она закрыла глаза, сдерживая гнев.

— Да, Гапочка, да, я столько талдычила, что долг настоящего мужчи-

ны — защищать родину. Именно так. Да, Егорка не настоящий мужчина, признаю. В чём тебе ещё признаться? Так и скажи, что не хочешь помочь. Ах, хочешь! Да, ты моя лучшая подруга, и ты хочешь помочь.

Ларисы слегка приоткрыла рот, можно было подумать, что она оскаливается.

— Ты всё-таки понимаешь, это дело святое, и ради меня ты готова, как лучшая подруга. Какой военкомат? Извини, пока не знаю. Но всё узнаю. И быстро. На днях. Завтра. Даже сегодня. Ну всё, ты уже бежишь? Перезвоню.

Когда она вошла в кабинет шефа, он стоял, отвернувшись к окну, засунув руки в карманы штанов. Выпяченные огромные губы было не видно, но Лариса была уверена — выпячены. Ой, как страшно!

— По вашему приказанию...

— Лариса Николаевна!!!

— Слушаю вас, Михаил Михайлович.

Он обернулся медленно, как будто был не морским пехотинцем, а целым десантным кораблём. Несколько секунд молчал, примериваясь к тону, в котором следовало бы провести беседу.

— Лариса Николаевна, никакой генеральской встречи в актовом зале нашего учреждения не будет!

Лариса почувствовала, что спорить бесполезно, решение принято, но не уступать же не дав вообще никакого боя.

— Что с вами, Михаил Михайлович?

— Что вы имеете в виду? — начал закипать шеф, несмотря на то, что дал себе слово провести данный разговор без всплеск и взрывов.

— Что с вами сделало время?

Ноздри большого ноздреватого носа затрепетали, всасывая дополнительный воздух. Шеф сделал два шага к столу, опёрся на него не как обычно — широкими ладонями, а костяшками огромных кулаков, костяшки сделались жёлтыми.

— Вместо придуманной вами встречи с генералом Белугиным состоится конференция солдатских матерей.

Лариса молчала. Дело, оказывается, даже хуже, чем ей вначале показалось.

— Разве вам это не интересно, вы же сама мать будущего солдата. И вам, наверно, самой захочется выступить на этом мероприятии.

Вот сволочь, со спокойной злостью подумала Лариса, как он хорошо подготовился к столкновению, как ни дёргай поводья — не объедешь.

— И вообще, Лариса Николаевна, зачем он нам нужен?

— Кто?

— Ну, этот ваш Белугин.

— Что вы хотите сказать?

— Да ничего особенного я не хочу сказать, успокойтесь. Я просто недоумеваю, каким образом в нашей лекторской работе может быть использован опыт данного интендантского чина. Он всего лишь военный завхоз!

Белугин не любил афишировать, чем именно он занимается на службе, но Лариса догадывалась, что не спутниковой разведкой, и в данном случае укол Михаила Михайловича пропал даром. Он ничуть не отравил образ бравого и таинственного генерала в её сердце. Наоборот, сам ехидный шеф сделался в её глазах ещё менее уважаемым и значительным, чем даже был до того. Одно только было непонятно — зачем ему именно сейчас заигрывать с либералами? Перезрелый пацифизм героя малоземельца? Одно было несомненно — шеф принял решение, окончательное, и никакими контратаками ничего не изменить.

— Какая жалкая попытка. Как измельчали ваши жесты, — сказала она почти про себя.

Шеф не всё понял, наклонился вперёд.

— Что-что?

— Не зря всё-таки Сталин разогнал вашу десантурскую банду после войны.

Развернулась и вышла. Даже не пытаюсь рассмотреть, какого именно цвета пятнами пойдёт физиономия Михаила Михайловича. Это был поворот очень старого разговора. Однажды шеф схлестнулся тут у себя в кабинете с известным военным историком по поводу некоторых фактов из истории морской пехоты. В том разговоре Лариса со всей яростью громила военного спеца, считавшего, что генералиссимус вполне обоснованно упразднил после войны этот “слишком преторианский” вид войск. Тогда Михаил Михайлович был ей благодарен, ибо выше всего на свете ценил факт своего участия в боевых подвигах морпехов. Юность, героизм, воспоминание об этом как глоток озона в трудный момент. Он даже терпел колкости того рода, что, мол, он, товарищ Александров, ныне уже не тот, что в те опалённые годы. Начинает сдавать. Где твоя бескозырка, моряк?

Но чтобы так, рубануть прямо по святому, по самой идее морской пехоты!

Но ей теперь было всё равно.

Она пересекла холл в полнейшем оцепенении. Что она скажет Белугину? Внутри крутилось сразу несколько стремительных мысленных кругов. Иногда они цеплялись друг за друга, высекая какие-то нервные искры. Она была в отчаянии и одновременно с этим твёрдо знала — вот-вот что-то придумается!

— Лар-рисочка. — Услышала она тихий, почти певучий баритон откуда-то слева. Невысокий, коротко стриженный человек в больших квадратных очках, на губах смутно знакомая улыбка.

— И ты меня тоже не узнаёшь. — Он вздохнул, и по вздоху она его узнала.

— Карапет!

Он снял очки и поклонился со всей своей прежней церемонностью.

— Пойдём в кабинет. — Это был не приступ гостеприимства, хотелось поскорее убраться подальше от внимательных глаз секретарши.

Уселись.

— Рассказывай.

— Что рассказывай, — он опять вздохнул, — сама ведь всё видишь.

И она увидела. На правой стороне головы у Карапета Карапетовича было большое, поросшее короткими волосами, как и весь остальной череп, углубление. На миг Лариса даже отвлеклась от сильнейшей внутренней судороги.

— Операция. Опухоль. Доброкачественная, — успокаивающе замахал руками Карапет. Он ещё рассказал, что написал книгу. Наверно о врачах, подумала Лариса.

— О докторе Гаазе, был такой ещё давно, тогда тюремный доктор.

— Как же, как же. А у нас какими судьбами?

Оказалось, ищет работу. Может быть, ему помогут в прежнем родном доме, потому что нигде больше не берут.

— Ты бы волосы отрастил подлиннее.

— Что?

— А знаешь что, пошли-ка со мной.

Через приоткрытую дверь было слышно, как Саша вбегает в кабинет к шефу и выбегает из него.

Лариса с покорно бредущим вслед Карапетом вышли в коридор, преследовали до лифта.

— Куда мы? — скромно спросил гость.

— Сейчас попадём в “Историю”, — применила Лариса старую-старую шутку, но Карапет не улыбнулся.

Ребров встретил их растерянно. Лариса была его начальницей, а вот её спутник ему сразу не понравился. Настроение его ещё больше ухудшилось, когда он узнал имя этого странного типа.

— Он уже работал у нас в отделе.

— Древнерусской истории, — услужливо сообщил Карапет.

— И теперь хочет обратно. Не обязательно на прежнюю должность.

— Хотя бы простым лектором, — опять улыбнулся Карапет. Лариса по-

думала, что вместе с опухолью у него удалили большую часть самоуверенности, а потом подумала, что нехорошо так думать.

Ребров кивал, кивал.

— А Михаил Михайлович в курсе?

— Если хочешь, спроси у него сам.

Ребров был в сильном затруднении. Он имел по закону полное право на независимую кадровую политику, но бывает ли она вообще где-то независимая политика?

— Карапет Карапетович, идите пока к Галке, попейте чаю, а мы поговорим о деталях.

Он встал, снял очки, посмотрел на благодетельницу долгим, проникновенным, спитакским взглядом. Она ему поощрительно улыбнулась.

— Лектором, Ребров, лектором, он тебя не разорит, тем более что у тебя есть вакансии.

— Вакансии есть, но — лектор без головы!

— Не говори глупостей, удачная трепанация черепа. Не бросать же хорошего человека на улице.

— Ну, я не знаю.

— Может, ты также не знаешь, как выйти на Останкино?

Ребров захолопал глазами, что за пируэт? Чего она явилась? Чего крутит? У него были выходы “на телевизор”, но “только трохи, и только для сэбе”.

— Не жидись, Ребров, не объём.

Он вздохнул.

— Давай, давай, а то я ведь злопамятная. Но ведь и благодарная, ты это знаешь.

Он стал осторожно выпрашивать — для чего ей “телевизор”? Какие именно люди нужны? когда? не скомпрометирует ли эта помощь его самого. Лариса, хоть и без предварительного обдумывания, отвечала очень здраво и собеседника не спугнула.

Ребров понимал, что один номерок он ей дать будет должен, никуда он не денется, но как тогда быть с большим армянином, он что, просто угроза? Типа, купи кирпич! Если приоткроет калитку в “Останкино”, оперированного лектора может отпихнуть? Спросить об этом прямо, конечно, нельзя. Цинизм какой-то. Хотя и очень хочется.

Засовывая бумажку с телефоном в карман брюк, Лариса улыбнулась сбитому с толку руководителю “Истории”.

— Я всегда знала, что ты очень хороший человек.

На лице Реброва появилась растерянная улыбка. Так отменяется армянин или нет?

Заглянув в машбюро, Лариса выпила чаю с Галкой, Тойво и Карапетом, совсем почти как в прежние времена. Сказала — вот да, всё вроде как в былые годы, только не слышно грохота “Ятраней”.

— Компьютеры, — сказал Карапет.

— И по коридорам бродят странные люди.

— Арендаторы, — опять сказал Карапет. Тойво ласково погладил его по той части головы, где у него не было выемки.

— Хороший человек ваш Ребров, он мне твёрдо пообещал, что Карапетика возьмёт на работу, — сказала Лариса.

35

Они сидели в кафе у подножия Останкинской башни. Свою атаку на телевидение Лариса начала с поездки в Малаховку. Она рассчитывала найти там своего старого знакомого Виктора Петровича в деревянной малаховской избе, а нашла черноволосую, неприветливую женщину в двухэтажном каменном тереме. Новая хозяйка с Ларисой говорить отказалась, и той пришлось применить телефон, вырванный у Реброва. После преодоления немалых недоумений ей удалось добиться пропуска в телецентр. Лариса очень смутно представляла себе, с чем ей там придётся столкнуться. Она не очень

надеялась на Виктора Петровича, но больше не на кого было надеяться. Лариса запретила себе задаваться вопросом — что там будет? Посмотрим, как пойдёт. Возможность поражения не признавала.

Репутация “ящика” среди её патриотических друзей была ужасающая — великий разлагатель души народа. “И словно в помойную яму в цветной телевизор глядит” — вспоминалась ей строчка когда-то знаменитого подпольного поэта. И, признаться, она сама держалась той же точки зрения. Но, с другой стороны, ведь тот же Виктор Петрович туда как-то ввинтился и лезит из “ящика” простой народ народными же средствами.

Цель у неё была такая: устроить во что бы то ни стало выступление Белугина по ТВ. По любому каналу, в любой программе, хотя бы в три минуты сюжетец. Это будет её приданое, и одновременно её взнос в банк общего великого дела по обновлению страны. Она понимала — если хочешь по-настоящему привязать к себе мужчину, недостаточно быть ему просто женой, желательно стать ещё и соратницей.

Времени было в обрез.

Во-первых: атмосфера в стране, отчётливый привкус назревающей политической грозы.

Во-вторых, и это даже главное: Белугин находится в опаснейшей стадии переползания из одной хаты в другую. Понятно, это непростое дело: детишки, сомнения, то, сё, и надо ему помочь. Надо сделать процесс необратимым. На запах большой карьерной пользы он поползёт резвее.

Заручившись заветным пропуском, она подготовила легенду для народного лекаря, с помощью которой его можно будет втянуть в более-менее продолжительную беседу. Там посмотрим.

И вот она за столом с человеком, который может ей помочь. И это не Виктор Петрович.

Плоскин, как это принято говорить, практически не изменился с тех пор, когда они виделись в норе Рыбокonia. Только одет был несравненно лучше, хотя и в те давние времена имел немалые вещевые возможности. От него прямо-таки разило респектабельностью: и парфюм, и часы, и очень дорогая улыбка. Он поймал взгляд Ларисы и охотно объяснил, где ему делали зубы, и сколько он за это заплатил. Плоскин сохранил и свою жизнерадостность, был доволен жизнью и не считал нужным это скрывать. Было в этом полнейшем отсутствии ханжества и жеманства даже что-то симпатичное. Или Ларисе хотелось это симпатичное в нем разглядеть, труднее просить о помощи отвратительного тебе человека.

Это он пригласил её сюда, наткнувшись буквально в вестибюле, она ещё даже не успела добраться до редакции Виктора Петровича. Буквально со второго предложения Лариса открыла ему цель приезда. Плоскин радостно выпучил глаза. И сказал только одно: “Не здесь!”

— Не нужно, чтобы нас видели вместе, — объяснил он, когда они уселись друг напротив друга.

— Ты стесняешься?

— Да нет, — поморщился он, — конкуренция. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал слишком рано о моих планах.

— А у тебя уже есть план?

Плоскин плотоядно захихикал.

— Ты ещё рта не успела раскрыть, а я уже всё придумал.

— Да, придумывать ты всегда умел. Как твои, кстати, идеи с переделкой классических киношных сюжетов?

— А-а, это, ну, у меня ещё сорок таких идей, и даже лучше. Но сейчас — не расплятысь! Сейчас у нас на повестке — генерал Белугин.

Лариса кивнула. Она тоже считала, что сейчас главное — Белугин.

Томная официантка поставила перед ними по стакану свежавыжатого сока и чашке кофе, Плоскин обмакнул губы в сок.

— Послезавтра у Киселёва.

Это настолько превосходило представления Ларисы об успехе, что она нахмурилась. Издевается.

— Только одно условие. — Плоскин сделался серьёзен.

Не издевается.

— Всё должно выглядеть так, будто Белугин позвонил прямо в студию, и его появление должно выглядеть как экспромт. Ты хочешь спросить, для чего это нам надо?

— Ну-у...

— Вот и не заморачивайся. Очень короткий, но очень плодотворный союз, вот наша цель. Если хочешь, я тебе даже немножко заплачу.

Ларису вполне устраивало то, что ей самой ничего не нужно платить, поэтому она гордо дёрнула щекой в знак отказа — не возьму ни копейки.

Плюскин явно обрадовался, Лариса это заметила и почувствовала себя немного увереннее, а то собеседник слишком уж превосходил её в этой истории, жадность его как-то очеловечивала.

Детали оговорили быстро. Сок был допит, кстати, замечательно вкусный. Официантка принесла счёт. Надо было как-то выходить из разговора.

— Послушай, а как там... ну, Руля, другие? Я ведь отошла как-то.

Плюскин был погружен в исследование предъявленных ему цифр.

— Рауль? Убили. Зарезал Абдулла.

Лариса решила помолчать, пусть объяснит, что имеется в виду. Он, наконец, разделавшись с финансовой стороной дела, вновь посмотрел на собеседницу.

— Что, не поняла? Рауль, ты помнишь, пошёл в бизнес, как и все, где-то там не рассчитал, не у того взял деньги, не тому отдал. И его в самом прямом смысле зарезал человек по имени Абдулла. Прямо, если хочешь, кино какое-то.

Лариса смотрела в свою пустую кофейную чашку, как будто что-то высматривая в разводах гущи. Получалось гадание наоборот, в прошлое. Вообще-то она считала, что вполне равнодушна к судьбе этого человека, однако же откуда эта растерянность, эта протрация?

— Послушай, а я тебя и не спросил, ты чего в Останкино притащилась? Я тебя не сорвал с важной встречи?

Услышав объяснение, Плюскин очень развеселился.

— А откуда ты его знаешь, дядю Витю?

— Ты что, забыл? Нас Питирим туда привёз со Сретенки. От Рыбы.

— А-а, вспоминаю, да. Люберецкие пещеры. Или Малаховские. Если бы мне тогда рассказали про его нынешние карьеры, я бы даже и смеяться не стал.

Лариса оторвалась от чашки.

— Да, расскажи, каким образом он тут? Менее телевизионного человека я себе не представляю.

— А всё просто, знаешь загадку: что такое еврейка? это не жена, а средство передвижения. Где-то он надыбал себе свою Фиру, впрочем, знаю где. Она пришла к нему лечиться, и он, как это ни удивительно, ей сильно помог. А у неё — связи. И сообразительный ум. Отмыла, постригла, показала кому надо. Натура, фактура. И вот тебе на — царит Виктор Петрович на медицинской волне. Хотя он отнюдь не держатель капитала.

Лариса задумчиво крутила стакан с салфетками.

— Да, забавно. Как судьба крутит-вертит людьми. Рулю зарезали. А помнишь, тогда с нами ещё были Питирим, Энгельс...

Плюскин прищурился, припоминая.

— Спились, небось, очень уж они всегда налегали.

— Да нет. Питирим, представляешь, в монастырь ушёл. Совсем. Даже родственникам не приехать.

— Ух ты!

— А Энгельс грибоварню открыл в Тверской области, экологически чистый теперь совсем. Звонил недавно, в гости зовёт.

Плюскин заметно посмотрел на часы, было понятно, что внезапно возникшую ностальгическую ноту он не подхватит. Лариса кивнула.

— Так мы договорились?

— Ещё как.

Белугин выслушал известие о возможности прорваться на голубой экран в лучшее время, в самую козырную информационную программу молча и ещё потом молчал какое-то время. Его можно было понять — слишком серьёзное дело. Спросил:

— Как тебе это удалось?

— Старые связи, — небрежно, но и многозначительно произнесла Лариса. Незачем нашему дорогому вояке знать, из какого сора растут розы таких достижений.

Белугин спросил:

— Когда?

— Послезавтра. Прямой эфир. Послушай, ты так молчишь, как будто сомневаешься, что это правда.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Белугин, чуть обнажив зубы, и Лариса в очередной раз подумала, что в этой улыбке есть что-то вдохновляюще хищное. А то в стране засилье травоядных мужиков.

Но тут её кольнула одна мысль:

— Стой, а может, ты не хочешь?

Генерал медленно повернулся к ней, ни один мускул на его лице не дрогнул, взгляд был спокойный до почти неприятной степени. Вылитый римлянин перед Рубиконом.

— Я выступлю.

36

Штабом проведения операции назначен был кабинет Ларисы. Это было удобно во всех отношениях. От здания ЦБПЗ до телецентра можно было за пятнадцать минут дойти пешком. Ну, максимум за двадцать. В кабинете был телефон, чтобы позвонить в киселёвскую программу (заветный номерок Лариса держала в нагрудном кармашке у сердца), в кабинете был телевизор, по которому можно будет увидеть и услышать историческое выступление Белугина. В тот же самый кабинет можно будет назвать народу, всех тех, кому будет интересно и полезно послушать генерала. Кроме того, Лариса обязана была находиться в этот день на рабочем месте, потому что именно на этот день Михаил Михайлович назначил свою дебильную конференцию.

Белугин явился с Агапеевой. Куда же от неё денешься! Но ещё до их приезда Лариса провела один неприятный, а главное, очень странный разговор с Лионом Ивановичем. Вернее, с его квартирой. После последнего свидания со стариком прошёл целый месяц — да нет, полтора уже. За делами и тревогами дни летят быстро, а сынок так и не явился с личной просьбой. Лариса решила махнуть рукой на дурацкую свою гордость. Мать я, в конце концов, или не мать?! Два года в казарме слишком тяжкое наказание за глупую мальчишескую гордыню.

Трубку сняла какая-то дева с расслабленным, замедленным голосом.

— Где Егор?

Голос туповато задумался.

— Ладно, где Лион Иванович?

Дева поведала: была “скорая”, старику сделали укол, он сейчас спит.

— Ладно, будить не надо. Кстати, а вы кто такая?

На том конце провода мялись. Какая отвратительно размазанная интонация!

— Ладно, и так всё понятно.

Лариса бросила трубку и хмыкнула. Вот старый чертяка, он всё тот же. Лариса вспомнила, как он рассказывал историю про своего друга, старика-любовника, знаменитого сценариста, который, уже лежа в предсмертной позе, просил навещающих его поэтесс сесть на краешек кровати и норовил уже высохшей лапкой цапнуть за колено. Так вот я, говорил Лион Иванович, и в таком состоянии не ограничусь коленом, учтите. Доигрался.

Лариса решила, что сразу после передачи сгоняет к старику. Обязательно!

Солдатские матери стали собираться к концу рабочего дня, они бродили по “направлениям”, их знакомили с работой ЦБПЗ, они высказывали свои чудовищные по своей нелепости пожелания в рассуждении улучшения этой работы. Ощущение ненужного, нелепого, но неотвратимого праздника охватило здание. Лидеры движения клубились в предбаннике и кабинете Михаила Михайловича. Старик — Лариса несколько раз заглядывала к нему — был и польщён таким женским напором, и подавлен. Было видно, что ему нравится его новая либеральная роль, но бросалось в глаза, что он смущён масштабом и интенсивностью события.

Камеры с двух телеканалов, деловитые пареньки в джинсах, провода по полу, жаркие осветительные устройства.

Увидев телевизионщиков, Лариса усмехнулась и едва удержалась от совета обратить сегодня внимание на одну аналитическую вечернюю программу. Вот там будет картинка так картинка.

С решительными деловитыми мамами она была холодно приветлива, Михаил Михайлович и за это был ей благодарен. Эта конференция сама по себе была почти политическим скандалом, он знал, что её очень по-разному оценивают в верхах, так зачем ему всякие местные водовороты. Увидев Белугина в форме, бывший морпех схватился за сердце. Вообразил, что Лариса лишь притворялась лояльной. Потребовал заместительницу к себе. Бледная Саша сообщила об этом. Лариса улыбнулась ей.

— Конечно. Но учтите, Саша, сколько бы у вас там ни собралось тёток, моим гостям тоже нужен кофе.

Михаил Михайлович встретил её в предбаннике и повлёк за локоть куда-то в сторону и там зашипел своими огромными губами, что “никаких военных”, что генерал не будет выступать.

— Будет, — улыбнулась Лариса, любуясь тем, как отваливается челюсть у начальника. — Но не здесь.

— Что значит...

— Я имею в виду, что он не будет выступать у вас. Это частный визит. Если, пардон, не хотите, я тоже могу не участвовать.

Шеф охотно бы принял этот самоотвод, но он помнил, что сам приказывал — быть готовой. Надо быть последовательным. И потом, она подумает, что он её боится.

— Нет. Вы должны выступить обязательно. Вы мой зам.

— Хорошо.

Агапеева уже разбавляла кофе коньяком. Белугин пил чай.

— Лара, так где же твой Егорка? Призыв заканчивается.

— Да, Гапа, да, только разгрёбуть тут с делами. Меня, признаться, сейчас больше старший волнует, чем малый.

И она рассказала историю про дядю Ли. Агапеева очень смеялась. Белугин смотрел в уже потемневшее окно. От горячего дыхания на стекле появлялись кратковременные белёсые следы.

Отсмеявшись, Гапа ещё раз напомнила, что если мальчик не хочет в армию, то пусть уж проявит чуть рвения. Времена переменчивые, кто знает, где мы будем через полгода.

— Спасибо, Гапочка.

— Пора, — сказал Белугин.

Лариса набрала полученный от Плоскина номер и передала трубку генералу.

— Да, это я, — сказал он в неё. Потом несколько раз кивнул, запоминая указания. — Буду через полчаса. Да.

Лариса проводила его до первого этажа, перекрестила.

— Я не верующий.

— Бог всё равно на нашей стороне.

По пути на десятый этаж к телевизору заглянула на двадцатый, там как раз начиналось. Что-то противоестественное было в облике этого собрания. Одни женщины. Мужчины присутствовали только в виде обслуживающего персонала — стояли за телекамерами.

Впрочем, в президиуме высилась одна чёрная фигура — шеф. Он стоял в позе человека, складывающего свои гендерные полномочия. Мы, белые мужчины, видите ли, не справились со сложностями этого мира, теперь давайте вы, братья наши женщины. И вообще, мне, мол, нравится новый лозунг настоящего дня: “Все люди — сестры!”. Речь по своей возвышенной сбивчивости соответствовала импозантно-покорному облику. Соседки по президиуму кивали с видом скорбного самодовольства. Лариса сплюнула и поехала вниз.

Достала из сейфа две бутылки коньяка и тарелки с уже нарезанным сыром и колбасой. Две банки маслин. Подтащила к себе телефон. По внутреннему вызвала “Историю”. Прокопенко получил приказ подниматься на десятый этаж, “со всеми, кто там есть”. Народу после окончания рабочего дня оказалось на местах немало. И Волчок, и Бабич с каким-то очень толстым парнем, и Милован даже, и Карапет.

Что за событие, интересовались сотрудники. Лариса загадочно отвечала, что скоро всё поймёте. Милован церемонно целовал руку Гапе, был очень благодарен за отмазанного от армии сына.

Две бутылки кончились мгновенно. Лариса достала кошелек, толстяк согласился сбежать за добавкой.

— Кто это? — спросила Лариса Бабича, когда он со всей своей шестипудовой грациозностью выпорхнул за дверь. Бабич оскорблённо удивился.

— Ты что, не узнала? Это же брат. — И напомнил о давнишней поездке в подмосковную часть.

— Так это он? Что с ним?

— Его тогда перевели в хлеборезы. А там же не только хлеб. И сахар, и масло. Набрал вес. Ожирение.

— Вот, — сказала Агапеева, — нельзя детей в армию посылать, они там пухнут не от голода.

— Гапа! — недовольно поморщилась Лариса. Ей этот разговор был неприятен.

— Я знаю, ты любишь военные марши.

— Гапа! — Теперь голос был тише, но сотрудницу минобороны проняло, несмотря на весь коньяк. Она перестала шутить в сторону хозяйки кабинета.

— А у нас в деревне парень, что не служил, и жинку себе бы не нашёл, — сказал Прокопенко. Он знал, что Милована это высказывание заденет не очень, зато понравится Ларисе. Но оно не понравилось. Ей вообще было почему-то противно распознание этой темы. Слишком много её. И ошалевшие от своего пацифизма военмамы на двадцатом этаже, и жирный крестник, умчавшийся в магазин, и белый билет сына. Как-то всё это не увязывалось во что-то единое, здоровое. Но дождёмся выступления генерала, и будет вам идейный камертон, и весь этот хихикающий хаос сразу притихнет.

Заглянула Саша и сказала, что шеф напоминает Ларисе Николаевне о её выступлении.

Прибежал хлеборез.

Бабич включил телевизор по приказу хозяйки кабинета.

— Он не хочет, чтобы я выступала, — сказала Лариса презрительно. Почему ты так думаешь, поинтересовалось сразу несколько гостей.

— Знаю. Несчастный вывернутый человек, всё делает назло себе. Я ему давно поперёк горла, и именно поэтому он меня никогда не выгонит. Да и побоится. Не знаю почему, но многие из фронтовиков оказались такими трусами в мирной жизни. Видимо, под пулями проще, чем сказать что-то человеку в глаза.

— Не знаю, не была под пулями. Под офицерами была, а вот под пулями... Спасибо, Милок.

Милован как раз повернулся к ней со сложно построенным бутербродом. Обычно благосклонная к фривольностям и флирту, Лариса почти вспыхнула при виде этого акта невинного ухаждёрства. Она внутренне одёргивала себя — ничего-ничего, уже скоро, уже совсем скоро. Всё станет на свои места!

— Хватит вам!

— Не поняла, — сказала Гапа.

На экране рядом с привычно озабоченным Евгением Киселёвым появился генерал Белугин. Все, даже ироничный Милован, повернулись к “ящику”.

Киселёв в своей замедленной, преувеличенно серьёзной манере обрисовывал обстоятельства данного внезапного визита. Поползли, мол, где-то слухи, что готовится чуть ли не самая настоящая вооружённая акция против лиц и установлений действующего режима, и некоторые горячие головы готовы бросить обвинение конкретным людям и организациям. И вот сейчас у нас в студии генерал Белугин, не понаслышке знающий положение дел в определённой среде, в военном сообществе, скажет, насколько эти слухи обоснованы.

Лариса вся подобралась, внутри у неё вспыхнул бесшумный пламень, глаза, и не только глаза излучали свет победоносной уверенности. На неё было смотреть намного интереснее, чем на экран. Там лишённый фуражки Белугин медленно, ещё медленнее Киселёва, произнося слова, уверял, что существующие, да, существующие, организации патриотического офицерства ни в коем случае не помышляют об актах прямого насилия и вообще какого бы то ни было нарушения закона. Только сумасшедшие и провокаторы могут возводить на здоровые силы, связанные с министерством обороны и службой безопасности, такие обвинения.

Она не знала, какой задумывалась эта речь, генерал, как известно, являлся человеком слишком в себе, но Лариса чувствовала, что звучат не совсем те слова, не те формулировки, которых ей хотелось бы ожидать.

Самое первое впечатление — Белугин не убедителен. Нет, он играет выправкой и римскими морщинами, он не суетится словесно и улыбается скорее снисходительно, чем заискивающе. Но что он несёт?

То есть как, никаких актов сопротивления?

То есть как, абсолютное подчинение закону и режиму? Это какому режиму? Это какому закону? Грабительскому закону и предательскому режиму?!

Киселёв удовлетворенно кивал.

— Так, значит, вы можете сейчас официально утверждать, что все эти силы, о которых шла речь, лояльны власти?

Белугин посмотрел в камеру, едва заметно дёрнул щекой и чуть кивнул.

— Лояльны.

Все собравшиеся повернулись к Ларисе. Никто не был до такой уж степени в курсе внутренних механизмов этой ситуации, и никакой немой сцены быть не могло. Однако какие-то недоумения образовались. Зачем мы были позваны? Только ради выпивки и генеральского бенефиса? Лариса сидела молча и тихо гадала. И чувствовала себя мгновенно замурованной в огромной глыбе несчастья и стыда. Так продолжалось несколько очень длинных секунд. И главное, не было понятно — как это прекратить? Всяческие словесные объяснения были невозможны, унизиться до этого она не могла. Но и другого выхода из этого немого кошмара не было.

Помощь поступила из неожиданного и, в общем-то, отвратительного источника. В кабинет заглянула искажённая страхом быть обрутанной Саша и сообщила, что Михаил Михайлович снова напоминает: надо бы выступить, Лариса Николаевна, “если хотите”.

Это был выход в прямом смысле слова.

Лариса резко встала и пошла вон из кабинета. Какое облегчение — не объяснять ничего! Гапа кинулась за ней. Она единственная знала всю подоплёку ситуации, её жгло любопытство — что теперь будет делать подружка, после того как из-под неё настолько выбили табуретку. Вид агонии — самое знобящее зрелище. Гапа даже отказалась от обещающего флирта с Милованом. Сам он от него отказываться не стал и потянулся вслед за армейской красоткой. Это уже напоминало начало культпохода. Прокопенко, Бабич, Волчок также стали подниматься. Только хлебобрез остался. Его проблемы военных матерей совершенно не интересовали.

Лариса вошла в президиум, когда на трибуне разливалась крупная тётка с халой, чудовищным крашеным ртом и опухшими глазами от непрерыв-

ного горевания над проблемой: мальчик в армии. Она рассказывала историю, принципиально не связанную с её ребенком, всё-таки спасённым её усилиями от кошмара военных действий под Аргуном. Она уничтожала какого-то подполковника, сбывавшего не только солдату боевикам, но и заставлявшего доставлять её вражеским покупателям не кого-нибудь, а своих бойцов. Что кончилось плохо. Из очередного выезда с товаром пара солдатиков не вернулась.

Зал не гудел от возмущения, такие истории не были тут ни для кого новостью или открытием. Он стал многочисленно ворочаться, когда речь пошла о поведении центральных ведомств, к которым выступавшая обратилась с сообщением о преступном подполковнике. Её отпихивали все, кто только мог. Ей говорили — чего вы лезете! Ваш-то сын цел и почти невредим. Вам что, больше всех надо?

— Может быть, мне надо не больше всех, но мне надо много! Мне надо, чтобы моя родина не использовала своих детей как пушечный фарш, чтобы она не торговала ими как рабами. И чтобы она не защищала преступников, которые питаются жизнями и здоровьем наших детей!

Лариса подняла голову и покосилась в сторону говорившей. Она собиралась отсидеться в недрах президиума и уже сделала знак Михаилу Михайловичу, чтобы он пока её не выкликал в ораторы. Ей надо было как-то примкнуться к обрушившемуся горю. А ведь это именно горе. Она потеряла не только соратника и идейную перспективу. Она потеряла мужчину, ибо как же входить в брак с человеком, который оказался тряпкой и предателем. Он явится, скоро явится сюда, и даже если бросится в ноги... Нет, он притащится прямо в кровать, он, как и все мужички, уверен, что, спав тётку за задницу, он всегда повернёт её туда, куда ему надо. Тыловая крыса! А как многозначительно вёл себя, какие молчаливые намёки производил, ведь за спиной его многозначительного генеральского молчания мерещилась такая машина... Эта гора не родила даже мышь!

И вот, сидя на дне этого отчаянного колодца, она услышала про преступного подполковника.

— Честь мундира, пресловутая честь мундира. Они защищали его не потому, что им было лень или страшно взяться за него, они, эти московские паркетные полководцы, защищали его потому, что они сами точно такие же по сути. Окажись на месте этого подполковника, они тоже повели бы себя как рабовладельцы. Они защищали себя, своё право пожирать молодые мальчишеские жизни только потому, что за мальчишек некому заступиться. И я прихожу к выводу, что нет ничего на свете более грязного, чем пресловутая “честь мундира”. Мундир этот смертельно перепачкан в грязи и в крови. А мы, матери наших сыновей, сделаем всё, чтобы их миновала и эта кровь, и эта грязь!

Не говоря ни слова, не делая никаких знаков шефу, Лариса встала и пошла к трибуне, с которой под треск аплодисментов и блеск фотовспышек убывала ораторша. Шеф раздражённо жевал выдающимися губами. Никак она не может без своих выходов!

Лариса осмотрела зал, отсюда с трибуны он казался ей ещё более враждебным, чем из президиума. Она грустно улыбнулась, не зная, что улыбается, и представилась. Потом начала:

— Я дочь офицера.

В задних рядах вспорхнул смешок. Гапа? Подруга сховалась за впереди сидящую спину, но была безжалостно идентифицирована подругой. А ведь мама была права, не любит она меня, мелькнула мысль.

— И всегда гордилась этим. Мой отец всего лишь капитан, но даже если бы он был подполковником, он не стал бы, я в этом уверена, делать того, о чём здесь рассказывалось. Этот рассказ... — она сделала паузу, давая время залу окончательно сконцентрироваться на своей фигуре. Их дежурный, катящийся по раз и навсегда проложенным рельсам, митинг сейчас пойдёт под откос. — Этот рассказ вызвал у меня отвращение. И не фигурой подполковника, хотя она, конечно, отвратительна. У меня вызвало отвращение ваше единодушное, примитивно бабье, духовно убогое отношение к воинству своей страны. Я не буду вам повторять общеизвестное: не хочешь

кормить свою армию, будешь кормить чужую, ибо совсем не в жратве здесь дело. Хотя лучше, разумеется, чтобы солдат был сыт. Это понимали матери Великой Отечественной, которые своим недоеданием, своими голодными обмороками спасали воюющего мужчину. Женщина-мать — это часть народа, священная и нежнейшая, но не весь смысл народа в ней. Ей дано великое право, иногда перемешанное с огромным горем — отдать своего мальчика, своего ребёнка Родине. Родина тоже баба, и чтобы самой не орудовать, она назначает для кровавых военных дел государя, или государство.

Сидящие в зале начали потихоньку гудеть и переглядываться. Михаил Михайлович обхватил голову руками и выдохнул так, что зашевелились листки на столе перед ним.

— Мир не ограничивается вашей юбкой, под которой вы хотели бы сбегать ребёнка. Да, в реальной армии, тем более в воюющей армии до черта всякой мерзости и преступлений. Но война сейчас единственный способ сохраниться нам как стране.

— Хватит! — взвизгнула дама в восьмом ряду. — Хватит этой демагогии.

— В армии, тем более в воюющей армии полно сволочей, но то, что делаете вы, ещё грязнее и подлее, чем то, что там порой бывает. Вы сейчас отвратительны и вредны не только с точки зрения московских генералов, я знаю эту подлую породу не хуже вас. — Лариса увидела, как Гапа закрывает рот ладонями, чтобы не рассмеяться. — Вы, разваливая армию и страну, вы, потерявшие детей, вы теперь окончательно убиваете их. Сейчас они лежат в могилах, как герои своей родины, а вы хотите низвести их до состояния бессмысленно погребенного, проклятого праха.

— Да прекратится это когда-нибудь!

— Она что, с ума сошла!

— Да ну её, дура какая-то истеричная!

В восьмом ряду поднялась маленькая белокурая женщина с короткой, мальчишеской стрижкой и заплаканными глазами, но заговорила почти спокойно.

— Скажите, мадам, а у вас есть дети?

Зал резко стих.

— У меня есть сын.

— Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

По залу пронёсся свист нехорошего предвкушения — ну-ка, ну-ка!

— Он, конечно, учится в институте?

— Нет.

— Он освобождён от службы в вооружённых силах по состоянию здоровья?

Лариса помедлила немного и сказала медленно, глядя прямо в глаза следовательнице из зала:

— Нет.

— Может быть, ваш сын находится в армии?

— Мой сын не просто находится в армии, он находится в зоне боевых действий.

Из зала раздались голоса сразу нескольких следовательниц, пытавшихся уличить её. Они утверждали, что восемнадцатилетнего новобранца нельзя отправлять воевать, поэтому выступающая лжёт. Другие кричали, что если дело обстоит так, как она рассказала, то они ей помогут “вытащить мальчика” из мясорубки, в которую его незаконно запихнули. В общем, желающие уличить Ларису столкнулись с желающими уесть Минобороны. Лариса отошла от трибуны и, не занимая места в президиуме, вышла из зала.

Подруга рванула за ней с недоумённым лицом. В лифте они оказались вдвоём, дав закрыться механическим дверям перед физиономиями подбегающих Прокопенки и Бабича.

Лариса внимательно смотрела на Агапееву, та изо всех сил делала вид, что всё в порядке. Её очень раздражало то, что она не замечала в подруге никаких следов переживаемого позора. Попасть в такую гадскую кашу там,

на трибуне, и при этом смотреть с таким повелительным превосходством. Вот, блин, натура! Другая бы прятала глаза и унизительно оправдывалась за беспредельное своё вранье. А эта... Этого терпеть было нельзя, надо было гордую девушку как-то срезать. У госпожи Агапеевой имелась в заглазнике одна очень острая бритва, но сейчас было как-то не с руки её выхватывать, надо сначала подвести разговор к нужному месту. И она решила начать с мелкой пакости.

— Так я не поняла, как мне быть с Егором, он не идёт служить, или теперь уже идёт?

Лариса не ответила на этот вопрос и даже не расценила его как враждебный. Она была собрана и нацелена по другому поводу. Она была убеждена, что Белугин уже на месте. Не стал ждать ночного домашнего объяснения. От Останкино ходьбы до ЦБПЗ всего двадцать минут. Сидит, небось, напивается в предвкушении разбора телевизионных полётов. В голове у Ларисы была уже совершенно готова схема словесного его уничтожения. Начать надо будет с того, сколько она должна товарищу генерал-прорабу за косметический ремонт в их однокомнатном гнёздышке? Ведь не на содержании же она у него была!

Пересекла предбанник решительным шагом и резко открыла дверь. В кабинете был один младший Бабич, он сидел в кресле хозяйки со стаканом в одной руке и толстым бутербродом в другой и, кажется, вполне наслаждался жизнью. Увидав Ларису, стал бормотать извинения переполненным ртом. Гапа из-за спины подруги указала ему на дверь, ей он тоже мешал. Лариса подошла к окну, к тому месту, на которое давеча дышал своим предательством Белугин, готовясь к историческому броску в прямой эфир.

— Так я не поняла, мне насчёт Егора... — начала было Гапа, но сразу почувствовала, что это не тот разговор, и запнулась.

— Ну, что ты мне хочешь о нём рассказать? Я же вижу, ты всё знаешь. Гапа села, налила себе выпить.

— Что я хочу рассказать? — Выпила. — Что люди не меняются. Лет двенадцать назад, Ларочка, я была в таком же положении, как ты теперь. Нет, хуже. Я была с брюхом, и Белугин от меня сбежал к своей мегерке. Теперь у меня растёт дочь, как две капли воды...

— Так вот почему ты всё время терлась рядышком.

— Да, он по-прежнему для меня... хотя я понимаю, что он полное чмо. Но у нас империя зла, полюбишь и козла. Так тогда говорили. Хотелось хоть как-нибудь участвовать в его жизни.

Лариса села в своё кресло.

— Ты не всё мне рассказала.

Гапа снова налила себе и выпила залпом, закусила особо кислой долькой лимона.

— Да что тут ещё рассказывать. Был момент, когда я испугалась, что ты его всё-таки переделала, я имею в виду тот случай с Чапаевым. Ради меня он таким творчеством не занимался.

Лариса продолжала смотреть на неё проникающим взглядом.

Гапа опять потянулась к бутылке. Подняла и вдруг со стуком поставила её на стол.

— Он сюда не придёт. Сегодня уедет. С семейством, на юг.

Она подняла взгляд на часы, висевшие на стене.

— Поезд минут через тридцать. Курский вокзал. Симферополь. Я видела конверт с билетами в предбаннике в министерстве, когда курьер принёс.

Лариса резко встала, рванулась к шкафу, выдернула из него пальто и сумку. Проверила, паспорт был на месте. Быстро сбросила туфли, двумя снайперски точными движениями вставила ноги в свои полусапожки.

— Давай деньги!

Гапа с облегчением выпотрошила кошелёк на стол перед нею.

— Проследи, чтобы тут убрали и закрой дверь.

— Ларочка извини, ну, сука, я сука, сама знаю!

Когда Лариса выбежала, госпожа Агапеева села и тихо, тоскливо заплакала.

Когда местные мужики ввалились в кабинет и полезли за объяснениями, что да почему, и правда ли, что... Гапа, промакивая безнадежно поплывшие глаза, прошипела:

— Пошли вы все вон, козлы!

37

Улица Огинского была отделена от реки влажной асфальтовой набережной. Лариса шла медленно, поглядывая по сторонам. Слева — одноэтажные деревянные домики за серым штакетником, мокрые крыши, остовы парников, как скелеты динозавров, маленькие окна, до половины затянутые блёклыми занавесками. Перевернутые лодки почти в каждом дворе. Справа — Щара, покрытая рваными клоками тумана, с наклонно торчащими в сторону воды вёслами. Над всем этим провинциальное белорусское, но без единого аиста небо. Одно лишь создавало эмоциональную интригу — полнейшее отсутствие людей, а ведь три часа дня. Хоть бы собака пробежала. Тонко, сладко и всё время щемит сердце. Огинский, где твой полонез?

Стоило ей только остановиться, как из туманной толщи, почти прилипшей к воде, с беззвучной и крылатой лихостью вылетела байдарка-двойка и пронеслась мимо, мощно и цепко хватая четырьмя лопастями ласково поблёскивающую воду.

Надуманное очарование рухнуло. Город Слоним не погиб в дальних закоулках её столичной памяти, он деловито позиционировал себя как центр гребного спорта.

До бабушкиной калитки было два шага. У неё во дворе не было перевернутой лодки и парникового скелета. Что и понятно, Виктория Владимировна уже более года как не вставала с постели. Нанятая на Ларисины деньги женщина ходила за ней, и, кажется, как следует, отметила про себя внука, пройдя через чистые сенцы, оглядев пребывающую в полной аккуратности кухню.

Виктория Владимировна лежала в комнате с закрытыми шторами, на широкой кровати с никелированными спинками. Рядом с кроватью небольшой круглый стол с толпой пузырьков и медицинских коробок. Старуха лежала величественно, на двух огромных свежих подушках, хорошо причёсанная, и в комнате не было того жирно-карамельного духа, что поселяется в жилищах даже здоровых стариков.

Увидев внучку, Виктория Владимировна улыбнулась сухими губами, при этом выражение глубоко запавших чёрных глаз было неразличимо, отчего общее впечатление было приветливо зловещим.

Лариса расцеловала бабулю, села у кровати. Последовали обычные вопросы: как себя чувствуешь? и т. д.

— У меня ничего не болит, — сказала Виктория Владимировна. — Ты бы поела, Стася драники сделала.

Лариса подчинилась, пошла на кухню, взяла из зелёного эмалированного ведра солёный огурец и вернулась к кровати.

— Ты надолго?

— Это неважно. В том смысле, что уже неважно.

— Не понимаю.

— А что тут понимать. Тебе ведь тут скучно. Одной.

Виктория Владимировна ответила не сразу.

— Мне не бывает скучно, мне бывает тоскливо.

— Вот видишь.

— Ко мне никто не приходит.

Разговор был прерван появлением Стаси. Она жила через два дома, домохозяйничала при муже шофёре. Крупная, говорливая, добродушная, чистоплотная тётка. Она заставила гостью поесть как следует, с разогретым супом, драниками на сале, растворимым кофе. Ларисе очень хотелось послать её как-нибудь вежливым образом, но было понятно, что это невозможно. Пока внучка ела, Стася длинно и подробно отчитывалась о бабушкиных денеж-

ных делах. Плата за свет, за то, за сё, денежки с почты, пенсия. Оказалось, что беглый офицер Стебельков, узнав о состоянии своей бывшей, разразился небольшим пенсионом.

— Какой молодец, небось от детей отрывает.

— Да, — Стася не считала нужным понимать какую бы то ни было иронию, — у няго тры хлопца.

А служил он теперь под Минском.

Раньше раз в месяц приходил перевод из Москвы, теперь десятого, как обычно, его не было. Дядя Ли, догадалась внучка. Что-то с ним случилось. Совсем забросила старичка. Нехорошо.

Доктор ходит и говорит, что всё стабильно. Стася зажгла настольную лампу, включила телевизор и, наконец, убыла, пообещав ещё заглянуть.

— Выключи, — попросила Виктория Владимировна. Лариса поняла, что ни лампы, ни телевизора не надо.

— Я всегда её прошу не включать, а она всегда забывает, — вздохнула бабушка и добавила: — Она хорошая.

Лариса снова села у ложа.

— Ко мне никто не ходит, потому что никто не любит.

— Ну что ты глупости говоришь, вон, даже деньги шлют.

— Мужчины рано умирают, а подруг у меня никогда не было.

— Вот! В самую точку.

— В какую точку?

— Сейчас объясню. Со мной, понимаешь, кое-что произошло. Никогда бы не подумала, что со мной такое вообще возможно.

— Влюбилась?

Лариса хрипло засмеялась и сразу же закашлялась.

— Ну, ты скажешь. Стала бы я с такой новостью сюда мчаться.

— Любовь единственная новость, которая всегда нова.

— Ты знаешь, я Пастернака-то не очень...

— При чём здесь Пастернак, это я так думаю.

Допив остатки Стасино кофе, внучка продолжила.

— Семья, вот что главное. Родственники, близкие, дом, большой дом, где всем будет хорошо и спокойно. Где не надо будет думать, придёт кто-то чужой тебя навестить или не придёт. Вот, созрела, и учителя были хорошие. Мне это один генерал объяснил.

— Какой генерал?

— Да уже никакой. Был, да сплыл на юг с семейством. Удрал. Даже в глаза не смогла посмотреть. Думала, сдохну прямо там, на вокзале, когда его поезд... Ничего, однако. Переехала на другой вокзал — и к тебе. Поживу у тебя недельку-две. Соберёмся — и в Путовичино. Вторую половину дома там я куплю.

Виктория Владимировна закрыла глаза.

— Ерунда всё это, дочка.

Ларисе очень нравилось, когда бабушка её так называла. Она чувствовала себя частично именно дочерью это мощной старухи.

— Не бойся, не бойся, с Ниной Семёновной я договорюсь. Куда она денется. Сначала она покочевряжится, но против главной мысли куда же ей спорить. Семья это семья. Как мне прикажете быть? Я и её люблю, и тебя. Ну, была у вас глупость с отцом, но ведь уже тридцать лет прошло, тридцать почти! Все мы другие стали, больные, несчастные. И, если вдуматься, а я вдумывалась, почему это только ты виновата? А товарищ капитан чистенький? Почему это? Почему с него спросу нет никакого? Напрыгнул на тещу и в кусты!

— Ладно тебе, — строго сказала Виктория Владимировна.

Лариса тонкими пальцами тёрла давным-давно раненную щеку.

— Ты знаешь, в тот день, ну, когда у вас был скандал, когда мама вас застала, помнишь, конечно, у меня ведь тоже было, так сказать, приключение.

— Что? — не поняла Виктория Владимировна, и её не сразу удалось вернуть в тот замечательный майский день. Лариса во всех красках распи-

сала историю с человеком в олимпийской рубашке, заманившим беззаботную третьеклассницу в холодную кочегарку.

— Вот когда он стал уже там что-то расстёгивать, я стояла и молчала, мне было просто интересно, а потом даже засмеялась, вот думаю, дурак! А с ним внезапно — приступ! Он вдруг разрыдался, стал хвататься за стену, кулаками в неё бить, что-то кричал, какие-то слова то понятные, то непонятные, толкнул дверь и убежал. Никогда его больше не видела, хотя городок маленький. И тогда ничего не поняла, само собой. Кинулась к вам, а вам не до меня. Потом уж стала соображать, что к чему. И к мужчинам у меня с тех пор отношение, как бы это сказать, презрительное, что ли. Дрянь бесхребетная. Даже совратить толком не могут.

— А почему ты ничего мне не рассказала?

— Я же говорю — хотела, только всем было не до меня в тот момент. А потом как-то заигралось, пару раз вертелось уже на языке, но всё трудней и трудней было заговорить об этом. А потом мы в Гродно уехали, и всё осталось как бы в другой жизни.

Виктория Владимировна вздохнула, закрыла глаза.

— Я никуда не поеду.

— Не говори глупостей, я уже всё продумала: до вокзала на “скорой”, дальше “эсвэ”, я буду при тебе, дальше опять “скорая”. Госпиталь даёт.

— Послушай, дочка, — Виктория Владимировна пошевелилась всем своим большим телом. — Извини, я буду говорить с пафосом.

— Говори с чем хочешь.

— Понимаешь, я прожила жизнь по определённым правилам, хотя со стороны казалось, что, наоборот, только и делала, что правила нарушала, разрушала семьи, кого-то уводила. Ну, что теперь об этом. Но всегда я заботилась об одном, о главном — никому не навязываться, не быть в тягость. Это единственное, что для меня непереносимо. Так вот, я знаю, что Нина ничего не забыла и ничего не простила.

— Я понимаю.

— Ну, раз понимаешь, значит, понимаешь.

Лариса встала, сходила на кухню, развела себе ещё растворимого кофе. Села молча рядом с кроватью Виктории Владимировны. Было очень тихо. Тишина в комнате была прямой родственницей той, что стояла снаружи. Пробежавший по улице мальчишка её не нарушил. Проехавший “запорожец” тоже.

— Ты что, плачешь, дочка?

Виктория Владимировна медленно перекатила по подушке свою большую голову с немигающими глазами.

Лариса сидела на стуле, неестественно выпрямив спину, выставив перед собой дымящуюся чашку, на её щеках поблёскивали длинные мокрые полосы. И ни единого звука.

— Да что с тобой?

Внучка кончиком языка стащила с верхней губы большую слёзную каплю. — Ты понимаешь, я всю жизнь как побитая собака. Собака, которую гонят со двора.

— Что?

— Тыкаюсь им в ноги, тыкаюсь, а они всё куда-то в сторону от меня, как будто я заразная. Мужуку достаточно словечко ласковое сказать, и я на всё готова. Я их всех вижу насквозь со всеми потрохами, но не могу я быть одна. Надо, чтобы хоть какой-то рядом торчал, хотя бы как шкаф в углу, пусть обшарпанный, кривой, но свой, без этого я как будто голая или больная. Всё за него сделаю, пусть вор, пусть дурак, спасу, научу... И пожаловаться не могу никому. Только тебе вот, бабуля.

— Даже если пожалуешься, не гарантия, что пожалеют.

Слёзы побежали сильнее.

— Поплачь, поплачь, передо мной можно. — Виктория Владимировна чуть заметно улыбнулась. — Я и не думала, что ты умеешь.

Лариса встала и пошла на кухню со словами:

— Укатали сивку.

Остановилась в дверном проёме и сказала, не оборачиваясь:

— И главное — сын. Егорка. Он меня сильнее всего изводит. Но теперь я им уже займусь. Вернусь и займусь.

Виктория Владимировна вернула голову в прежнее положение и сказала на тяжёлом выдохе:

— Дети — счастье, внуки — богатство, правнуки — уже излишество.

Лариса ничего не ответила и вышла. Через пару минут она вернулась и уже не в слезах, а, наоборот, в какой-то свежей собранности:

— Так, ну с переездом мы решили.

38

Михаил Михайлович вызвал секретаршу, протянул ей листок со списком фамилий.

— Пригласите ко мне. Только не надо, чтобы об этом знала Лариса Николаевна. Она, кстати, пришла?

— Да, — кивнула Саша. Девушка не знала, что думать. Явившись сегодня на работу намного раньше обычного времени, шеф продиктовал ей приказ об увольнении Ларисы Николаевны Коневой с занимаемой должности. После знаменитой материнской конференции заместительница исчезла почти на месяц, никому ничего не объясняя. Не рассказывать же про истерику на Курском вокзале, про неделю, которую пролежала под капельницами в госпитале Бурденко (Гапа помогла, оставаясь нема, как могила), про поездку к бабушке. Михаил Михайлович с каждым днём её незаконного отсутствия укреплялся в уверенности, что он имеет моральное право её прогнать.

И вот, наконец, сегодня подписал.

Саша всё утро готовилась к чему-то похожему на землетрясение. Наверно, думала она, шеф тоже очень боится, почему и собирает себе на подмогу целую бригаду. Если бы не было так страшно, то интересно было бы посмотреть на историческое событие.

Вернувшись в предбанник, Саша обнаружила там невысокого полноватого мужчину лет пятидесяти, одетого с неталантливой небрежностью: потёртые джинсы с мокрой бахромой, чёрный, растянутый свитер, лицо неприятное, щекастое, непривлекательная седина, бледная, жалобно торчащая из свитера шея. Он всё время шмыгал тонким крючковатым носом. Ему нужна была Лариса Николаевна. Саша тут же ей доложила — посетитель.

— Кто такой?

— Ой, я забыла спросить, — побледнела Саша.

— Я тебя выгоню, — сказала Лариса. — Сколько лет ты сидишь в предбаннике и не усвоила самых простых вещей. Что за посетитель, какой из себя?

Секретарша, как могла, описала его. Сидевшая за столом хозяйка кабинета вскинулась.

— Что, что? — Её интерес показался секретарше совершенно неадекватным. Её как будто всю затрясло. — А ну сюда его! Нет, погоди, я сама!

Она резко встала и вышла в предбанник, там ей навстречу поднялся из кресла смущённый господин Перков.

— Не ждала? — с явно отретпетированной напускной нагловатостью поинтересовался он, прилизывая ладонью отставшую прядь.

Совершенно погасшая Лариса что-то пробормотала. По описанию секретарши, ничего не сказавшей о возрасте гостя, она решила, что это Егор.

— Ждала. Но не тебя.

— Войти-то позволишь?

— У меня мало времени, — сказала она, пропуская его в кабинет.

Михаил Михайлович оглядел собравшихся. Здесь были: Прокопенко, Волчок, Бабич, Милован. Последней прибежала Галка, теряясь в догадках, с чего бы это заинтересовались ею?

Шеф хмурился, прохаживаясь вдоль стола.

— Я должен с вами посоветоваться.

Собравшиеся переглядывались.

— Мне сейчас позвонили, какой-то незнакомый женский голос. Надеюсь, это не жестокая шутка.

Теперь никто не переглядывался, все смотрели на шефа.

— Дело касается Ларисы Николаевны.

— Сколько мы не виделись, Лара? — Гость оценивающе оглядывал кабинет, прошёлся вдоль короткого стола для заседаний, считая толстыми пальцами стулья. Сел в кресло с самым хозяйским видом.

— Много лет, и я бы не отказалась, чтобы ты снова пропал на столько же.

Гость грустно хмыкнул.

— Очень предсказуемая реакция.

— Раз ты всё можешь предсказать, значит, должен был знать, что приходиться не надо, зачем ты пришёл?

Поэт Перков-Принеманский вздохнул и вдруг обмяк в кресле. Начал медленно, слабосильно массировать на коленях свой скомканный, влажный плащ, намекая тем самым: видишь, что сделала со мной жизнь.

— Я пришёл за помощью.

Лариса от неожиданности открыла рот. Он заторопился:

— Да, да, дело в том, что мне не к кому обратиться.

— Я была уверена, что ты давно уже сгинул где-нибудь под забором.

— Да, Лара, я дважды был очень близок к этому. И именно что под забором. Покрутила меня жизнь на разные манеры. Я и завклубом был, и провизником, и в избиркоме работал, в области. Зоопарк сторожил.

— Ты же поэт, — с особым, прочувствованным презрением произнесла Лариса.

— Да, вот по этому поводу я и у тебя.

На лице у хозяйки появилась улыбка, как бы говорящая: ну-ка, ну-ка.

— Ты сначала объясни мне, как ты меня нашёл?

Это ей и правда было интересно. Он тогда очень уж начисто исчез из её жизни, ни ползвук о нём не доходило. Прошлое в этом направлении было как будто забетонировано. Но живой росток пробивается сквозь любое дорожное покрытие. Лариса презрительно взирала на это старое бледное растение.

— Как я тебя нашёл? Очень просто. В одном хорошем доме дали адрес.

— В каком ещё доме?

— У Венедикта Дмитриевича, знаешь ведь такого.

— Как ты туда попал?

В Ларисе было оскорблено самое сокровенное. Дом Поляновского она хранила в своём сердце как церковь высокого человеческого общения, прекрасно помнила, как непросто она сама туда проникала, а это жабоподобное жлобище просто выпрыгнуло из своего болотного небытия и сразу в алтарь! Нет в мире справедливости!

— Поэту повсюду есть вход, — небрежно пояснил Перков, как будто уловил смысл её возмущения.

Лариса медленно грызла свои губы.

— А почему ты мне чаю не предложишь, я же видел, у тебя там вон секретарша бегаёт.

— Это ты от робости хамишь, да?

Перков вдруг тяжело и глубоко вздохнул, переложил плащ на спинку соседнего стула, понурился.

— Конечно. Хреновато себя чувствую, криз у меня был гипертонический, почки барахлят, и давно. И задумался тихо так я — что после меня останется потомкам и друзьям? Собрал свои листочки, сложил в кучку, обрадовалась книжка. Она первая у меня, она же и последняя, наверно, будет.

— “Мои поражения”?

Поэт быстро, удивлённо заморгал.

— Откуда знаешь?

— Я не знаю, я помню.

— А-а, нет-нет. То были другие “Мои поражения”, как бы любовные неудачи. Я, кстати, принял твою опечатку как родную. Она усиливает, и ты вроде как бы чуть-чуть соавтор мне.

Лицо Ларисы перекосило.

— Спасибо.

— Да ладно. Но теперь у меня совсем другое название. Я совсем другой смысл вкладываю в слово “Пораженья”. Оно идёт не от поражения, как было, не от неудач в любви, а от того, что я поразился или был чем-то поражён до глубин природы. Человеком, событием, чувством! Понимаешь? Я не оплакиваю свою несчастную, никому не интересную жизнь, но, наоборот, к миру рвусь с благодарностью, с восторгом почти!

— И ты решил, что я помогу тебе с изданием?

— Конечно. У тебя связи, Москва. Сдохну ведь, никто не вспомнит. А у меня... сын.

Он опять стащил плащ со стула и прикрыл им вытертые колени.

— Ну, на этот счёт не волнуйся. Можешь считать, что у тебя нет сына.

Перков вздохнул с тяжёловесной покорностью, щёки его обвисли ещё больше, и весь он стал насквозь дрябл и неизлечимо виноват. Прямо хоть жалей. Раньше хотя бы подловатая скандальность была в этом гаде, что-то живое, а теперь хочется сравнить с гнилым одуванчиком. Тонкие ноздри слипаются от беззвучного шмыганья. Прогнать, конечно, можно. Соберётся и уйдёт, только это не будет самый лучший способ растоптать его.

Лариса всегда решения принимала быстро, так получилось и на этот раз. Настучала острым пальцем номер колбасного Бабица на клавиатуре.

— Здравствуй. Тихо, не надо. Да, столько лет не разговаривали. Сегодня к тебе придёт человек. Человек с рукописью. Ты профинансируешь её издание. Нет и нет. Не интересуется. Надеюсь, всё понял?

Перков стал приподниматься и разводить руки в стороны, видимо, стараясь показать, какого размера благодарность овладевает им, но Лариса усадила его тем же пальцем, что и набирала номер, как будто только им одним соглашалась прикоснуться к данной ситуации.

— Иди на седьмой этаж, найдёшь там молодого человека по фамилии Бабиц, он отвезёт тебя куда надо.

— Я...

— Иди. Всё. Чтобы больше я тебя не видела.

— Может, это розыгрыш, глупая шутка? — сказала Галка.

Михаил Михайлович отрицательно покачал головой.

— Я бы тоже хотел на это надеяться, но не надеюсь.

— А когда он успел? — удивился Прокопенко.

— Да Лариса ничего и не говорила о том, что он уже служит. — Это уже Милован.

— Говорила, — Михаил Михайлович сел за стол и стал массировать виски, — говорила, и все это слышали. На конференции. И все решили, что это блеф. Я, например, решил именно так. Лариса ради красного словца не пожалеет иной раз... никого. А оказалось, что это правда.

— Так он что, в госпитале? — спросил опять Милован.

— А почему этот голос не позвонил сразу Ларисе? — вопросительно хмыкнула Галка.

Михаил Михайлович пояснил:

— Эта женщина звонила много раз. Ларисы не было в городе, не только на работе. Она сегодня приехала на работу прямо с поезда.

— То есть это мы должны Ларисе сообщить? — спросил тихо Волчок.

Шеф поглядел на него из-под руки, которой продолжал массировать виски.

— Нет, не знаю, какая-то тёмная история, — сказал Милован. — Что-то мне не хочется спешить.

— Может быть, позвонить этой женщине и сказать, что Лариса уже на месте, пусть звонит ей.

Михаил Михайлович сменил руку.

— Да, Галя, это хорошая мысль, только у меня нет телефона этой женщины.

— Вообще-то спешить надо, — сказал Прокопенко, — если Егор в госпитале и в тяжёлом состоянии, то надо, чтобы Лариса успела повидаться, если там плохо всё.

— Женщина сообщила, что состояние тяжёлое, и больше ничего. Кома, — сказал Михаил Михайлович.

— А куда ехать-то? Где госпиталь? Какой госпиталь?

Шеф не успел ответить, в кабинет вошла Лариса. Ничего особенного в её облике не было.

— Мне нужно уехать, Михаил Михайлович.

— Да-да, конечно.

— Я возьму вашу машину?

— Да-да, конечно. В полном вашем распоряжении.

— Лариса, если там помочь, или... — привстал Бабич и вслед за ним

Милован.

Она отрицательно кивнула.

— Нет, я поеду с мужем.

Когда дверь за нею закрылась, собравшиеся в кабинете молча и с явным облегчением переглянулись.

— До неё дозвонились, — сказал Прокопенко.

— Она что, замуж вышла? — задала вопрос в пространство Галка. —

Когда?

— Всё может быть, — сказал Михаил Михайлович. — Может быть, она опять не выдумывает.

По дороге вниз Лариса завернула на этаж “Истории”. Там было пусто-вато, никто из вызванных в кабинет шефа ещё не вернулся, только из одной, открытой в коридор двери раздавались голоса. Там Карапет Карапетович заваривал чай на маленьком столике у себя в закутке, а Перков прохаживался подле и вещал:

— Я почти никогда не ошибаюсь, я, конечно, никакой не профессиональный предсказатель, я любитель, и у меня нет нужды всё время что-то высматривать там в будущем. Только походя, по живому, непосредственному наитию. Они у меня рождаются как стихи — прозрения. Кстати, может, после “Поражений” соберусь и на “Мои прозренья”.

— Что? — глухо переспросил Карапет.

— Да так. Например, недавно я прочитал статью в “Труде”: “Доживёт ли империя США до 2017 года?”, и моя мысль закружилась сама собой, и уже через час я знал достоверно, что случится всё значительно раньше. Уже году в 2008-м начнётся страшный финансовый кризис, и Америка начнёт рушиться и разваливаться на куски. Где-то году в 2015—2018. Я, конечно, не Ванга, но и у меня есть удачи. Я, например, предсказал отпадение Белоруссии от России, то есть развал СССР. Кто бы мог двадцать лет назад до такого дойти?

Карапет Карапетович уже давно отвлёкся от процесса заваривания и потрясённо глядел на говорящего гостя, автоматически поглаживая глубокую выемку у себя на черепе.

Увидев Ларису в дверях, Перков резко, виновато смолк. Она поманила его пальцем.

— Одевайся. Поехали. Не задавай вопросов, я не буду отвечать.

— Ну, а как же рукопись, ведь меня уже ждут!

Дверь открыла невысокая плотная девица в коротком халатике на голое тело. Веснушки, короткие рыжеватые волосы, в припухших губах сигарета. Ведь ждала гостей, могла бы привести себя в порядок.

— Здравствуйте, — сказала хрипло.

— Ты кто? — спросила Лариса, проходя внутрь квартиры, и сама себе мысленно ответила — “шалава”. Перков осторожно двинулся следом. Лариса хотела спросить, где Лион Иванович, но раньше увидела, где он. Дядя Ли лежал на своём раздвижном диване. На нём была пижама, по виду свежая, до пояса он был прикрыт клетчатым пледом. Половина лица у него была намылена. Правой рукой он держал распахнутую опасную бритву в хлопьях мыльной пены.

— Здравствуй.

Он ответил только глазами, но вполне осмысленно, мол, привет, всё в порядке, не журись.

Девушка подошла к нему, присела на край дивана и, наклонившись, взяла в руки бритву и продолжила начатое. Её налитые груди, казалось, вот-вот выкатятся из халата прямо на старика. Неуместный эротизм этой сцены злил Ларису. Так что же случилось с Егором, хотелось ей спросить, но одновременно очень хотелось разобраться с девушкой. Одно желание перебежало дорогу другому, так что гостя просто зло молчала.

И тут ещё раздался детский плач. “Парикмахерша” опять вложила бритву в руку Лиона Ивановича, как в подставку, и быстро вышла на кухню. Лариса вопросительно поглядела на дядю Ли, и, конечно же, зря. Он по-прежнему был нем. За какой бы то ни было информацией надо было идти на кухню. Она укоризненно покачала головой, ах, дядечка, ах, проказник! Он продолжал грустно улыбаться своими выразительными глазами.

На кухне, как ожидалось, Лариса застала самую отвратительную из возможных сцен. Грудь конопатой хамки всё же вырвалась на свет и теперь обчмокивалась губами грудного дитяти, вынутаго из коляски. Теперь у гостя начал формулироваться ещё и третий вопрос, и она совсем онемела. Перков равнодушно выглядывал из-за её плеча.

— Егор попал под машину. Вернее, не под машину, она ехала мимо, но был плохо закрыт борт, торчал... я не знаю, как называется, и ему попало в висок. Теперь он без сознания. В госпитале. В Коврове. Я хотела к нему поехать, но не с кем оставить ребёнка. Я позвонила — может быть, вы сидите!

Лариса даже не сразу осознала, до какой степени ей хамит эта хамка. То есть вот для чего она сюда вытребовала родную мать Егора, чтобы...

— А ты, собственно, кто?

— Марина.

— Ты жила у Лиона Ивановича?

Марину, кажется, этот вопрос смутил. Она не сразу поняла, как на него отвечать.

— Да. Но не только.

Ларисе было не до её трудностей. Ее, наконец, прорвало.

— А как он попал в армию?

— Пришла повестка...

— Почему он никому ничего не сказал?

Марина пожала голым плечом.

— Все знали, Лион Иванович... Егор вам хотел сказать, но потом решил, что лучше напишет оттуда. Я ему говорила, что так не очень хорошо, но он сказал, что так лучше.

Марина отняла ребёнка от груди и уложила обратно в коляску.

— Так ты не сказала мне, кто ты?

— Я Марина. Я понимаю, Егор вам ничего не говорил. Он хотел, но всё не говорил.

И тут Ларису, как это обычно говорится, пронзило.

— Послушай, а ты, ты что... ты, что ли, его, в смысле, ты с ним?

Марина кивнула и медленно передёрнула плотными плечами, как бы говоря: а что, до сих пор это было непонятно?

Лариса до такой степени была поражена, что даже обернулась к Перкову за поддержкой, всё же какой-никакой, а отец.

— И что, Марина, этот ребёнок...

— Это девочка.

— А как зовут? — спросил поэт, чтобы хоть как-то поучаствовать в разговоре.

Мать ответила не сразу, посмотрела в коляску, где тихо пускала пузыри сытенная дочка, потом поглядела на роскошную свекровь и тихо сказала:

— Лариса.

Свекровь несколько секунд молчала, потом сделала шаг вперёд и наклонилась над колёсной колыбелькой. Осторожно выдвинула из рукава своего пальто кисть руки и медленно протянула в сторону сытого, удовлетворённого жизнью свёртка. Когда палец бабушки приблизился к личику девочки вплотную, на губах у неё лопнул какой-то особый пузырь, большой, как какое-нибудь важное слово.

— Радуетя, — сказал дед.

— Это Егор сказал, что будет Лариса, — сообщила Марина.

— Да? — удивлённо покосилась на неё свекровь, как будто сама не могла сообразить такой простой вещи.

Из комнаты раздался какой-то булькающий звук. Марина бросилась туда. Лариса не могла оторваться от коляски.

— Ну, парень, — пробормотал Перков.

— Какой тебе парень!

— Я имею в виду Егора. Они жили, наверно, год, а сам ни звука. Почему он тебе ничего не рассказал? И старик мог бы позвонить.

— Не мог, — сказала возвратившаяся Марина. — Мы поселились здесь, только когда у него уже удар. А так у меня в общаге больше всего. Никто не знал.

Потом добавила, обращаясь к поэту:

— Пойдёмте, там надо перевернуть.

Лариса осталась один на один с коляской. Держалась одной рукой за подоконник, другой очень остороженько прикасалась к подбородочку, к лобикку, к кончику носа, и каждый раз с ней происходило какое-то сладостное сотрясение во всём теле. При этом она не беспамятствовала в других отношениях, и раненый Егор, и расплющенный дядя Ли никуда не исчезли из её сознания. Но всё равно эта огромная, больная сложность производила не отчаянье, а что-то совсем другое в душе.

— Ла-арочка. Ну, теперь мы им покажем!

40

В доме остались одни мужчины. Марина с младшей Ларисой в городской квартире. На ней, помимо заботы о дочке, ещё и присмотр за инсультным Лионом Ивановичем. Кроме того — Егор, его тоже надо навещать в гарнизонном госпитале. Он пока никого не узнаёт, и будет ли когда-нибудь узнавать, врачи сказать не могут. Старшая Лариса решила, что его надо будет со временем забрать сюда, в большой дом в Пуговичино. Она была убеждена, что сын поправится, хотя вроде бы никаких оснований для особого оптимизма не просматривалось.

Переговоры о покупке второй половины участка уже прошли. Денег должно хватить. Места хватит всем.

Поэт Принеманский поселился в отопляемой баньке, и, кажется, ему там нравилось. Николай Николаевич частенько к нему захаживал, чтобы ускользнуть от тихого скандала, который каждый раз раздражался, стоило Ларисе завести речь о переселении в общий дом Виктории Владимировны.

Нина Семёновна не сдавалась, хотя Лариса была убеждена, что это дело времени, так же, как и излечение Егора. Мать упиралась. Она готова была ходить не только за внуком, но даже за “артистом”, раз хороший человек, но “только не она”.

Тихое, несгибаемое сопротивление матери изводило Ларису. Какая у неё выстроилась стройная, гармоничная картина будущей жизни, все родные люди за одним большим столом, пусть кто-то не совсем здоров, это мелочи, и не такое переживали. Она часто бывала в госпитале у постели Егора, и хо-

тя улучшений пока не было заметно, демонстрировала железобетонный оптимизм. Вытащим!

Между тем устроились дела на работе. Михаил Михайлович отошёл от дел по состоянию здоровья, и как-то так получилось, что во главе ЦБПЗ оказалась Лариса Николаевна Конева. Успехам только стоит начаться, как их уже и не остановить. Хитрый-прехитрый Сергей Иванович подъехал к ней с предложением “войти в список”, пусть до выборов ещё далеко, но от неё ждут участия в руководящих структурах партии. Она даже не обрадовалась и взяла неделю на размышление. И Сергей Иванович это безропотно съёс.

Более того, предложил предварительно попробовать себя в публичном деле. Нужно было выйти на телевизионный поединок с представителем либерального лагеря. В одной из самых козырных программ, на одном из главнейших каналов. Лариса горько усмехнулась про себя: за неимением подходящего генерала придётся самой. А кто он, поинтересовалась, этот либеральный враг?

Хакамада!

Если до того она чуть-чуть и сомневалась — а стоит ли? — тут сразу заявила: да, я пойду! У них тоже некого выпихнуть на арену, у них тоже вся надежда на баб.

Что ж, значит, так.

И битва состоялась. Конечно, не в прямом эфире. Лариса привезла своим в деревню кассету с плёнкой, собираясь устроить коллективный семейный просмотр. У неё было ощущение, что с развязной полуяпонкой она “разбраслась”. Но тут выяснилось, что у деревенского телевизора перегорел звук. Без звука смотреть словесную битву было бессмысленно. Лариса сказала, что ничего страшного. Завтра она привезёт новый телевизор.

Нина Семёновна ходила, как тень, по участку. Она поняла, что после этого просмотра у неё уже не будет аргументов против встречи с матерью, потому что дочь перейдёт как бы на государственный уровень, и даже её семейные интересы тоже станут как бы немножко государственными. Как страстно любящая мать не может не отпустить на фронт своего мужа или сына, так и она не сможет не пустить на свой порог Викторию.

Лариса поглядывала на неё издали и искоса, ничего не говоря. Считала, что задумала правильно.

Но этому плану осуществиться было не суждено.

Утром принесли телеграмму от Стаси — подготовка к переезду Викторией Владимировны закончена, только вот случилось несчастье — она скончалась.

Мать и дочь, Нина Семёновна и Лариса, молча, деловито и быстро собрались и уехали. Ни капитану, ни тем более поэту не было предложено их сопровождать, да они даже и не решились поинтересоваться — нужны ли?

Вечером мужчины молчаливо накрыли на веранде стол. Развернули в комнате телевизор так, чтобы было видно экран с улицы через окно. Разлили. Капитан вставил кассету в немой прибор.

— Помянем? — спросил поэт, поднимая рюмку.

Капитан кивнул. Выпили. Капитан не знал, в курсе ли поэт той истории, что была у него в давние времена с тёщей, поэтому решил эту тему не развивать. Включили видеомэгафон. Снова налили.

Поначалу Хакамада выглядела предпочтительнее. Чувствовалась в ней привычка к такого рода затеям, она снисходительно улыбалась, пощёлкивала очками, ласково кивала ведущему. Он поражал своим сходством с официантом, который знает, что предложенное гостям меню, в общем-то, враньё.

Лариса сидела, набычившись и физически, и морально. Было заметно, что она знает — я здесь одна, и ни на кого рассчитывать не могу. Отвечала коротко, и, видимо, сначала не всегда впопад. Потому что не только улыбка змея, но и подсадные в зале посмеивались.

Перков незаметно для себя перешёл на сторону веселящегося большинства. Ему было даже немного приятно видеть, что его очень уж вознёсшуюся в последнее время супружницу немножко прикладывают физиономией об стол. Да, она сделала ему книжку и даже организовала три рецензии на его “Мои поражения”, и вечер с солидным фуршетом в Доме журналистов, но

всё это делалось сверху вниз. Но “сердце поэта сердито и вечно уязвлено”. И вот теперь — сатисфакция.

Капитан страдал. Он вновь почувствовал Ларочку своим ребёнком, и ребёнок этого какие-то зверящеры грызли в пещере телевизионного ящика. Он выпил два раза, даже не заметив протянутой к нему рюмки поэта.

Когда налил третью, что-то там, в виртуальном пространстве, случилось. “Официант” поперхнулся своей самоуверенностью, Хакамада нацеливающе поправила очки.

Ну-ка, ну-ка!

Подсадные как один наклонились вперёд. Теперь было не смешно, а интересно.

Долго, секунд двадцать пять, показывали только Ларису. Она говорила, и говорила великолепно, подрагивающая на щеке раненая жилка как бы удостоверяла — да, это так.

Хакамада попыталась броситься в контратаку, но натолкнулась лбом на невидимую стену. Ведущий теперь стоял так, чтобы всем было понятно — он на её стороне, но это не могло их спасти. Лариса говорила так, что начинало казаться, будто она уже не сидит в кресле, а встала в полный рост и сейчас двинется топтать их ногами.

Среди подсадных начались мелкие истерики, они тянули руки, вскакивали с мест, другие их дёргали за фалды.

Хакамада тоже встала и ввинчивала теперь свои аргументы в раскалённый воздух дискуссии длиннющей худой конечностью, как бы вооружённой скальпелем.

Лариса работала топором. Летели щепки, всем окружающим приходилось уворачиваться. Ведущий торопливо грёб к берегу дискуссии.

Когда всё кончилось, капитан сиял, поэт философски улыбался.

Они выпили.

— А всё-таки, согласись, пришло время баб.

— Что? — не понял Перков.

— Ну, вот посмотри, что такое мы. Сидим как овощи на даче, а все они, они вертятся. Всё в свои руки взяли.

— Скажем так, не всё.

— Нет, они пойдут дальше нас. Такие, как Ларка, конечно, редкость. Она да Нарочницкая, и всё. Но чую, их время впереди.

— Да ладно вам, товарищ капитан.

— Что ладно, взять того же тебя.

— Зачем? А впрочем, можно и взять. — Перков решительно вырвал огурец изо рта. — Вот вы говорите — пошли дальше нас?

— Да.

— А я, может быть, пошёл дальше Блока.

Капитан не понял, откинулся на спину стула.

— Да, да. Помните: “Ночь, улица, фонарь...”

— Не помню.

— Так вот, пока они там собачатся, я пошёл намного дальше: “Ночь, улица, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь, фонарь...”

— Слушай, заткнись!

— Фонарь уходит в бесконечность, бесконечная улица с односторонним движением — это сама наша жизнь!

Капитан Конев махнул на него рукой.

— Не надо сбрасывать мужчин с корабля современности, а если сбрасывать, то только в вечность, как Пушкина.

— Вот только про Пушкина не надо мне! А что касается мужчин... вот нас с тобой не жалко.

Перков недовольно пожал плечами, почему это, мол?

— А кого жалко, сейчас покажу.

Он встал из-за стола. Ушёл в дом. Там перемотал плёнку на кассете, и заново запустил зрелище. Но имел в виду не его. Появился на вечерней веранде с картонной папкой, развязал тесёмки...

— Что это? — спросил Перков, заглянув внутрь.

— Это он рисовал.

— А, Егор?

Николай Николаевич выпил, занюхал чёрной горбушкой.

— А что Егор? Нет теперь Егора. Кома, она и есть кома.

Поэт тоже выпил и сказал:

— Чего полез? Кому хотел доказать, доброволец! Его же должны были комиссовать, глаз-то не было!

Капитан покачал головой.

— Глаз-то именно что был. Вот глянь. — Он пододвинул к собутыльнику принесённые листы бумаги. На одном была очень по-детски изображена зебра и под ней крупно было написано — “Конь Матроскин”.

— Смешно, — сказал Перков, жуя огурец. — А это что? Медведь?

— Да, “Мишка кашалапый”, потому что лапы у него в каше. А я думал, что у Егора проблемы с дикцией. С дикцией всё было нормально, вот по зрению он был, конечно, инвалид, но как-то сумел всех там убедить, и его взяли.

— Очень, значит, хотел. Доказать хотел. Матери, — усмехнулся нехорошо поэт и взял третий лист. Там были изображены — мужчина, женщина и почему-то самолёт. Сверху надпись: “Проводы камикадзе”. Под фигуркой мужчины написано “сын”, под фигуркой женщины “мать”. Из рта “матери” выдувается пузырь, внутри него написано: “Береги себя, сынок”.

— Смешно, — сказал поэт.

Капитан снова разлил самогон. Но не выпили. Капитан пустил мелкую, бесшумную слезу.

— Он, может быть, даже был талант. Может, даже художник.

— Сын поэта всегда может быть художником.

— Настоящий мужик. Характер, не то что... — Николай Николаевич имел в виду себя, но договаривать не стал, боясь обидеть зятя. Перков не смотрел на него и не старался понять, что он имеет в виду, у него была своя мысль.

— А вот интересно, мне, как отцу военного инвалида, полагаются же какие-то льготы?

— Что?! — тупо посмотрел на него капитан.

— А то — злая судьбинюшка, злющая. И жена, и дочка, и теперь вот сын — за что мне всё это? Может, без очереди в Союз можно.

Через полчаса, когда была допита вторая бутылка, капитан уснул, а поэт запел, подпирая квадратную голову с зажмуренными глазами:

— Прекрасное далё-око, не будь ко мне жесто-око, жесто-око не будь!

В наступившей подмосковной сладчайшей ночи Лариса вновь громила, громила ненавистную неправду с лицом возбуждённой Хакамады.